

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 12 (671) • 2011

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом
духовного наследия
Марина РЫБАКИНА
заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ТЕМА НОМЕРА: ОТЦЕДИТЬ КОМАРА, ИЛИ ПРИЗРАЧНЫЙ ЗАПАХ ДЕНЕГ

(ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ)

ПОЭЗИЯ

Николай ТАРАСОВ	3
Николай БУБНОВ	26
Леонид МАЛКИН	54
ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ФИРSOVA	79

ПРОЗА

Дмитрий ИГУМНОВ	
ЕЛОЧКА Рассказ	13
Сергей КОЗЛОВ Рассказы	29
Андрей ИВАНОВ	
БОНАПАРТ В ЕГИПТЕ Исторический роман (окончание)	61

ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ

ДОБРОЕ СОСЕДСТВО ГАЛИНЫ ХОМЧИК (беседа)	10
--	----

20-Я КОМНАТА / ОТ ПЯТНАДЦАТИ И СТАРШЕ

Александр ГАЛКИН	
ОТЦЕДИТЬ КОМАРА, ИЛИ ПРИЗРАЧНЫЙ ЗАПАХ ДЕНЕГ	
ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ	20

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
НАШЕ ВСЁ И НАШЕ НИЧТО	25

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

Петр ПУСТОВАЛОВ	
УЧИТЬСЯ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К СЕБЕ...	50

ЖЕНСКИЕ ВЕДЫ

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА	
ПЬЕСА Б. ШОУ «ПИГМАЛИОН» —	
МАНИФЕСТ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ	81

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ	
УВИЖУ САМ Человекотекст, книга 3 (продолжение)	84

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Ариадна СЛАДКОВА г. Москва	90
Олег ЛЕБЕДЕВ г. Москва	99
Зулкар ХАСАНОВ г. Калуга	112
Павел ТИМЧЕНКО Московская область, г. Раменское	118

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //

Валерий ИЛЬИЧЕВ	
ПОХОЖДЕНИЯ «ПОДМИГИВАЮЩЕГО ПРИЗРАКА»	
Повесть (продолжение)	125

// Зеленый портфель //

Илья КРИШТУЛ Рассказики	137
-------------------------------	-----

// «До востребования» //

Галка ГАЛКИНА	
ВЫШЕ ЗНАМЯ БОРЬБЫ ЗА СЧАСТЬЕ...	139

// Veriora Veris //

Шалун ГЕО, человек при оркестре	
ВОДКИНС И СЕЛЕДКИНС!	140

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» ЗА 2011 ГОД

.....	141
-------	-----

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Дежурные по редакции

Аврора КОТОВА

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность представленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН, ОП

«ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140010, Люберцы, Московская обл.,

Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 974-69-76

Тираж 6 500 экз.

Формат: 60x84/8

Заказ №

Николай Тарасов родился в Одессе в 1947 году в семье военнослужащего. Детство прошло в Новосибирске, Новограде-Волынском, Хабаровске, Усурийске. Юность — в Ташкенте. В 1970 году приехал на Сахалин, в город Горнозаводск. Заочно окончил филологический факультет Южно-Сахалинского пединститута. В 1979 году переехал в Южно-Сахалинск. С 1988 года по настоящее время избирается ответственным секретарем Сахалинской писательской организации (Сахалинского регионального отделения Союза писателей России). В 1974 году был участником Иркутского зонального семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, в 1975-м — VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. За книгу стихов «Обновление», вышедшую в издательстве «Современник» в 1980 году, ему присуждена премия Сахалинского комсомола. Публиковался в различных журналах, в коллективных сборниках «Сахалин», «Бухта Лазурная», «Каменный пояс», в альманахах «Поэзия» и других изданиях. Автор стихов к песням в нескольких художественных фильмах, снятых на киностудии им. М. Горького и «Мосфильме». Автор девяти поэтических книг и трех книг прозы. Был делегатом последнего съезда Союза писателей СССР, учредительного съезда Международного сообщества писательских союзов, шести съездов Союза писателей России. Член правления Союза писателей России. Руководитель областного литературного объединения «Лира». Лауреат премии Сахалинского фонда культуры, премии губернатора Сахалинской области. Член Союза писателей СССР (России) с 1981 года. За вклад в культуру награжден медалью Пушкина.

О ПОЭЗИИ

Говорят, что Пушкин определял сущность поэзии как «комбинацию звуков». Не так давно я попросил наших лировцев на очередном заседании дать свое определение поэзии. Задача была, конечно, не столько «дойти до сути», сколько поучиться еще раз формулировать мысли. Никто не повторился. У кого-то поэзия — это «записанные чувства, доступные другим», у кого-то — «песнь души», «способ материализации в мире реальном чувственных образов бессознательного», «эталонное выражение чувств и мыслей» и т. п. Сколько бы мне ни твердили когда-то о «единстве формы и содержания», для меня в этом «единстве» всегда главенствовало «как», а не «что». В этом «как» и заключалось «что». И когда я наткнулся, к примеру, на рубцовские строки:

Как же так, скажи на милость,
В наши годы, милый гость, —
Все промчалось, прокатилось,
Пролетело, пронеслось...

то они остались со мной на всю жизнь благодаря своей органичности, точности интонации, которая придает этой «комбинации звуков» пронзительную сердечность. Видимо, для меня поэзия — в правде переживания, а «правда» эта — в последовательности и в характере звучания слов. Много лет опрашивал я знакомых пиитов, не знают ли они, кому принадлежат удивительные, на мой взгляд, строки, запавшие в душу смолоду. Имя же автора, хоть убей, не помнилось.

Господи! Да что же это!
 Нешто, раненному в пузо,
 Уходить тебе со света
 Из-за подлого француза?!

То, что люди, читающие и пишушие, не слышали и не знали этих строк, исполненных такого лирического напряжения, ставило меня в тупик.

Недавно спросил старшего брата и услышал:

— Да это же в Ашхабаде Леня Филатов, когда я ему показал твое стихотворение о Пушкине «Он умирал...», сказал, что и у него об этом есть стихи, и передал для тебя вот это. Только там не «Господи!», а «Барин, барин, что же это...». Слуга Александра Сергеевича причитает...

Очевидно, что не забылись мне эти строки за много лет именно из-за «правды переживания», выработанной на редкость органично.

Не очень известный широкому читателю, главным образом потому, что никогда не стремился

к этому, поэт из Орла Владимир Переверзев для меня — поэт невероятной силы именно из-за «правды переживания» в своих стихах.

...жизнь моя, побудь со мною.

С неизбежною виною
 Чем покажешься в конце?
 Я не знаю... Флейтой, скрипкой?
 Женщиной? Тюремной пыткой?
 Иль загадочной улыбкой
 На заплаканном лице?

Он оставил не очень много стихотворений. Всего одну книгу, но она дорогого стоит.

У каждого из нас — свой собственный «приемник» для улавливания поэзии. И здесь трудно вывести ее объективный «знаменатель». Главное, чтобы в жизни у каждого она была. И волновала, и окрыляла...

Николай Тарасов

* * *

Все то, что должно быть согрето, —
 Согрето.
 Окончилось лето и в нашем саду.
 На яблонях яблоки. Может быть, это
 Последние яблоки в этом году.
 И кто мне подскажет, какое значенье
 Имеет мое возвращенье сюда,
 Где странное летом исходит свеченье
 От каждого
 в садике этом
 плода?
 Никто не подскажет. Никто не поможет.
 Окончилось лето и в нашем саду.
 Прощаюсь. Пусть падают яблоки.
 Боже —
 Последние яблоки в этом году ...

* * *

Скоро первый ледок
 Заползет под порог.
 Перекаты остынут у брода.
 И в назначенный срок
 Оборвется гудок
 Отплывающего теплохода.

В небе гуси летят.
Ах, как гуси кричат!
В криках их ни печали,
Ни грусти.
И на гусельный лад
Им с земли невпопад
Отвечают домашние гуси.

Остывает река. Ветерок у виска.
Слышь, гусак,
На кого нам сердиться?
Наша ноша легка
И посильна,
Пока
В небе водится дикая птица.

Скоро первый ледок
Заползет под порог.
Ветер тучу закружит над нами.
На калитке замок. Гусь кричит,
Как пророк,
И короткими машет крылами.

* * *

Легкий бред кружевной
С голосами и без —
Этот снег, как живой,
Тихо сходит с небес.

Жаль, не все нам во мгле
Здесь слышны голоса,
Что остывшей земле
Подают небеса.

Что ж, гляди в этот снег
И губами лови.
И опять целый век
Умирай от любви.

* * *

С равнин восточного Китая,
Сорвавшись, может быть, вчера,
Клин длинношеих — птичья стая —
Летит на наши севера.

До тундры ягельно-оленьей
Или подальше куда...

Ни засухи, ни наводнений
Там не бывает никогда.

Курлычут птицы в небосводе
Над краем, где хоть волком вой.
Над нашим горестным бесплодьем,
Над вытопанною травой.

Их голоса за дымкой тают.
И кто-то думает: поют...
Да не поют они — рыдают,
Наш озирая неуют,

Туда издревле пролетая,
Где ледовитый ветер свеж!
Куда вернешься, хоть зарежь, —
С равнин восточного Китая.

* * *

Нет равновесья на планете.
Разновеликие слова
Сосуществуют. Хлещет ветер
В материки и острова.

И эхом вечного вопроса
Над сушей и водой возник
Крик сумасшедшего матроса:
Ты — остров или материк?!

И там, и там горят соцветья,
И там, и там шумит листва.
Перемещаются созвездья —
Материки и острова.

Плывут миры сквозь мрак и ветер.
Кто мал из них и кто велик?
Мои заботы в этом свете:
Вы — остров или материк?

Вы, помыслы благие наши,
Почерпнутые не из книг,
Наш плач и смех — на этой чаше:
Вы — остров или материк?

Стоят весы. Ты ждешь решенья.
А мир давно уже постиг:
Все дело в силе притяженья!
Ты — остров или материк?

Тот корабль

Корабль,
На котором обещано было мне место,
Ушел без меня. Растворился,
Возникнув едва.
И где он теперь —
Мне про то ничего не известно.
Но мне интересно —
Судьба моя там какова?

На палубе той
Что за ветры мне душу студили?
И чьи семафорили мне
На пути корабли?
Какие виденья
Чредой предо мной проходили?
Какие созвездья
Глаза мне дорогой сожгли?

Не пройдены мили.
Под килем не мерены футы...
Да есть ли резон
Толковать о несбывшемся том?
И видеть сейчас,
В эти самые, может, минуты,
Себя не на этом —
На том корабле. На своем.

На том,
Где однажды обещано было мне место.
На том, что ушел без меня,
Помаячив едва.
Что с ним, интересно?
Со мною-то, в общем, известно...
А все ж интересно —
Судьба моя там
Какова?

* * *

Владимиру Переверзеву

Нет ничего чудесней странствий...
Сбрось повседневности пиджак,
Перемести себя в пространстве
Хотя б на миг, хотя б на шаг.

Пройди один глухой тропею
Сквозь пойму сумрачной реки,
Туда, где ходят к водопою
Одно зверье и лешаки.

На перевал взберись туманный,
В теснину зябкую спустись.
Дождя, луча, небесной манны —
Добудь в пути или дождись!

Присядь на пенешек устало —
Лесной родник не огорчит.
Послушай, как реки начало
Легко у ног твоих скворчит.

...Все получилось, как ни странно.
И вот — окончены труды.
Была задача: встать с дивана
И в кухне отыскать воды...

* * *

Удивительно, но всегда
Я живу на конечных станциях.
От меня идут поезда
И теряются в дальних странствиях,

Отправляются от меня,
Уползают в туманы ватные.
И не жду их обратно я,
Понимаю, что безвозвратные...

Оттого-то в моем окне
Не мелькают составы встречные,
А однажды придя ко мне,
Остаются на веки вечные.

Я не знаю, бродили где,
В непробудных лесах ли, во поле...
Понимаю — они не те,
Что когда-то отсюда отбыли.
Провожал я друзей своих,
А встречаю людей неведомых.
Привечаю по-братски их
Вместе с радостями и бедами.

На другом конце колеи
Тоже кто-то живет случайно.
Поезда встречает мои
И друзей моих привечает.

В том, наверное, свой резон —
Что не всем нам теряться в странствиях,
Кто-то должен, как я и он,
Проживать на конечных станциях...

Ода одуванчику

А. Смирнову

Одуванчик —
Цветок молодец.
По лужку идешь,
Как по солнышку.
Не букет из него —
Венец...
Не царевну венчать,
А Золушку...

Выжил он
Под крутым колесом
И в июльских воскрес
Отавах.
Где один пропал —
Вмиг на месте том
Встало сорок их,
Солнцеглавых.

Не боится он никакой беды,
Славно сказочный
Мальчик-с-пальчик,
Не горит в огне.
Не бежит воды...
Молодец
Цветок-одуванчик!

Где пожар прошел,
Где любовь свели
И по пеплу давно проехали,
Где охотники
Самый цвет земли
Изорвали в клочья
Потехами.

Там, где выла боль
Под витым кнутом,
Где плясал на костях
Обманщик, —
Заросла зола,
И на месте том
Бесконечно прав
Одуванчик!

Галина Хомчик — одно из самых светлых и притягательных имен сегодняшней авторской песни. Когда поет Хомчик, окружающие пространство и время реально преобразуются, становятся добрее. В ее мире утро начинается лесным солнышком Визбора и весь день напролет не умолкает окуджавский надежды маленький оркестрик...

ДОБРОЕ СОСЕДСТВО ГАЛИНЫ ХОМЧИК

— Галина, Иммануил Кант говорил о том, что постоянный интерес и восхищение у него вызывают звездное небо и нравственный закон внутри человека. Вы исполняете песни, написанные другими людьми. Насколько важно понять внутренний мир автора?

— Мне кажется, что внутренний мир человека, написавшего песню, — в самой песне. Если человек это делает не по заказу, не на потребу, а по зову сердца, зову души, то так или иначе в песне все равно высвечиваются его душа и его понимание окружающего мира. Если мне это близко, то я беру песню, если мне это чуждо, то я песню не возьму. Бывает и так: слушаю песню — вроде бы красивая мелодия, красивые стихи... А потом эти стихи пытаешься прочитать и понимаешь, что там слова-то красивые, а в общем-то пустота, ничего не сказала тебе эта песня. Какая бы красивая она при этом ни была, ты ее все равно не берешь.

А если уж ты взяла песню, то это значит, что человек, ее создавший сказал те слова, которые ты сама хотела кому-то сказать, но поскольку ты безъязыка, то не сумела этого сделать. Я называю себя безъязыкой в смысле неумения слагать поэтические строки.

— Вам же Бог дал особый дар: бесподобный голос и тончайшее понимание песни.

— Может быть, это такое возмещение...

— Но еще и душевная переключка с авторами песен...

— Обязательно. Например, с Булатом Окуджавой — всегда. Что бы я ни слушала, что бы я ни читала — и стихи, и прозу его. С Булатом Окуджавой возникает не только душевная переключка, но и аб-

солютное понимание того, что он хочет сказать. Булат Шалвович для меня — это гениальная простота. Образы, которые он создает, его язык, мне кажется, доходят до сердца каждого. Его простота именно поэтическая. Есть простота в смысле примитивности, а у Булата Шалвовича это простота гениальности, поэтому появляется сопереживание и желание кому-то передать его слова, его мысли, его образы.

Возникает душевная переключка с музыкой Сергея Никитина. Он для меня останется абсолютно непревзойденным музыкальным гением из тех, кого я знаю в жанре авторской песни. Выше него как музыканта — как человека, музыкальным языком читающего стихи, — я для себя никого не мыслю.

Юрий Визбор, Новелла Матвеева, Ада Якушева, безусловно, всегда находят во мне отклик.

Юрий Визбор в смысле слова и музыки, пожалуй, самый близкий к Булату Окуджаве творец. Так вот Булат Окуджава и Юрий Визбор и мои самые близкие авторы.

Близок мне и Высоцкий. Не могу сказать, что всегда. Для моего внутреннего ощущения иногда он грубоват. Но некоторые песни его, на мой взгляд, гениальны, потому что понятны любому человеку. И настолько высокая поэтическая планка взята Высоцким!

— А Бог посылал Вам личные встречи с авторами песен?

— Да, были личные встречи с Булатом Шалвовичем. Мне они запомнились на всю жизнь.

История с песнями Окуджавы развивалась следующим образом. В детстве и в юности они постоян-

но звучали вокруг меня в доме моих родителей. Поэтому, когда я взяла гитару, оказалось, что наизусть знаю больше всего песен Окуджавы.

В 1986 году я стала лауреатом Первого Всесоюзного фестиваля авторской песни (это был крупнейший конкурс авторской песни в Советском Союзе). Председателем жюри был Булат Окуджава, и тогда состоялась наша первая очная встреча. Он мне вручал диплом и приз, сохранилась фотография этого момента.

Потом, может быть, года через два, в Петербурге проходил какой-то фестиваль авторской песни, и одновременно с этим в зале у Финляндского шел концерт Булата Окуджавы. Но в тот вечер он заболел и не мог петь. Поэтому Игорь Каримов, который проводил фестиваль, пришел к нам, участникам, и сказал: «Ребята, давайте выручать Булата Шалвовича! Прошу тех, кто поет его песни, помочь. У него концерт, он будет что-то читать, а вы будете петь его песни».

Нас было несколько человек, которые пришли на этот концерт. Булат Шалвович сидел на сцене и всем вежливо аплодировал. Я пела «Надежды маленький оркестрик», простенькую песню, казалось бы. И вдруг он за моей спиной аплодирует и говорит: «Браво!»

Я думаю: «Какой воспитанный интеллигентный человек». Мне было, конечно, приятно услышать «браво» из уст мастера. Я не говорю, что он был мой кумир, но он был мой ориентир, я предпочитаю это слово. После концерта я спустилась в гримерку, там сидел Булат Шалвович. Извинилась, забираю гитару, выхожу из гримерки, а мне в спину Булат Шалвович произносит: «А я говорил вам, что мне нравится, как вы поете мои песни?» И я просто замерла: вот эта фраза дословно, как он это сказал, для меня — на всю жизнь. Я получила благоговение от человека, от которого я бы хотела его получить, потому что Булат Шалвович никогда не стеснялся в оценках того, что ему нравилось и что не нравилось. На том же Всесоюзном фестивале авторской песни, о котором я говорила, было много людей, которые приходили к Окуджаве на прослушивание, и он говорил: «Знаете, вам лучше не заниматься этим, не заниматься созданием песен». Абсолютно прямо говорил. Он не был бесцеремонен, но он был со своим сложившимся мнением, прям и честен, и если его спрашивали: «Ну как?», то он говорил, что думал. При этом он никогда никому своего мнения не навязывал, не считал себя истиной в последней инстанции, а просто высказывал свое мнение. Поэтому его слова: «Я говорил вам, что мне нравится, как вы поете мои песни?» — конечно, для меня были важны. Я его поблагодарила

и ушла. Все-таки приняла это за знак вежливости, наверное.

— Не поверили в его восхищение?

— Мне страшно было. Я всегда была в себе не уверена, я всегда очень сильно боялась загордиться и полюбить себя в песне больше, чем песню в себе. Это очень страшно! Тем более вокруг так происходит с людьми, к сожалению, довольно часто.

А потом Олег Митяев позвал меня поехать с ним вместе в Переделкино. Он с Булатом Шалвовичем довольно часто встречался и ездил к нему. Они подружились, и Олег часто привозил к Булату Шалвовичу интересных новых исполнителей. И вот перед одной из таких поездок Олег говорит: «А поехали! Я хочу и тебя представить, и Ивасей». Я говорю: «Ну поехали, конечно». Потому что была уверена, что Булат Шалвович не вспомнит меня. Я поехала вроде как знакомиться, то есть меня должны были представлять. Все это выглядело следующим образом: мы сидели в его домике и пели, кто что мог. Иващенко с Васильевым пели свои песни, потом настала моя очередь. Получилась забавная ситуация, которая мне врезалась в память. Иваси спели песню «Как мы строили навес на даче». Булат Шалвович эту песню слышал впервые, и так радостно и удивленно послушав, говорит: «Ой, подождите, подождите» и зовет: «Оля!» Приходит Ольга Владимировна. Он говорит: «Ребята, ничего, если я попрошу вас эту песню еще раз спеть?» Они поют. Ольге Владимировне тоже нравится. И уже она просит: «Извините, пожалуйста! Буля!» Зовет сына. Приходит Булат Булатович. И они третий раз на бис спели эту песню.

У Булата Шалвовича присутствовала удивительно живая заинтересованность в талантливых людях, которая и меня совершенно покорила. Потом наступает моя очередь петь. Олег Митяев начинает про меня что-то рассказывать. Булат Шалвович обращается ко мне и говорит: «Так мы же с вами знакомы, я вас знаю, я вас помню, я люблю то, что вы делаете, поэтому ни к чему представлять вас. Мы же знакомы с вами».

Для меня это было очень трогательно! Я была уверена, что при таком количестве людей, которые проходили перед его глазами, невозможно запомнить всех.

А дальше, после этой встречи, я имела честь быть приглашенной на его семидесятилетие в Союз писателей. Именно туда я привела Лену Казанцеву, пред светлы очи, и сказала: «Булат Шалвович, я знаю, что вам интересны молодые, талантливые, вот Лена Казанцева из Минска». И он ее тоже послушал.

Вот были такие встречи. Я никогда не скажу, что мы дружили. Потому что это знакомство, это

доброе знакомство, не более того. Потому что говорить, что ты дружил с кем-то, — большая ответственность. А вот с Ольгой Владимировной, смею надеяться, мы друзья. Поэтому я всегда откликаюсь, когда меня зовут в Переделкино, в домик Булата Шалвовича. Я рада, когда меня зовут на концерты в честь Булата 8 и 9 мая в день его рождения. Для меня огромное счастье, что общение с семьей Булата Шалвовича и с Ольгой Владимировной продолжается.

— *Окуджаву для Вас великий поэт или великий философ, мудрец?*

— Это мудрец. Для меня это мудрец, который постиг истину. Он ее постиг, а такие, как я, благодаря ему постигают постепенно. Сколько я ни слушаю его, для меня открывается что-то новое, причем в разном возрасте. Первое время я пела какие-то одни окуджавские песни, потом немножечко повзрослела и вдруг расслышала его песни, на которые раньше даже не обращала внимания. Слушаю и думаю: «Боже мой, почему же я раньше этого не слышала, того, что он этой песней сказал. Это же так правильно». Доросла. Мне кажется, что до Булата Шалвовича можно дорастать всю жизнь. Потому что есть у него песни, в которых столько мудрости, что ты ее все равно сразу не постигнешь, какую-то часть постигнешь в тридцать лет, какая-то часть станет тебе доступна в пятьдесят, а какую-то, может быть, вообще не уловишь.

Окуджаву для меня мудрец, которого можно перечитывать, причем он мудрец, который гениальным, простым языком все сказал, и наше дело — только попытаться услышать и уловить.

— *А Ваше — как певицы, как исполнителя — донести до людей?*

— Главное — не испортить, потому что хрупкий мир не только у песен Окуджавы, но и у песен, вообще созданных подлинным поэтом, композитором. Нанести урон очень легко. А вот бережно сохранить все, как хрустальный шарик, не всегда просто.

— Булат Шалвович Окуджаву — участник Великой Отечественной войны. Как удалось ему на войне не ожесточиться, что должно быть в человеке, чтобы такие испытания не ожесточали его?

— Наверное, большая любовь к миру, любовь к ближнему... Я смотрю на поколение своих родителей, которые были детьми войны и не ожесточились, хотя им очень много всего пришлось перенести. Идеалы, на которых они воспитаны, дают, наверное, правильное понимание мира. Потому что, если посмотреть на многих моих современников, прошедших другие войны уже после Великой Отечественной, мне кажется, что они гораздо более циничны, чем поколение моих родителей.

Наверное, это действительно определено тем, на каких идеалах воспитывалось поколение. Сейчас пытаются все то, на чем выросли мои родители, растоптать и уничтожить, унижить и оплевать. Я всегда была противником этого. Если люди, выросшие на каких-то идеалах, действительно настоящие люди с лучшими человеческими качествами, значит, что-то было правильно в их воспитании и что-то неправильно в воспитании тех, кто сейчас озлобился и стал циником.

— *У Вас есть шанс обратиться через журнал «Юность» к нашим соотечественникам. Что бы Вы им пожелали? Что бы Вы хотели изменить в стране?*

— Огорчаюсь, когда вижу мало доброго внимания друг к другу. Милосердия больше нам всем надо, доброты. Ведь если будет больше доброты в мире, любви друг к другу — станет гораздо легче жить.

Мне не хватает доброй сплоченности. Той, что была в моем детстве. Некой дружбы семейной, которую я в детстве видела, когда дружили соседи по лестничной клетке, соседи по подъезду. Это были добрые соседи, они друг другу помогали, заботились, детей поддерживали. Я бы пожелала сейчас нашей разобщенной людской массе чаще становиться добрыми соседями, проявлять больше чуткости и внимания к человеку, рядом стоящему, чаще думать, не нужна ли помощь, поддержка.

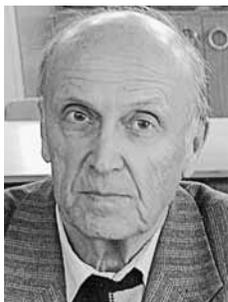
Сейчас, к сожалению, многие из нас не знают соседей по лестничной клетке. Нежели нам абсолютно все равно, кто рядом с нами?

Мне хочется, чтобы равнодушия стало меньше, а прибавилось в стране нашей дружеского сочувствия и тепла.

Беседу вела Ирина Алексеева

Дмитрий ИГУМНОВ

Дмитрий Игумнов родился в памятном 1937 году в Москве (коренной москвич в пятом колене).

Служил на Балтийском флоте, в морской авиации. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. Имеет более трехсот научных работ и изобретений, ряд которых переведены на английский и другие иностранные языки.

Один из первых рассказов «Вся надежда на вас, товарищ Пробкин» был опубликован в журнале «Наш современник» в 2005 году. Вскоре состоялись публикации рассказов Игумнова и в журнале «Юность». А в 2008 году в издательстве журнала «Юность» вышла книга его прозы «Рыжий».

В настоящее время Дмитрий Васильевич работает в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики на кафедре технической электродинамики и электроники.

Рассказы и притчи Дмитрия Игумнова — это поучительные истории, полные иронии и драматизма.

ЕЛОЧКА

РАССКАЗ

Снег накрыл землю пушистым одеялом, морозец поскрипывал под ногами, словно квашеный огурец. Воздух синий и аж звенит от холода.

Приближается Новый год.

За две недели до его встречи в городе открылись елочные базары, но продаваемые там елки являлись таковыми номинально. Скорее их можно назвать елочными палками с редкими ободранными сучками. Искусственные елочки в то время только еще появлялись, да и то затрапезные. В общем, выбор небогатый, не пробуждающий желание принести в дом предлагаемую торговой сетью рухлядь.

Военно-испытательный полигон, к которому я был тогда прикомандирован, располагался примерно в трехстах километрах от города. Так что иногда возможность приезжать домой на воскресные дни, если, конечно, позволяла рабочая обстановка, имелась. Повсеместная предпраздничная суета захлестнула и полигон. Предчувствие чего-то сказочного, а также весьма реального — обильное застолье, подарки, неожиданные встречи, — побуждало отвлекаться от работы, что оказывалось весьма нек-

стати. К тому же до полного окончания испытаний аппаратуры оборонного назначения оставалось еще много времени. И поэтому, несмотря на все эти искушения, было крайне желательно закончить хотя бы запланированный до Нового года этап наладки основных узлов и систем.

Но ко всем предпраздничным и рабочим хлопотам прибавились еще проблемы с новогодней елкой!

Итак, вот-вот куранты пробьют двенадцать, а наша бригада — вдали от дома, и шансы на приобретение желанной новогодней ели тают с каждым днем.

Члены командировочной бригады проявляли свое недовольство этим обстоятельством по-разному.

Всегда спокойный и выдержанный Сергей Иванович Смирнов стал еще более молчаливым. Что творилось в его околдованной молчанием душе, определить было невозможно даже в обычное время. Порой он всех просто ставил в тупик своей нестандартной логикой. Я уже давно отчаялся понять Сергея Ивановича и больше не пытался вникнуть в

суть этого необычного человека, а просто принимал его с полным доверием и уважением.

Сергей Иванович — человек уже весьма пожилой, прошедший всю Отечественную войну и испытывавший в своей нелегкой жизни много всего. И хотя за его плечами — неполное среднее образование, это не помешало редчайшему самородку стать лучшим инженером не только в нашем институте, но и, пожалуй, во всей отрасли. Дар технического предвидения был у него просто потрясающим. За всю свою жизнь я не встречал ничего подобного.

К примеру, Сергей Иванович, совершенно не признававший расчетных формул, полагал, что они придуманы с целью затуманить людям мозги. Если ему задавали вопрос по номиналам элементов какой-либо схемы, то он проводил свой мистический анализ, погружившись в особое состояние транса. В этом состоянии с закрытыми глазами, а иногда и с пеной изо рта, пребывал он минут десять-двадцать в зависимости от заковыристости задачи. По прошествии этого времени из уст Сергея Ивановича исходил ответ с потрясающей и даже пугающей дотошностью к деталям.

Еще в юные годы мне посчастливилось оказаться под покровительственным крылом Сергея Ивановича, и я остаюсь до конца своих дней благодарен этому чудесному человеку.

В той памятной предновогодней командировке я был назначен руководителем группы, но реально последнее слово оставалось за моим прежним наставником. Всегда и во всем я неукоснительно отдавал дань его авторитету.

Кроме нас с Сергеем Ивановичем в бригаде были еще двое: техник Толя Митин и радиомонтажник Витя Склянкин.

Многодетному отцу Толе, у которого четверо детей, причем одни девочки (а в проекте значилась пятая), елка была нужна позарез.

Знаменательно, что первопричиной этой многодетности явилось то обстоятельство, что несколько лет тому назад жена Толи, работавшая в торговле небольшим начальником, крупно проворовалась. Следствие по ее делу предвещало длительное тюремное заключение. Что оставалось делать безутешному главе семейства? Вот тогда русская смекалка и подсказала правильный выход.

Дело в том, что по советским законам нельзя посадить в тюрьму ни беременную женщину, ни кормящую грудью мать. Поэтому Толе, конечно, пришлось здорово потрудиться «на детородном фронте». В результате все получилось очень даже неплохо: и семья Митиных не осталась без хозяйки, и страна наша существенно улучшила демографическую ситуацию.

Однако достичь полной гармонии все же не удалось, поскольку теперь Толя буквально сходил с ума от обилия плачущих детских голосов. Он не просто хотел уехать в командировку, а отчаянно стремился хотя бы на время отдохнуть от семейных проблем. Своей жене Толя аргументировал это желание исключительно надобностью подзаработать. Семья-то росла не по дням, а по часам.

Мне не хотелось включать Толю в свою бригаду, поскольку он являлся, скажем так, весьма средним специалистом. Под разными предложениями я неоднократно отказывал ему. Но здесь вмешалась добрая душа — Сергей Иванович:

— Да возьми его, Дим, а то совсем захиреет со своим бабьем.

Слово моего бывшего наставника — для меня закон.

В отличие от Толи, монтажник радиоэлектронной аппаратуры Витя Склянкин весьма неплохой работник, да и товарищ надежный. Учился Витя в заочном институте, клятвенно заверяя, что его успеваемость хромала на все четыре ноги именно по причине постоянных командировок. Все это, наверное, так, но все же следует отметить, что разведенный холостяк все время озабочен поисками женщины. Как говорится, если любовь мешает учебе, оставь учебу!

В последние дни инициативный и говорливый Витя на все лады обсуждал тему приближающегося Нового года, в том числе и возможности приобретения елки. Эта насущная тема не оставила никого равнодушным.

Похоже, что сетования нашей бригады не оказались напрасными и наконец дошли до начальства. И вот совершенно неожиданно произошло весьма радостное событие: командование приняло решение проявить заботу о подчиненных, обеспечив весь личный состав новогодними елками.

Ура!

В те годы руководители оборонных объектов пользовались у местных властей большим уважением, а кроме того, сам полигон был практически окружен лесными массивами. В общем, договориться с лесничеством о вырубке нескольких десятков елочек было несложно, а уж получить справки об их законном приобретении — тем более.

Такие справки были крайне необходимы. В преддверии Нового года в лесах вырубка велась вовсю, лишь щепки летели. В большинстве случаев таких мазуриков задерживала милиция и на дорогах, и в электричках, и, даже случалось, в городских парках.

Интендантская служба полигона организовала бригаду лесорубов, в которую от нашей группы был откомандирован Витя. Теперь, хотя и без на-

шего умелого монтажника, работа пошла споро. Успехи многих серьезных дел во многом зависят от настроения исполнителей. И уже к вечеру около домика, где располагалась испытываемая и налаживаемая нами аппаратура, красовалась шеренга елочек в количестве аж восьми экземпляров. Такое изобилие явилось результатом Витиной дипломатии. Ему удалось уговорить старшину, возглавлявшего лесную экспедицию, дать нам возможность выбора.

Конечно, мы были несказанно благодарны.

— Снега в лесу до пояса, но я честно выполнил поручение партии и правительства. — Витя вальяжно провел рукой по строю лесных красавиц. — Однако промерз я очень здорово, так что, полагаю, начальство должно оценить мой подвиг. Предлагаю премировать героя стаканом спирта. А?

У меня в сейфе стояла небольшая канистрочка со спиртом, который выписывали нам для разных производственных нужд: промывки мест паек, контактов и прочего. Однако мы его зачастую использовали не по прямому назначению. Но это еще как сказать, по прямому или нет?

В трудные моменты испытаний, когда возникали проблемы в работе аппаратуры, Сергей Иванович просил спиртика, «чтобы мозги лучше работали». Обычно доза была небольшая: граммов пятьдесят, не более. Однако по мере того, как работа усложнялась, доза пропорционально возрастала. В редчайших случаях, когда, казалось, наступала полная безнадега, Сергей Иванович «принимал на грудь» полный стакан и садился играть на баяне.

Это особая история. Скажу лишь, что баян он всегда возил с собой и играл на нем совсем неплохо. Однако он не мог просто так взять и сыграть что-либо. Баянист для начала заглядывал в специальную записную книжку, где был перечислен весь его репертуар, а уж потом брался за инструмент. Мне казалось чудным и то, что «для конспирации» Сергей Иванович свои записи вел латинскими буквами. Уже тогда этот сверхоригинал использовал транслитерацию.

Если, например, попросишь его сыграть «Катюшу», то баянист, углубившись в записную книжку, долго будет ее листать, пока не найдет слово «Katjuša». После этого звучит известная мелодия. Ну а если заявленного названия в его списке нет? На нет и суда нет, и он отвечает:

— Нет, Дим, не играю.

Невероятно, но факт. После таких необычных алкогольно-музыкальных действий всегда появлялось мудрое и нестандартное решение проблемы. Мне не раз приходилось присутствовать при этом священнодействии. Сначала я пытался понять, в чем секрет, но потом пришел к выводу, что постичь такую уникальную личность просто невозможно.

Помимо моего бывшего наставника иногда содержимое канистрочки пользовали и другие члены нашей бригады, но только в исключительных случаях. Вот Витя и посчитал, что именно такой случай в его жизни настал. Я не стал возражать, и лесоруб получил заслуженную награду. Сергей Иванович при этом отвернулся и буркнул в мой адрес:

— Много налил.

Ну и пусть, что несколько переборщил. Главное — восемь елочек, как на подбор, стройной шеренгой стояли перед нами. Витя даже умудрился расставить их по ранжиру. Первой слева стояла мощная ель высотой лишь чуть меньше трех метров. Я мысленно прикинул, что она больше всех подходит для многочисленного семейства Митиных. В итоге так и произошло. Но первым осуществить свой выбор я предоставил Сергею Ивановичу. Он слегка покочевряжился, а затем долго и внимательно стал рассматривать лесных красавиц. Захмелевший Витя взялся комментировать этот нелегкий процесс.

— Чо тебе, Сергей Иваныч, нужно? Зачем тебе елка? Внуков у тебя нет, иль сам в детство ударился?

— Балабол ты, Виктор. Зря на тебя только спирт переводят, — тихо ворчал наш любимец. — В твои годы пора бы знать, что Новый год без елки — это что праздник без бутылки.

— Вот за что люблю я тебя, Иваныч, так это за скромность, — невпопад громыхал уже потерявший над собой контроль наш герой.

Пришлось уже мне вмешаться:

— Витек, сядь за стеллаж в кресло. Расслабься и отдохни, а мы пока выберем себе по елочке. Ты-то, небось, уже присмотрел себе?

— Да не нужна мне эта елка, а нужна только справка. С такой справкой я любую елку в городе срублю, хоть у Кремлевской стены.

— У Кремлевской стены, говоришь? — заинтересовался Сергей Иванович. — Там тебе быстро морду набьют, да еще в газете потом пропечатают, мол, псих со справкой пытался срубить голубую елку возле самого Кремля.

Наш хохот разнесся по округе. Витя обиделся и ушел отдыхать после праведных трудов и заслуженной награды.

А Сергей Иванович незамедлительно продолжил приятную церемонию. Он любил все делать спокойно и основательно, так что мне даже пришлось поторопить его. В конце концов его выбор пришелся на небольшую разлапистую ель, от которой прямо таки исходил дух уверенности. Мне не особенно понравилась эта елочка.

— Эта, пожалуй, больше походит на мою Полину, — прервав мою реплику на сей счет, неожиданно аргументировал свое решение Сергей Иванович.

Ну что же, пусть будет так. Теперь уже я, не раздумывая, вынес из шеренги лесных красавиц стройную и пушистую елочку, которая еще раньше приглянулась мне. Потом и мои домашние высоко оценили этот выбор. Честно говоря, ни до, ни после того новогоднего праздника мой дом не посещала такая красавица. Я сам как ребенок радовался этой хорошенькой елочке.

Однако нужно спешить, и мы в приподнятом настроении продолжили работу. Времени до новогоднего отъезда из командировки оставалось в обрез. Поэтому было решено вкалывать до упора, который прогнозировался где-то в районе двух-трех часов ночи.

Работа закипела, и лишь дважды пришлось ее ненадолго прервать. Первый раз по причине появления двух солдат, пришедших забрать оставшиеся после нашего отбора елки, а второй — в связи с пробуждением Вити.

Надо отдать ему должное: после кратковременного переходного периода между сном и работой он полностью влился в наш коллектив и, как всегда, быстро и качественно реагировал на наши с Сергеем Ивановичем указания.

Хотя и с некоторым опозданием, но все же нам удалось ударно закончить работу, так что с чувством удовлетворения под утро мы появились в гостинице, усталые, но довольные.

Где-то к полудню пришел служебный автобус, который должен был нас подбросить до ближайшей железнодорожной станции. На этот раз посадка в автобус происходила непросто. Отъезжающего народу, конечно, было много, но самое главное — практически все везли с собой елки.

И вот спустя пару часов мы уже в электричке. Несмотря на усталость, настроение превосходное, и некоторые неудобства воспринимаются легко и спокойно.

Наша группа заняла весь отсек-купе: четыре человека, четыре чемодана, баян в футляре и три елочки. Кроме необремененного елкой Вити, все остальные пассажиры купили билеты.

Поскольку ездить в электричках нам приходилось довольно часто, то и столь же часто использовались навыки безбилетного проезда, все было отработано до мелочей. Завидев контролеров, мы оставляли свои чемоданчики возле дремлющего Сергея Ивановича и мелкими перебежками перемещались из вагона в вагон для того, чтобы сэкономить на проезде. Случались, конечно, и проколы, но общая экономия, даже с учетом одиночных штрафов, все равно была налицо.

Замечу лишь, что спящий у окошка чистенький старичок, каковым являлся Сергей Иванович, обычно не вызывал у контролеров нездорового интере-

са. В результате и он сам, и наши вещи оставались нетронутыми. Один-единственный раз, по рассказу самого Сергея Ивановича, женщина-контролер пыталась разбудить его, но из этого ничего не получилось, и она, прошипев что-то невнятное, оставила нашего любимца в покое.

В конце командировки денег, как обычно, не остается, но мы все же наскребли на билеты. И правильно сделали. Так и спокойней, и надежней. Не бегать же с елками по вагону.

— Да, не время шастать по поездам. Небось уж накрывают новогодний стол, а то и начали встречать праздник, — резюмировал Витя.

Неунывающий Витя был в отличном настроении и все подсмеивался над нами, называя то сверхпоярочными гражданами, то расточителями, бросающими деньги на ветер, а то и недозревшими буржуями. Однако радость его была недолгой. Где-то в конце первой трети пути внезапно появились контролеры, причем вошли они в вагон с двух сторон сразу, отрезав пути отступления для зайцев. Реакция Вити была молниеносной: он резко дернулся, вскочил, бешено крутя головой, но вдруг поник и безысходно пролепетал:

— Кажется, я влип.

Мы напряженно молчали и уже через несколько минут держали в руках пробитые билеты.

— А ваш билетик, молодой человек? — обращаясь к Вите, прожурчала игривая контролерша, за плечами которой, как две глыбы, возвышались ее помощники.

Витя стал уверять, что, мол, не успел купить билет, опаздывая на электричку по очень уважительной причине, связанной с выполнением государственного задания. Говорил он эмоционально и, как мне казалось, убедительно. Однако все старания безбилетника были тщетны и только улучшали настроение контролеров, причем очень заметно.

— Пройдемте, гражданин, в тамбур, — протянув к Витьку мощную руку, потребовал один из контролеров.

Я было попытался что-то сказать в защиту нашего товарища и уже привстал со скамейки.

— Сиди! — одернул меня Сергей Иванович. — Сами разберутся.

Томительно и волнительно прошли минуты Витино отсутствия. Наконец он вышел из тамбура с белым, как у Пьеро, лицом. Шатаясь в такт вихляния вагона, страдалец подошел к нам и плюхнулся на лавку:

— Сволочи!

Расцвечивая свою речь разнообразными идиоматическими выражениями и междометиями, Витя горестно поведаль:

Рисунок Елизаветы Горяченковой

— Стали сначала измываться с хамскими шуточками и требовать денег. Я им говорю, что денег у меня нет, мол, в командировке поиздержался. Они же, гады, тогда стали шарить по карманам. Достали бумажник, а там лежит справка про елочку. Говорю: «Возьми бумажник, черт с тобой. Отдай только справку». А этот амбал смеется, и справку раз в свой карман. Пустой бумажник сунул мне и говорит: «Считай, что повезло. Я сегодня добрый». Вот и все. Негодяи!

Что тут скажешь? На этот раз Вите крупно не повезло. Мы продолжали молчать. Мерное постукивание колес понемногу стало приносить относительное успокоение. Так прошло около получаса, и первым, как обычно, заговорил сам пострадавший.

— Ну и что? — Витя просто не мог долго пребывать в унынии. — Главное — помнить заветы нашего любимого Сергея Иваныча. Как он нас учит? А учит он, что Новый год без елки — все равно что без бутылки. Значит, можно подобрать елочке законный эквивалент. Какой? — Оратор радостно улыбнулся. — Еще одну хорошую бутылочку. Все очень просто. Согласны?

Вопрос вроде бы был адресован нам и не нам. Ничье мнение в данный момент Витю не интересовало. Он продолжал развивать свои завиральные идеи, утверждая, что с дополнительной бутылкой новогодний праздник станет намного ярче и радостнее, чем даже с хорошенькой елочкой.

В праздничном застолье и шумном отдыхе скоротечно пронеслось радостное время. И вот мы уже опять качаемся в вагоне электрички, несущей нас подальше от города в полигонно-гостиничное заточение. Припухшие лица, потухшие взгляды. Как-то тусклая атмосфера прямо-таки нависла над лавочками, занятыми нашей бригадой. Это грустное однообразие несколько нарушал лишь синяк, зияющий у Вити под глазом.

— Где схлопотал фингал? — ворчливо поинтересовался Сергей Иванович. — Неужто у Кремлевской стены?

— У ей, родимой! — зло ответил Витя и отвернулся.

— Вот тебе результат лишней бутылки, — наставлял наш мудрый любимец. — Впрочем, лишней бутылка редко когда бывает. Все дело в дурусти, дураку пить нельзя. Он и без выпивки дурак.

— Ну и умный же ты, Сергей Иваныч, — вдруг оживился Витя. — Такую отличную мысль высказал. Ух и обрадую я вас, мужики. Думаете, вот про-

шел праздник, и все. Нет, не все. Это там, в городе, дома — все, а у нас нет. Щас доедем до места — и по пути к гостинице завернем в магазинчик.

Сумрачность с лиц нашей бригады исчезла как по мановению волшебной палочки. А сам волшебник, радостно потирая руки, продолжал:

— Кто только сегодня работает? Галя или Света?

— Тебе-то что?

— Как что? К каждой женщине нужен свой персональный подход. — Он на минуту умолк и, вращая глазами, что-то соображал.

— Ты что еще задумал? — с тревогой в голосе спросил Сергей Иванович.

— Никак не соображу, сколько брать? Одну бутылку или две?

— Одну мало!

— А две много, — вмешался я.

— Так мы оставим, — как-то очень ласково произнес мой наставник.

— Побойтесь бога, Сергей Иванович. Когда это мы оставляли?

— Это давно было, в старом году, а сейчас наступил новый год, — поддержал Сергея Ивановича Витя. — Новый год — это новая жизнь, новые порядки. Все плохое мы уже оставили там, в прошлом году, а теперь все — хорошее, новое.

Хотя разговор на время затих, но по легким гримасам на Витином лице было видно, что он продолжает что-то обсуждать сам с собой. И вот этот внутренний монолог вырвался наружу:

— Эх, зря только загубили столько хороших елочек! Вот стоят они, грустные, в ваших домах и осыпаются. Падают их иголки, как слезинки от порушенных молодых жизней. Разве это правильно? Вот я, хоть и схлопотал фингал, как изрек Сергей Иваныч, а все равно лучше вас, безжалостных язычников. Может, стоит моя потенциальная елочка и благодарит меня, непутевого. Спасибо, говорит, тебе, Витенька, что сберег меня, беззащитную!

Витя грустно вздохнул и замолчал. Я же смотрел на его одухотворенное лицо, освещенное каким-то особым внутренним светом, старался представить его дальнейшие буйные фантазии. А ему, действительно, грезилось, будто идет он по краю зимнего леса среди пушистых елочек и вдруг видит запошенную снегом стройную девушку. Девушка эта ласково улыбается и тихонечко одними губами говорит:

— Я все жду тебя, Витенька. Я все жду и жду, а ты не приходишь. Но я все равно дождусь, ведь я — твоя елочка.

P. S.

Игорь МИХАЙЛОВ

Елки-палки

Маленькой елочке
Холодно зимой.
Из лесу елочку
Взяли мы домой...

Слова из этой детской песенки вполне могли бы стать эпиграфом к рассказу Дмитрия Игумнова «Елочка». Но только в качестве, так сказать, запева. Потому как до того момента, как елочка оказывается в доме у каждого из участников этой увлекательной истории, пролетает целая жизнь. И елочка, получается, здесь выступает в двух ипостасях: новогоднего украшения и некоей вехи, которая отмеряет каждому из персонажей по его уму, устремлению.

Вообще не случайно еще с древних времен, когда это хрупкое деревце перед Рождеством брало на себя евангельскую функцию, в России укоренилась любовь к елочке.

Мало кто знает, что знаменитая песенка «В лесу родилась елочка» принадлежит перу Раисы Адамовны Кудашевой. Этой песне уже больше ста лет!

В советское время, когда Всевышний был отменен, елочка прочно занимала свои позиции в серд-

цах и домах сограждан. Иной раз даже кажется, что советская власть, озабоченная антиклерикальной пропагандой, специально культивировала открытие питейных заведений, особенно в парках культуры и отдыха, с этим ласкающим слух названием.

С тех самых незабвенных пор «Елочек» у нас не счесть.

И все же возвращение елочки в лоно детской песни состоялось именно в советское время. Тут вам и «Елочка-елка», и вышеупомянутая песенка из нашего эпиграфа, и т. д.

Короче говоря, не счесть смыслов и ассоциаций, связанных с елочкой. Видимо, поэтому елочка — очень русское дерево. А рассказ Дмитрия Игумнова — очень простой и при этом сложный. Он, естественно, о елочке, о женщинах, о жизни. Словом, о том, что собирает под свою, так сказать, смысловую сень это замечательное и доброе деревце!

Александр ГАЛКИН

От редакции

«Липа вековая...»

*Липа вековая**Над рекой шумит,**Песня удалая**Вдалеке звенит...*

Русская народная песня

В № 11 журнала «Юность» за 2009 год мы опубликовали статью Олега Селедцова «Планета “Липки”, или Птенцы гнезда Филатова». Автор весьма сумбурно и сбивчиво говорил о том, «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Вообще надо сказать прямо — когда собираются вместе молодые люди, по любому поводу, который не противоречит Уголовному кодексу, пьют вино, говорят о вечном, общаются с мастерами, до сознания которых при весьма вольном режиме «Липок» еще можно достучаться, — это хорошо. Опять же свежий воздух, санаторий, отдельные номера. Все это не может не сказываться, и весьма благотворным образом, на здоровье и т. д., как бы разворачивая метафору «в здоровом теле — здоровый дух» вглубь и вширь. Но все же хочется поговорить о насущном, о литературе.

Ни для кого не секрет, что на форум молодых писателей в «Липках» ежегодно государством выделяются колоссальные средства. Выделяются уже одиннадцать лет. И это тоже вроде бы неплохо. Государство озабочено подрастающей сменой пастырей душ человеческих. Но вот вопрос. Ежегодные семинары, творческие «забеги в ширину», встречи с именитыми писателями, лоснящимися от издательской любви, поездки бывшего главы администрации Ельцина по стране с молодой порослью, вызывающие в памяти эпизод в дворницкой из «12 стульев»: «Барин из Парижу приехал», — имеет ли это все отношение к литературе? И если имеет, то какое?

И еще один весьма несправедливый вопрос: какие новые имена за эти одиннадцать лет открыли «Липки»?

В полном варианте статьи Селедцова¹ эти «открытия» приводятся: Денис Гуцко, Дмитрий Новиков, Аня Русс, Роман Сенчин, Сергей Шаргунов, Василина Орлова, Василий Сигарев. С большой натяжкой в когорту писателей можно включить Дениса Гуцко. И то если речь идет о его романе «Русскоговорящий», который состоялся и без помощи «Липок». А все остальное — не более чем «песня удалая». Но еще не литература. Полуфабрикат какой-то.

Об этом и не только об этом материал Александра Галкина. Что называется, в продолжение разговора!

Демократизм нашего журнала позволяет высказаться и тем, чье противоположное общепринятому мнение заслуживает того, чтобы быть услышанным.

Ваше право, читатель, с ним не согласиться!

¹ В № 11 за 2009 год был опубликован журнальный вариант.

Александр Галкин родился в 1961 году. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина (ныне МПГУ) в 1984 году.

Работал преподавателем русского языка и литературы в школе. Продолжает преподавать эти предметы в вузах.

Кандидат филологических наук, литературовед, прозаик, член Всероссийского общества Ф. М. Достоевского, член группы по изучению творчества Ф. М. Достоевского в Институте мировой литературы имени М. Горького, автор статей и книг по русской литературе, автор художественной прозы, книг по физиогномике, хиромантии и астрологии.

ОТЦЕДИТЬ КОМАРА, ИЛИ ПРИЗРАЧНЫЙ ЗАПАХ ДЕНЕГ

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

*Вожди слепые, оцеживающие
комара, а верблюда поглощающие!*

Мф 23:24

Ободрать как липку...

Русский фразеологизм

Как известно, наша страна «литературоцентрична». В родном отечестве поэт не только «больше, чем поэт», но и слово больше, чем слово. Действительно, все мы привыкли жить внутри спущенных сверху по разнарядке «литературоподобных» лозунгов: перестройка и гласность (Горбачев), демократия (Ельцин), державность (Путин), модернизация (Медведев). Я уж не говорю о пресловутых «враг народа», «наши дети, которые будут жить при коммунизме», «социализм с человеческим лицом» и прочем, о чем теперь вспоминают одни лишь ветераны да политические историки.

По-видимому, в голове власти (если, конечно, у власти есть голова) постоянно возникает навязчи-

вая мысль, что без верховного руководства ни одно сколько-нибудь значительное социальное явление, включая и литературный процесс, существовать не может. Следовательно, нужно во что бы то ни стало поставить его под контроль правительства и приложить формальные усилия, чтобы литературный процесс развивался в русле интересов государственной власти.

В самом начале XXI века таким общегосударственным проектом модернизации стал проект создания молодежного литературного форума в «Липках» — санатории близ подмосковного Звенигорода. «Липки» — это, конечно, Сколково-1. А нынешнее Сколково, разумеется, всего лишь «Липки-2». В 2010 году форум в «Липках» отпраздновал 10-летний юбилей. «Липки» в качестве первой ласточки модернизации на ниве литературы, таким образом, сделались своеобразным учебным полигоном для наукоемкого Сколково.

Кто подбросил идею овладеть творческой молодежью, остается неизвестным. Пьеса «Судьбы современной российской литературы», как всегда, появилась анонимно в длинных коридорах власти, хотя молва, как всегда, приписывает авторство Народу. Режиссер-постановщик тоже предпочел спрятаться за спину Коллективного творца, чтобы не брать на себя личную ответственность, а благополучно разделить ее с коллективом. Одним словом, мы знаем только действующих лиц этого спектакля, потому что они значатся в программке.

На первую и, кажется, главную роль был назначен бывший глава бывшей администрации президента Ельцина Сергей Александрович Филатов. Почему именно он? Ну, во-первых, как он сам рассказывал в многочисленных интервью, он любит литературу¹ и всегда желал с ее помощью «внести в формирование гражданского общества духовную составляющую и правдивость нашей жизни»². Во-вторых, что немаловажно, его отец был поэтом-самоучкой, умел зажигать своими стихами рабочую аудиторию, боготворил поэзию Есенина, получил в подарок от матери Есенина его крестильный крестик, дружил с сестрами поэта, написал поэму о матери Есенина. Наконец, десять лет назад Сергей Филатов стал президентом Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ. Из этого фонда как раз и предполагалось черпать не только

и не столько поэтическое вдохновение, сколько денежные купюры (понятно, что это не нефтедоллары, но все-таки...) для проведения молодежного писательского форума в «Липках».

Нужно низко поклониться нашим государственным структурам, кстати озаботившимся судьбами российской литературы и, так сказать, специально прокопавшим детскими лопатками дополнительное русло для денежного ручейка, ответившегося от широкого и раздольного отечественного нефтегазопотока.

Одним словом, главный герой, назначенный ответственным за литературный процесс, очень симпатичный человек, но его явно недостаточно, чтобы представлять от лица русской литературы. Стало быть, необходимо было набрать ряд других персонажей, или, если хотите, игроков на поле литературы, потому что, по всем приметам, она (литература) нынче нечто среднее между волейболом, большим теннисом и горными лыжами. Действительно, литература не в силах поспорить в смысле государственных приоритетов с Олимпиадой в Сочи, но ведь и она тоже нуждается в том, чтобы ее причислили к общероссийским интеллектуальным проектам.

Итак, игроков набрали, это: 1) главные редакторы толстых литературных журналов; 2) представители политической элиты, которые должны были внушить молодым писателям верные ориентиры в области государственной идеологии; 3) «властители дум», то есть более или менее известные в литературных кругах поэты, драматурги, критики, журналисты, преподаватели Литературного института; 4) сами так называемые молодые писатели из разных уголков России, СНГ и даже дальнего зарубежья, пишущие на русском.

Рассмотрим каждого из этих игроков более пристально с точки зрения их влияния на современный литературный процесс.

Редакторы толстых литературных журналов. Когда-то, на заре перестройки и гласности, «толстяки» выходили громадными тиражами, публиковали шедевры забытой или угаенной советской литературы, радовали читателя острыми дискуссиями бевитых публицистов. Впрочем, яркие материалы в «толстяках» можно встретить и сегодня, хотя тираж толстых журналов — от тысячи до десяти. Их читают энтузиасты, одержимые, беззаветно преданные литературе (иногда первое, второе и третье вместе). Толстые журналы справедливости ради стоило бы занести в Красную книгу.

Следует оговориться, что журнальная братия не вовсе выпала из литературного процесса, так как редакторы и заведующие отделами распределили

¹ «Я очень люблю книги Бориса Васильева, Даниила Гранина, Григория Бакланова, Константина Симонова, Василия Аксенова, Эммануила Казакевича, Бориса Пастернака и др., из поэтов — Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Римму Казакову, Ярослава Смелякова. Да много есть и других» (<http://litlive.ru/topics/internetconf/viewpost/368>).

² Там же.

между собой места в жюри многочисленных литературных премий. Например, заведующий отделом прозы журнала «Новый мир» Михаил Бутов — председатель совета экспертов премии «Большая книга», он же автор опубликованных в «Новом мире» рассказов и романа «Свобода», за который получил премию «Русский Букер». Главный редактор того же журнала Андрей Василевский — действительный член АРСС (Академии русской современной словесности), между прочим, учредившей литературную премию имени Аполлона Григорьева. Не путать с АРС (Академией российской словесности, почетным президентом которой является патриарх Кирилл, а действительными членами — Юрий Бондарев, Геннадий Зюганов, Юрий Соломин и др., эта последняя Академия позиционирует себя наследницей Российской академии, основанной императрицей Екатериной II в 1783 году, на подобную роль претендуют также АРСС и АРСИИ им. Державина)!

Либеральное крыло русской литературы, которое, помимо журнала «Новый мир», представляет журнал «Знамя», отчасти «Дружба народов», понятно, должно быть уравновешено патриотическим крылом. Его почти узурпировал журнал «Наш современник», у него тоже есть своя литературная премия, и литературный мэтр, а также и заместитель главного редактора журнала Александр Казинцев, ведущий мастер-класс в «Липках», — не последнее лицо в деле ее присуждения. Таким образом, птица русской литературы парит благодаря этим двум крыльям: либеральному и патриотическому, так что одно без другого существовать не может. Они (эти два крыла) держат русскую литературу на лету, иначе эта маленькая серая птичка (вроде воробья) давно бы разбилась в турбулентных потоках, создаваемых цивилизованными турбинами легкокрылых российских лайнеров.

Представители политической элиты. Это второе действующее лицо форума в «Липках». Каждый форум начинается письменным приветствием первых лиц государства. На форум (в разные годы) делегировались такие известные политики, как Сатаров, Батулин, Сурков, Матвиенко, Козак, Швыдкой и др. Одна из участниц форума, поэт из Ярославля Ольга Коробкова, отмечала, что политики в своих лекциях и обращениях к участникам пытались внушить им мысль, что они — писатели, а значит, несут ответственность перед обществом. Другими словами, молодых писателей пугали их миссией: если они делают не то и не так, им будет а-та-та. Но молодые писатели, среди которых было не так уж мало людей за тридцать, не испугались. «Нельзя класть все яйца

в одну корзину», — резонно заметила в своем интервью Ольга Коробкова¹.

«*Властители дум*». Понятно, что это условное понятие. Сейчас у нас в стране нет «властителей дум». Последним, может быть, был А. И. Солженицын, да и то его усилия «обустроить Россию» столкнулись с реальностью и, в конце концов, утонули в болоте русской косности, безразличия и скепсиса. Едва ли теперь после Солженицына кто-то всерьез может претендовать на звание «пророка». Мир, и в том числе Россия, настолько раздробился, что писатели всегда обращены в своем творчестве к предельно локальной, а иногда даже и замкнутой узкими групповыми интересами аудитории. Объединительной идеи в многополярном мире просто-напросто нельзя отыскать. И как бы политики, включая инициатора форума в «Липках» С. А. Филатова, ни призывали молодых писателей сотворить «героев нашего времени», обратиться от мелкотемья к значительным социальным проблемам и вызовам времени — все эти призывы не что иное, как глас вопиющего в пустыне.

Кроме того, сами «властители дум», ведущие в «Липках» мастер-классы, так ли уж отличаются от участников своих семинаров, которых они, по замыслу устроителей, должны обучить азам литературного мастерства или, по крайней мере, выявить среди своих учеников особо одаренных, чтобы дать им «путевку в жизнь», так сказать, сыграть роль Державина или Жуковского в отношении будущих Пушкиных? Что если эти «властители дум» варятся в котле своего крохотного писательского кружка, теша себя иллюзиями по поводу своей необходимости в масштабах страны и народа? Или, быть может, их тоже мучает «мелкотемье»? Кому сейчас любопытно традиционные коллизии русской литературы: смысл жизни, совесть, нравственный выбор? Писатели не могут обрести своего читателя из-за дробности и «клиповости» современного сознания. Судя по всему, сами «властители дум» понимают трагичность своей одинокой, а подчас и вовсе не востребованной обществом писательской миссии. Это видно и из обращения к молодым писателям Германа Садулаева: «Вы будете много общаться, будут бессонные ночи, но помните, что, может быть, к вашему творчеству больше никогда и нигде так серьезно не отнесутся».

Кто же учил молодежь литературе? Поэты А. С. Кушнер, С. М. Гандлевский, О. А. Николаева, редакторы толстых журналов (С. И. Чупринин, А. В. Василевский, А. И. Казинцев), писатели (Р. Т. Киреев), критики (И. О. Шайтанов) и т. д.

¹ <http://www.netslova.ru/safronova/lipki.html>.

Вернее, это было обучение и критический разбор одновременно. Юные поэты и писатели читали и обсуждали друг друга в присутствии и при участии «мастера». Мастер, разумеется, читал и самого себя и высказывал некоторые свои задушевные идеи по поводу жизни и литературы. Довольны ли были сами молодые писатели этими семинарами? И да и нет. Предоставим слово самим участникам форума на протяжении нескольких лет (в своих интервью прессе они были искренни и прямодушны).

Марат Багаутдинов, двадцатидвухлетний поэт из Ижевска и сотрудник литературного журнала «Луч»: «Два года назад я был на мастер-классе С. И. Чупринина. Ну да, он был крайне немногословен. Повторял неоднократно то, что уже писал в своих статьях, притом повторял и два года назад, и год назад. Именно поэтому на нынешнем форуме на его лекцию не пошел, думая, что все я уже знаю, о чем Сергей Иванович говорить будет. <...> Гости форума зачастую не приезжали, а некоторые были скучны, как “Война и мир”. <...> В этом году у А. С. Кушнера проблема выявилась другая. Практически всех обсудили уже к среде. Да, личность известного питерского поэта стоила того, чтобы просто ознакомиться с его взглядами на современную литературу, послушать его стихи. Но молодые авторы же приезжают в первую очередь для того, чтобы услышать оценку своих “виршей”. <...> Самая короткая рецензия на мою подборку была в прошлом году у А. В. Василевского и состояла из двух слов: “Ну да”»¹.

Елена Сафронова, тридцать три года, участник редакции литературно-публицистического журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>): «Весной 2002 года был выброшен по городам и весям России первый, по моему, десант редакторов толстых журналов. В Рязань за рукописями для последующего отборов приезжал А. И. Казинцев. Информация о его приезде поступила в областное управление культуры. Оно ее передало Рязанскому отделению СПР. Этот союз в нашем городе считает себя самым главным и вообще единственным литературным союзом. Они созвали народ на встречу с Казинцевым. А так как у меня с этим союзом отношения к тому времени уже испортились, то меня не пригласили. А остальных всех желающих пригласили, и Казинцев, говорят, уезжал, согнувшись под тяжестью рукописей»².

Ольга Коробкова, тридцать два года, Рыбинск — Ярославль, работает на радио «Маяк-Ярославль»: «Здесь мне не нравится, конечно, излишняя политизированность. Количество лекций на политические темы превышает всякое разумение. При-

езжают с выступлениями чиновники. Владислав Сурков потребовал тридцать человек, участников форума, привезти в Кремль. Сергей Филатов обещал ему сто пятьдесят человек. Он сказал: нет, тридцать. Кто-то без особой охоты едет туда завтра. Не знаю, что из этого получится. По-моему, это уже скандальная акция. <...> На некоторых семинарах ребята за отведенное время не успевают обсудиться, а мастер-классы ведь все равно главное на форуме. Семинары продолжаются за счет лекций, но нас буквально гонят на лекции, и приходится убежать, линять, “ползти по-пластунски”, чтобы попасть на мастер-класс. Сидишь на нем и думаешь: как хорошо, что я сижу здесь, а не там, в зале. Как в советские времена: рыбу покупаем с нагрузкой. Как бы она не стала больше год от года»³.

Странно, что молодые недовольны анализом их творчества в форме лаконичного «Ну да!». Речь идет о поэте и главном редакторе журнала «Новый мир» Андрее Василевском, который прошел в своем журнале тернистый путь от курьера до главного редактора, на своем нынешнем посту сделавшись наследником К. М. Симонова, А. Т. Твардовского, С. П. Залыгина, а в поэзии он, как известно, наследует поэтической линии Расула Гамзатова, Егора Исаева и Эдуарда Асадова, о чем недвусмысленно свидетельствуют его стихи из сборника «Еще стихи» (М.: Воймега, 2010). Его стихотворные строфы напоминают читателям не только о знаменитом чеховском «человеке с молоточком» из рассказа «Человек в футляре», но и о «гаке» из поэмы Егора Исаева «Даль памяти» (молодые, наверное, не до конца улавливают литературный контекст, в котором много лет творили руководители их мастер-классов):

поскребись поскребись
за дверью
позвони позвони
в колокольчик
постучи постучи
молоточком
напомни нам гнида
о сирых и убогих
а то мы такие счастливые
зашибись какие довольные

Почему я выбрал более или менее критические отзывы? Потому, что восторженные и хвалебные всегда несут мало достоверной информации. По приведенным высказываниям хотя бы отчасти можно реконструировать правдивую картину того самого литературного процесса. И эта картина — увы! —

¹ <http://www.ijp.ru/razd/pr.php?failp=05701500557>.

² Там же.

³ <http://www.netslova.ru/safronova/lipki.html>.

печальна. Что привлекло в «Липки» пресловутых «властителей дум»? Запах больших денег? Возможность потереться костлявым плечом о мягкий живот власти? Амбиции? Ведь мэтры в своих мастер-классах были как-никак мобилизованы властью обучать молодых искусству писать. Следовательно, как власть «сверху», так и творческая молодежь «снизу» готова признать их творческие достижения образцами для подражания. Как здесь не закружиться седым и лысым заслуженным головам?! Как не надуться — подобно жабе, вознамерившейся достичь размеров вола, да только некстати лопнувшей?!

Впрочем, читая интернет-материалы о форуме в «Липках», я никак не мог отделаться от какой-то навязчивой, но неотчетливой ассоциации. То, что форум молодых писателей был задуман и сделан по образцу советских семинаров работников творческих профессий, для меня, разумеется, не было открытием. А разве могло быть как-нибудь иначе? Но здесь было что-то иное, большее. Ну конечно! Как я мог забыть?! Массовые рейды советских писателей на Беломорканал в сталинские времена. Все точно сходилось: там был судоходный Беломорканал, здесь — Москва-река. Тогда после поездки на Беломорканал писателей поощряли квартирами и машинами, здесь в лучшем случае оплачивали учебные часы за проведенные мастер-классы, в худшем — бесплатно кормили и предоставляли кров пансионата «Липки» на время проведения форума. Грустно! Все как-то измельчало и выродилось с советских времен. Даже место для форума выбрали самое комариное в Подмосковье!

Чуть не забыл о главном — о молодежи, ради которой, согласно декларациям организаторов форума, все и затеяли. Конечно, молодежь — понятие относительное, поскольку в нашей стране по большей части молодым считается человек от тридцати до пятидесяти пяти, тем более это относится к тем авторам литературных текстов, кто печатался в региональных периодических изданиях, куда попасть едва ли не трудней, чем на страницы московских журналов. Но даже если они на самом деле молодые (до тридцати), то от этого им ничуть не легче, потому что, раз их пригласили на форум и даже частично (или полностью) оплатили путешествие из глубинки, они, помимо вождельных мастер-классов, еще обязаны посетить политические лекции, на которых им безбожно льстят и одновременно морочат голову, так что они вынуждены тайком, «по-пластунски» сбегать с лекций, проводимых одиозными политическими фигурами, причем их отлавливают в коридорах и загоняют туда силой. «Книжное обозрение» (№ 45) свою заметку о 10-м Юбилейном форуме озаглавило «Теплица талантов», но если все проис-

ходит так, как рассказывают участники форума, то какая же это «теплица»? Не «теплица», а «темница»!

Печально еще и потому, что литературная молодежь, как видно, наивно полагала, что она тоже сыграет в числе ведущих игроков на славном поле литературы, в то время как ее отправили на трибуны (отдельных активистов — на «скамью запасных»). Так молодежь получила роль зрителей, толпы, народа. А от зрителей мало что зависит, и вряд ли они серьезно повлияют на счет в игре. Да, может быть, какая-то часть их текстов будет опубликована в интернет-журнале «Пролог». Должен же он, в конце концов, чем-нибудь заполнять свои разделы прозы, поэзии, критики на протяжении целого календарного года! Молодежи также обещали самые лучшие их творения опубликовать в антологиях современной литературы силами ведущих российских издательств, например «Вагриуса» (конечно, если этим издательствам государство оплатит такой маловыгодный некоммерческий заказ).

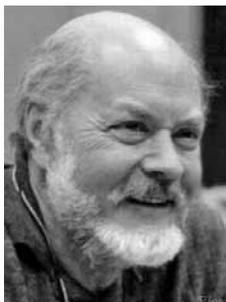
Одним словом, молодежь, прилетевшая на форум на крыльях мечты, оказалась на «птичьих правах». Она стала напоминать «отроившийся рой мужиков» из сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик». Тот молился Богу, чтобы Творец избавил его от народа, от которого несло «мякиной» да «кислой овчиной». Только едва лишь народ исчез, пропало на рынке съестное и деньги в казну перестали поступать. Так и здесь, в «Липках»: пустую казну современной литературы нужно ведь чем-нибудь заполнить! Пусты полки толстых журналов (или если полны, то пухлыми томами заведомых графоманов), вот почему приходится устраивать редакторские «десанты» в российскую глубинку. Пусты виртуальные страницы литературных интернет-журналов (или если полны, то всякой дрянью). В общем, литературная молодежь, наводнившая форум в «Липках», заполнит образовавшуюся брешь в пустом желудке современной литературы. Правда, с ней наверняка произойдет то же самое, что с щедринским народом из уже упомянутой сказки: «Как нарочно, в это время чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать обрали, посадили в плетушку и послали в уезд.

И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей в один день поступило столько, что казначей, увидав такую грудку денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:

— И откуда вы, шельмы, берете!»

Лев АННИНСКИЙ

НАШЕ ВСЁ И НАШЕ НИЧТО

Строка Пушкина в заглавии спектакля («И страстью дрогнули сердца»), а также сцена, на которой спектакль поставлен (Музей театра ермоловцев), наводят на мысль о зрелище просветительском и гармоничном.

Но первый же эпизод («Клеопатра») разворачивает нас к острой и бесконечно нерешаемой проблеме: стоит ли любовь того, чтобы расплатиться за нее жизнью? Вопрос обращен явно не к современникам Пушкина (XIX век был слишком благополучен для такой расплаты), а к людям XXI века, не знающим цены ни любви, ни жизни.

Режиссер и автор спектакля Герман Энтин прохаживается среди сюртуков пушкинской эпохи, щелкая современной фотовспышкой и тем удостоверяя, что дело касается нашего времени.

Он и потом появляется, вручая действующим лицам то скрипочку, то бокал с ядом, а в финале, приняв облик Вальсингама, замыкает проблему любви и гибели гимном неотвратимой чуме.

Но прежде любовь, стоящая жизни, продолжена знаменитыми пушкинскими сюжетами.

Сцена у фонтана. Самозванец перед выбором: любовь к гордой полячке — это гибель... Он выбирает гибель.

Сальери вроде бы и не включен в эротический сюжет... Но его контакт с Моцартом (которого играет прелестная артистка) воспринимается как метафора любовной связи, на которую решается герой, обрушивающий жизнь в зависть и гибель. То, что гибнет не Сальери, а Моцарт, не меняет кровавой закономерности: где любовь — там смерть, там гибель, чума...

Неизъяснимы наслажденья на краю бездны.

Из этого мрака выводит нас песенка Окуджавы, объясняющего, что мы сами не ведаем, что творим.

Скульптурный Пушкин из глубины сцены молча наблюдает, как мы пропускаем наше всё сквозь наше ничто.

А дрова? Вполне подходят для яркого спектакля — разжечь сценическое действие.

Николай БУБНОВ

Николай Бубнов родился в 1949 году в Подмосковье. Окончил биологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по специальности «антропология». Работал научным сотрудником, учителем и рабочим. В настоящее время — научный редактор журнала «Дом».

Первая публикация — в альманахе «Поэзия» в 1991 году. Печатался в журналах «Арион» и «Юность», альманахах «Истоки» и «День поэзии». В 1993 году опубликовал сборник стихов «Волок», в 2010 году — сборник «Дом милосердия».

Живет в Москве.

* * *

Оле

Чтобы время зимнее таяло и текло, текло,
Чтобы вкусно пирогами пахло, и было тепло —

Сжечь охапку дров, но — не о костре же речь!
Нужен дом огню. Дом огню — это печь.

В доме дом — скворечник из глины и кирпича
Для жар-птицы райской — тропического грача.

Буду я его кормить, в глаза заглядывая, с руки —
Нужно же и мне где-то жечь черновики.

И еще — приبلудная, шальная, невесть
И откуда взявшаяся, но задумка есть —

Чтобы ты однажды, взяв в руки метлу,
И, сметая в угол неостывшую еще золу,

Сажай вымазав, челку откидывая, лоб,
После многих попыток и неудачных проб —

Страшно-страшное нарушила бы табу —
Полетела полетать.
Для того и строят трубу.

* * *

А как скосят луга, и потянет дурманом пьяным,
И любая поляна в лесу станет южной поляной,

Потечет по жилам полуденная истома
И потянет, потянет из бетонного дома —

На простор полей, под небесные своды
Вкруг костров водить бесовские хороводы,

По кустам городские разбрасывать обереги,
Утонуть, задохнуться в языческой неге,

И с русалкой аукаться спозаранку,
И не слышать жалобы души христианки.

* * *

...А когда везут нас в прокуренном автомобиле
Мимо пустошей нелепых, небритых и сонных,
Я шепчу про себя, что реки обильны
В тех местах, откуда я, а в лугах цветы на ножках зеленых.

Я забытые припоминаю даты,
Кепку я ношу забытого уже здесь фасона,
Я леплю из воздуха существ пернатых
И пишу под ними: воробей, синица, ворона.

А потом твержу, шевеля одними губами, тихо,
Как в бреду болезненном, как в любовной истоме:
Тетя Варя, твержу, баба Даша, Андрей, Кузнечиха,
И еще с полсотни имен — чтобы помнить...

И когда шлагбаум опустится полосатый
За спиной
и нас выведет к реке наряд милицейский,
Я успею прочесть уже и псалом пятидесятый,
И почти весь список кораблей ахейских.

* * *

Не то чтобы тянуло сильно к морю,
Но первый снег так неопрятно помер
И на глазах у всех
Какой-то водянисто-серой кучей
Лежал три дня и душу мучил —
Как смертный грех.
Не то чтоб захотелось сразу плакать,
Но с крыши не переставало капать
Ноябрь весь.
Не то чтоб не жили уже на этом свете
Отец и мать или забыли дети,
Но не было их здесь.

Не то чтоб понял я, что надо мне молиться,
Но замолчали вдруг на ветках птицы,

Уставясь в пустоту.
Но мгла печальная закрыла свод небесный,
И целый день не подпускали бесы
К листу.

Не то чтоб был особенным тот вечер,
Не то чтоб рук своих занять мне было нечем,
Не то чтоб...
Сама собою, не по-пионерски,
Ладонь сложилась неумелым троеперстьем.
И осенила лоб.

* * *

От Троицына дня,
Когда весь мир в загуле,
Что ж, Господи, меня
Не стал ты караулить?

За грех ли за какой
Непоправимо тяжкий
Позволил западней
Стать зарослям ромашки?

Позволил звезды жечь
На куполе небесном,
Речам нескромным течь
Не к месту.

И растворил врата,
И затопила душу
Земная полнота
Лесным своим удушьем.

И стал неодолим
Тот летний плен несносный,
И надо мною гимн
Поплыл многоголосый,

Но в этой похвальбе
Пристанища земного
Не слышал о тебе
Я, Господи, ни слова.

И вот уже Илья
Из туч грозит мне громом,
Что ж, Господи, меня
Не удержал ты дома?

Сергей КОЗЛОВ

Сергей Козлов родился в 1966 году в Тюмени в семье служащих. В 1983 году поступил на исторический факультет Тюменского государственного университета. Служил в армии. В 1990 году окончил ТГУ. Работал учителем истории в школе, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве. С 1996 года жил в пос. Горноправдинске Ханты-Мансийского района. Работал директором средней школы. С 1999-го — член Союза писателей России. Преподавал на кафедре журналистики Югорского государственного университета (доцент). С 2008 по 2010 год — главный редактор окружной общественно-политической газеты «Новости Югры». С 2011-го — главный редактор журнала «Югра». Почетный работник общего образования РФ.

Член Союза журналистов России. По повести «Мальчик без шпаги» снят художественный фильм «Наследники» (2008), по мотивам романа «Вид из окна» — художественный телефильм «Жених по объявлению» (2011), сценарий написан совместно с Дмитрием Мизгулиным и московскими драматургами. Проза переводилась на азербайджанский и сербский языки. В Сербии вышла отдельная книга «Зона Брока» в переводе Любинки Милинич.

РАССКАЗЫ

Рисунки Анны Дудяковой

ОТВЕРГНУТЫЕ

Дойдя до школьных ворот, Мишка остановился. Нужно было опять перебарывать себя: несколько шагов до крыльца, открыть дверь, выслушать, в сущности, равнодушное ворчанье завуча: «Опять опоздал, Головин», краем глаза увидеть, как качает головой гардеробщица, подняться на второй этаж и войти в кабинет, извиниться за опоздание и услышать от Ангелины Ивановны: «Ну вот, Безголовин явился!»

Мишка и сам понимал, что с ним происходит что-то не то. С тех пор, как от них ушел отец, мать с утра до поздней ночи мыла полы в трех организациях, трехлетняя сестренка постоянно болела, старший брат не писал писем из армии, а Мишка?.. Мишка вдруг перестал верить в то, что в этой жизни для него еще может наступить что-то важное и хорошее. Все дни стали беспросветно серыми и одинаковыми.

Все люди, кроме матери, если чего-то и хотели от него, так это одно из двух: либо чтобы он не путался под ногами, либо чтобы он был примерным или хотя бы не самым плохим учеником и членом общества. Никто не спрашивал у Мишки, каково ему идти в ставших за лето короткими штанах в школу, легко ли знать, что не видать ему ни мороженого, ни шоколада, потому что все деньги уходят на самые необходимые продукты и лекарства для младшей сестры, больно ли получать подзатыльники за нерасторопность от дяди Олега, приходящего иногда к матери, и почему так спокойно сидеть на берегу, глядя на реку... Ничего не спрашивала и мать, только качала головой, получая сообщения из школы или рассматривая незаполненный Мишкин дневник. Глаза ее время от времени наполнялись слезами, она по-

рывалась что-то сказать, но наружу выходил только грудной всхлип, и, махнув в сердцах рукой, она отворачивалась, уходила в другую комнату. Больно было Мишкиной душе, когда он чувствовал боль матери, хотелось пойти куда глаза глядят, горы свернуть, добыть жар-птицу, чтобы она все желания выполнила, — лишь бы не видеть слез матери. С другой стороны, Мишка все же считал мать немного виноватой в том, что отец уехал от них к другой семье. От отца, который работал вахтовым методом, иногда приходили алименты. В такие дни они все вместе шли в магазин покупать продукты и кое-какую одежду для детей. Себе мать на деньги отца никогда ничего не покупала. Отец не писал, отец не звонил, отец не приезжал. Отца не было.

Постояв у ворот, Мишка решительно повернул в другую сторону — к реке. Он знал, что встречающиеся по пути односельчане не преминут рассказать матери, что он снова не пошел на занятия. Поэтому шел, опустив голову и ни с кем не здороваясь. В таких случаях он больше всего опасался встретить пожилую учительницу литературы, у которой не всегда были первые уроки, и она, не торопясь, шла в школу со стороны реки. Как раз с той стороны, куда направлялся Мишка. В отличие от остальных учителей и прочих воспитателей, Анна Николаевна никогда Мишку ни в чем не упрекала, а просто однажды взяла его за руку и привела к себе домой, где поила чайком с печеньем и конфетами и рассказывала свою жизнь. А жизнь у нее получалась не сахар. Муж, который не погиб на войне, вернулся в поселок всего на несколько дней и скоро уехал в город к другой женщине, оставив Анну Николаевну одну с двумя детьми. И тогда ей, как и Мишкиной матери, пришлось много работать, вести уроки в две смены. Пока она занималась чужими детьми, два ее сына остались без присмотра. Часто хулиганили, даже в милицию попадали. А кончилось все тем, что один поступил в военное училище и теперь служит на Дальнем Востоке, а второй попал в тюрьму, и там его убили в драке. Анна Николаевна, когда рассказывала об этом, не плакала. Мишка понял, почему она не плачет: потому что за долгую свою жизнь она выплакала все слезы, и глаза ее стали к старости бесцветными и очень печальными. Настолько печальными, что смотреть в них, не испытывая стыда и смущения, было невозможно. И Мишке было непонятно, отчего ему стыдно, если он ничего плохого Анне Николаевне не сделал. Она даже уроков в его классе не вела. Он еще не знал, но что-то в душе подсказывало ему, что стыдно может быть не только за себя, но и за весь мир, за всех-всех вокруг. Мишка потом еще несколько раз приходил к Анне Николаевне, колот ей дрова, приносил тяжелые сумки с продуктами из магазина, таскал воду, еще чем-либо помогал.

Она всякий раз поила его чаем или кормила, однажды даже пыталась дать денег, но Мишка, обидевшись, убежал. Он понимал, что Анна Николаевна жалеет его, но жалость, как он считал, была ему не нужна.

Ни за кого и ни за что взглядом не зацепившись, Мишка вышел к реке. Здесь, на крутом берегу, в низкорослом жиденьком сосняке он давно соорудил себе дозорный пункт. Из ветвей и досок был сделан добротный шалаш, в котором можно было укрыться от дождя и ветра, а можно было просто выспаться. Сюда же Мишка перетащил свой нехитрый скарб: перочинный нож, старенький атлас мира, несколько тетрадей, в которых вел дневник наблюдений, а то и записывал все, что наболело, или то, что посчитал важным. Из сарая перенес в шалаш старый отцовский спальник, с которым тот ездил на рыбалку. А железный ящик из-под снастей приспособил под НЗ — склад сухарей и консервов. При желании Мишка мог отлеживаться в шалаше несколько суток кряду, но не хотел волновать мать и каждый вечер возвращался домой.

По дороге он, разумеется, сталкивался с учителями, чьи уроки пропустил вчера или пропустит сегодня. Каждый из них считал своим долгом отругать Мишку за прогулы, пригрозить ему спецшколой, «раз уже мать с ним не справляется», а то и чем пострашнее. Когда Мишке обещали найти на него управу, он почему-то всегда представлял дореволюционного полицейского-урядника — краснолицего усатого дядьку в синем камзоле, с револьвером в кобуре. Таким он увидел его на рисунке в одной из книг. Но вот никак не мог себе представить, что будет делать с ним этот урядник. Разве что выпорет.

Больше всех отрывался на Мишке молодой учитель географии. Высокий, худой, с вечно недовольным лицом, он, как уличный фонарь, зависал над Головиным, чтобы, кривя губы, произнести: «А мы, Головин, с ребятами в поход ходили. Таких, как ты, туда не берут! Понял? Я не понял — ты понял или нет? Ты вообще на что годишься? Ты не на что не годишься! Короче, Головин, по географии тебе двойка за четверть будет. Как ни крути — все равно двойка!»

Мишка и не крутил, он даже был согласен с тем, что ни на что не годится. Раз взрослые так говорят, значит, так оно и есть. Но и про самого Андрея Андреевича, географа, все в поселке знали, что приехал он сюда работать учителем, чтоб не призвали в армию. Наверное, поэтому Андрей Андреевич с таким превосходством и едва скрываемым пренебрежением относился ко многим ученикам, которых считал неспособными. Ему было обидно, что он, городской умница, вынужден тратить свое драгоценное время на этих олухов. И первым из этих олухов стал в про-

шлом году Мишка Головин. Андрей Андреевич знал, что Мишка все равно угодит либо в тюрьму, либо в армию, и во втором случае такие, как Мишка, смотрят на таких, как Андрей Андреевич, будто на пустое место. Недомужики, думают они.

До слез насмотревшись на реку и проходящие баржи, Мишка решил подкрепиться. В школьной столовой как раз сейчас кормили. Он хотел было залезть в шалаш, но отпрянул. Оттуда торчали огромные ботинки. Попятившись, он наступил на сухую ветку, которая выстрелила на весь осенний лес, спугнув ворон на ближних соснах. Большие ноги тут же заелозили по дерну, и в проеме появилась коротко остриженная мужская голова. Глаза у этой головы были заspanные и долго моргали, чтобы привыкнуть к свету. В руке, появившейся следом за головой, блеснул клинок большого ножа. Мишка отошел еще на два-три шага и намеревался уже развернуться и побежать, но голова заговорила с ним хоть и хрипло, прокашливаясь, но достаточно дружелюбно.

— О! Выходит, я тут твои припасы съел?! Ну извини, парень... У тебя тут штаб? Ты меня не бойся, я из тюрьмы сбежал, но...

— Вы кого-то убили? — напрямую задал главный вопрос Мишка.

— Нет, упаси бог, это меня чуть не убили. Я за драку сел, а в тюрьме снова подрался. Долго в больнице лежал, думал, отдам Богу душу, но все же выкарабкался. Да мне срок добавили. Несправедливо добавили, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Мишка и покосился на нож в руке беглеца.

Тот перехватил его взгляд и улыбнулся:

— Не бойся, этот хлеботорез я сам сделал. Хочешь — подарю? Нет, лучше мы с тобой поменяемся на твой складенок? Не веришь? Держи! — И он бросил на землю, к Мишкиным ногам, свой нож — с огромным серебристым лезвием и деревянной, украшенной резьбой ручкой. Не поднять его Мишка не мог, а подняв, долго любовался и даже попробовал потесать им ветку. Беглец с интересом наблюдал за ним.

— Ну что? Меняемся?

— Идет, — согласился Мишка.

— Меня Георгием зовут, в детстве Жоркой звали, Жора-обжора, а сейчас Георгием, как Жукова...

— Какого Жукова?

— Как какого? Главного победителя всех фашистов!

— Фашистов и Гитлера солдаты побеждали!

— Правильно, а Жуков ими командовал.

— А-а...

— Ну а тебя-то как зовут?

— Мишка...

— Михаил, стало быть, как архангела.

— А архангел кто? Тоже генерал? Тоже солдатами командовал?

— И командует, только на небе.

Последнего Мишка не понял, но в подробности вдаваться не стал. Раз в небе — значит летчик. Летный генерал или маршал. Осознав это, Головин испытал к своему имени настоящее уважение. И решил, что теперь его тоже должны звать Михаилом. Отчество, конечно, пока не обязательно. Да и какое отчество без отца? Но Михаилом — обязательно.

— «Михаил» знаешь как переводится? Кто как Бог!

— Кто переводится? Откуда переводится? — опять не понял Мишка. — Командующий переводится?

— Ладно, не ломай голову, — махнул рукой Георгий, и только в этот момент Мишка заметил, что рука эта легла ему на плечо. Бояться уже было поздно, но он решил, что будет настороже. — А ты почему не в школе? — удивился вдруг Георгий, а Мишка, в свою очередь, удивился, что все взрослые одинаковы, и приготовился к тому, что сейчас его здесь, в лесу, отчитает за прогулы бежавший из тюрьмы человек. При этом он так вздохнул, что Георгий захохотал. — Ну, не хочешь говорить, не надо! Давай лучше твой шалаш прочнее сделаем. Мне тут, пока отлеживался, много мыслей в голову пришло, как его усовершенствовать. У меня в свое время тоже такой штаб был. Во-первых, мы его углубим, у меня еще саперная лопатка есть. Сделаем полужемлянку...

Вдвоем они принялись за работу. Георгий копал, а Мишка стаскивал к шалашу большие еловые лапы, которыми планировалось застелить пол. Работали весело и спорно, но в какое-то мгновение Мишку вдруг тоже посетила мысль. Глядя на то, как старательно выворачивает дерн Георгий, как рубит корни, он подумал, что беглец может остаться здесь навсегда. И следом пришлось думать о том, как они будут вдвоем уживаться.

— Дядя Георгий, а вас не поймают? — спросил Мишка.

— Поймают, — не отрываясь от работы, ответил Георгий. — Я вообще-то сюда по делу прибежал. Понимаешь, я причинил своей матери много горя, и когда меня ранили, я сделал так, чтобы ей сообщили, будто я умер...

— Анна Николаевна! — всплеснул руками Мишка.

— Конечно, ты ее знаешь. Она, наверное, до сих пор в школе работает?

— Да, уроки литературы и русского ведет. Только в старших классах.

— Ну вот. Я ей письмо написал. Из твоей тетрадки листок вырвал и написал. Передашь?

— Передам, а из тюрьмы написать нельзя было?
 — Можно, но зона есть зона. А тут посмотри, красота какая!
 — Обязательно надо было бежать?
 — Ну ты же не хочешь в школу идти?
 — Школа — это не тюрьма, мне просто... — и дальше Мишка не нашелся, что сказать. Он вдруг понял, что именно сейчас испытывал Георгий. — Но вас же поймают...
 — Поймают, — согласился Георгий, — и тебя все равно заставят в школу ходить. И ты уж мне поверь, лучше тебе ходить в школу. Не знаю, какая беда тебя из колеи вышибла, но ты же мужик! Негоже мужику разнюниваться, правда?
 — Наверное...
 — Меня поймают, но в тюрьму я не вернусь, понял? — погрузился Георгий.
 — Понял, — ничего Мишка не понял, только каким-то самым далеким, самым задним умом начал догадываться.
 — Так, браток, понимаешь, сложилось. Сам я, конечно, во многом виноват. А у нас уж как заведено: виноват — так во всем. Ну и получается, что я как бы отвергнутый. Последний человек, которому я был нужен, — моя мать. И ты запомни, пока на свете есть мать, ты кому-то нужен, за тебя кто-то молится. Все остальные отказаться могут. А уж чтобы мать отказалась — это очень большим грешником надо быть.
 Где-то над тайгой загудел вертолет. Услышав его, Георгий принялся копать с новой силой.
 — Так ты унесешь письмо?
 — Унесу... А почему вам самому не пойти?
 — А этого я тебе, Михаил, объяснить не смогу. Сам себе не очень-то могу объяснить. По многим причинам. Не знаю, как в глаза ей смотреть буду. Не хочу еще, чтоб у нее на глазах браслеты мне на руки надевали да в спину гнали. Да и... Ох и больно мне, Миша. Не дай бог никому. А ей-то ведь еще больнее.
 Он замолчал, и Мишка заметил, как он вытирает рукавом телогрейки слезу. Редко приходилось видеть, как плачут мужчины, и на всякий случай Мишка наклонился, будто ветки перебирает. Через пару минут Георгий достал из-за пазухи сложенный вчетверо тетрадный листок и протянул его Головину. Мишка бережно взял его и положил во внутренний карман куртки.
 За каких-то полчаса разговора с Георгием Мишка вдруг повзрослел до Михаила. Он тоже рассказал Георгию про отца, про мать, про вечно пьяного дядю Олега, про больную сестренку и даже про учителя географии Андрея Андреевича. В первый раз в жизни Мишку внимательно слушал взрослый мужчина.
 А когда брел Головин по тропинке к поселку, ему подумалось, что Георгия посадили в тюрьму ни за

что. Или, правильнее сказать, не за что-то конкретное, а за всех. За злые поступки всех вокруг, за то, что обстоятельства так стекаются, за то, что иногда просто надо кого-то посадить, чтоб остальным неповадно было. За то самое, за что Мишке стыдно смотреть в глаза Анне Николаевне.

У клуба на Мишку налетел Пашка Векшин, сын начальника поселкового отделения милиции. Налетел и затараторил:

— Ты пока неизвестно где шатаешься, у нас тут беглых бандитов ловят! Меня отец даже на рыбалку не отпустил. Вертолет слышал?! Спецназовцы прилетели! Лес прочесывать будут. Ты никого подозрительного не видел?

Мишка пожал плечами. Нет, мол. Он был уже намного взрослее Пашки Векшина. Ему даже показался глупым весь этот милицейско-сысской восторг одноклассника.

— Ты в школу-то опять не ходил? — спросил, будто сам не знал, Пашка. — Не боишься, что на второй год оставят?

— Не оставят, — твердо решил Мишка. — Я завтра приду. Буду теперь каждый день ходить. Учиться надо и матери помогать.

Пашка как-то странно посмотрел на него, точно в первый раз видел. И вдруг сказал:

— А я, Мишка, никогда не верил, что ты дурак. И отцу говорил, что никакой ты не потен... Тьфу! Не потенциальный бандит.

Они очень по-взрослому посмотрели друг на друга.

Мишке очень захотелось рассказать Векшину о встрече с Георгием, но что-то подсказывало ему, что делать этого нельзя. Да и торопился он выполнить настоящую мужскую просьбу. Они пожали друг другу руки и разошлись.

До дома Анны Николаевны оставалось совсем чуть-чуть, когда из проулка вырос своей сутулой худобой Андрей Андреевич.

— О! Опять Головин! Ну кто у нас еще таскается без дела по улицам! Ты же бесполезный человек!..

«Сам ты без дела!» — хотел крикнуть Мишка, но как мужчина проявил выдержку и просто обошел учителя, ринувшись к цели. Оторопев от такой неожиданной молчаливой наглости, Андрей Андреевич пообещал ему вслед еще что-то посмотреть, а там уж... Но Мишка не прислушивался. Не до болтунов, хоть и умных.

Анна Николаевна сидела у окна на кухне и плакала беззвучно, но так горько, что Мишка до крови прикусил губу, чтобы вместе с ней не заплакать и в этот момент тоже оставаться мужчиной. А ведь казалось, уже никогда не увидеть ее плачущей. Думалось, все она уже пережила и просто

будет печальной до конца своих дней. Ан нет, и эти беззвучные слезы, точно такие, как у мамы, безостановочно текут по ее лицу. И кухонное полотенце в ее руках впору выжимать. И снова хочется убежать куда-нибудь за тридевять земель, найти молодильное яблочко или еще что, только бы доставить ей хоть минуту счастья и радости.

На какое-то время Мишка задумался, стоит ли отдавать Анне Николаевне письмо. Он уже понял,

что ей придется во второй раз похоронить сына. Может ли мать вынести подобное хотя бы раз? Пусть даже это человек, которого отвергли все, кроме нее. В том числе и те, которых она десятки лет учила быть людьми.

Анна Николаевна смотрела на Мишку бесцветными плачущими глазами и ждала. Она знала, что он принес ей письмо.

МАМА-МАША

Уж, кажется, всякого в наши дни повидать пришлось, но чем дальше, тем чаще вспоминаешь слова Иоанновы: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них...»

Впервые я увидел ее серым апрельским днем, когда на улицах кисла снежная мешанина и пешеходы проваливались в нее по щиколотки, а где и по колено, когда в традиционных неровностях российского асфальта стояли лужи-океаны, а на не успевших просохнуть возвышенностях побеждающе сияла грязь, когда весь город пронизан сыростью, а кирпичи и бетонные плиты похожи на губки, впитывающие влагу, когда весна, что называется, рубанула сплеча и расплющила весь этот сугробистан за пару солнечных дней, а потом испугалась содеянного и прикрыла свой лукавый взгляд низкой непроницаемой облачностью. Я увидел ее задумчиво бредущей от Крестовоздвиженской церкви в сторону «городачи», которое правильнее было бы назвать посадом, ибо там ютились как бы отторгнутые многоэтажками в низину, на окраину деревянные домики да покосившиеся сараи, и никто никогда не пытался этот район застраивать и перестраивать, так как место там болотистое, в мае от грязевой няши непроезжее, и живут там самые «социально обиженные» горожане. Наверное, века с семнадцатого здесь ничего не менялось, кроме названий улиц и краски на заборах. Туда она и шла.

Шла босиком. С непокрытой головой. Легкая кофточка, будто слетевшая на ее плечи откуда-то из шестидесятых годов. Распахнутое, странное — заношенное, но в то же время не утратившее яркости цвета зеленое пальто, а под ним — то ли ночная сорочка, то ли застиранное до цвета нынешнего неба платье.

Сначала я увидел ее босые ноги. Они были блее талого апрельского снега, и не было на них ни единой царапины. Глаза я увидел потом...

— Во тетка! С утра наснярилась!.. — прокомментировал один из двух шедших ей навстречу парней.

Вот тогда-то я увидел ее глаза, полные безумной печали и притягательной глубины. Абсолютно не было в них пьяного дурмана, а было какое-то сверхчеловеческое знание мира видимого и того, что скрыто от глаз остальных смертных. И не виноваты глупые парни, что попытались насмешкой объяснить то, что в их головах не укладывалось, а значит — вызывало раздражение и неприятие. И она знала, что не виноваты они, потому только посмотрела на них внимательно, даже с жалостью, и сказала тому, который гоготнул над собственной неуместной шуткой:

— А ты бы, Игорек, съездил к матери, болеет она. Сильно болеет. Из деканата тебя отпустят. Не ходи сегодня на дискотеку, к матери езжай... — и пошла дальше в свою сторону.

Тот, которого назвала она Игорьком, оторопел, лицо его пересекла молнией какая-то жуткая гримаса, и снова не нашел он ничего другого, как только бросить ей в спину словесную пригоршню едкого мата. Мол, не тебе, бомжиха ты этакая, меня учить. Но она больше не оглянулась, что вызвало у Игорька новый приступ ярости, который пришлось выслушивать по ходу движения его посерьезневшему вдруг товарищу. Видно уже было, что понял Игорек свою неправоту, но признать этого перед ним не хотел.

— Ни за что божьего человека обидели, — сказала оказавшаяся рядом со мной старушка.

Вроде и не для меня сказала, но хотелось ей, чтобы кто-нибудь услышал и поддержал. И я кивнул.

Старушка тут же ухватилась за это движение моей головы и даже за рукав куртки меня взяла.

— Да, мил человек, она через большое горе прошла. Сына у нее в Чечении обезглавили да еще и фо-

тографию изуверства такого сделали. Деятнадцать годочков-то ему было...

— А ей сколько? — сам не знаю, зачем спросил я.

— А ей столько, сколько всем матерям... Она по началу-то пить начала. Ой как сильно-о! Руки на себя хотела наложить, да Господь не позволил! А потом по телевизору фильм-то показали про войну эту проклятую. По-моему, «Чистилище» называется. Так там так и показали, как басурмане голову солдатуку отрезают. И она этот фильм смотрела. А как посмотрела — умом тронулась. Да и как сказать — «тронулась»...

Я тоже вспомнил невзоровский фильм, снятый с остервенелым натурализмом. Когда смотрел, ни одна жилка во мне не дрогнула, я тоже всякого повидал. Ничего во мне, кроме злобы, во время этого фильма не шевелилось. Только ярость закипала, как в песне поется, уж благородная или нет — не мне судить. Но сейчас, когда я смотрел на удаляющийся зеленый силуэт, прямо в сердце ощутил содрогание, мороз в душе. Представил, как мне самому отрезают голову, и очень явственно получилось. И последние мысли — сравниваю себя с беспомощным бараном. И обида — вряд ли кто воздаст по заслугам твоим обидчикам. А так хочется схватить побогатырски оглоблю — и по чернявым головам! Так какое чувство сильнее — ярость или страх? Или они рука об руку по земле ходят?

— ...она все вещи свои раздала. Все-все! Некоторые-то хапуги нашлись — даже специально к ней приходили — нельзя ли, мол, еще чего прихватить. Все отдавала. Сама по несколько дней не ела. Уж потом соседи узнали, стали силой ее кормить, да вот в храме батюшки ее потчуют чем бог пошлет. И она теперь через горе свое весь мир насквозь видеть стала.

Старушка вдруг посмотрела на меня испытующе.

— Да ты, небось, и сам-то в церкву не ходишь? Чего ж я тебе рассказываю?

— Хожу... Но нечасто... — Что-то мешало мне уйти, а уйти хотелось, забыть весь этот разговор, окунуться в серую повседневную суету — своих бед полно, а тут еще чужие в душу ломятся. — Я в Знаменский хожу, там мне ближе...

— И то ладно, — успокоилась старушка, — ныне молодежь в церкви ходит, хоть из-за моды какой, но ходит. Батюшка сказал, что пусть хоть так ходят, у кого сердце не заржавелое — оно Божье слово примет.

И не помню, то ли распрощались мы со старушкой, то ли каждый со своим словом, со своей мыслью пошел.

До вечера на душе было так мутно, что даже с близкими разговаривать не хотелось. Ночью я долго

не мог заснуть. Да и на следующий день настроение, как и погода, было пасмурное. День прошел бесполезно, бессмысленно, словно и не было его. И все не оставляло меня чувство вины, будто мог я помочь чьему-то большому горю, но прошел мимо. Прошел так, как все мы проходим, ибо бед вокруг стало столько, что если возле каждой останавливаться, чтобы пусть и посочувствовать, вздохнуть, то, кажется, никакой жизни не хватит. Но мера пройденного мимо горя в какой-то момент переполняет допустимый предел в душе каждого нормального человека и, переливаясь через край, обращается в чувство вины, происхождение которой не всякому понятно. А далее — либо человек не сможет пройти мимо следующей беды, либо так и не сможет найти душевный покой, либо пойдет в церковь...

Я выбрал последнее. Но только сами собой понесли меня ноги не в близкий Знаменский собор, а в находящуюся в совсем другом районе Крестовоздвиженскую церковь. И все тот же город плыл под ногами раскисшими улицами, а мне то и дело мерещились среди буксующих модных сапог и ботинок босые ноги. Как в тумане, добрал до церковной ограды.

Служба уже заканчивалась. Народу в будний день было не очень много. В основном старушки, да стояли по обеим сторонам от входа два увечных мужика. Будто нарочно так встали: тот, что слева, без правой ноги, а другой — без правой руки. На миг показалось, что не конец двадцатого века вокруг, а середина девятнадцатого. Просят милостыню калеки после неудачной для России Крымской войны. И одеты они были так, словно только что сошли с полотен сердобольных русских живописцев. И причитали неизменно: «Подайте ради Христа...» В голос. И также в голос поблагодарили: «Спаси вас Господь». Рядом с ними я и прижался к стене.

Зеленое пальто увидел сразу. Она стояла перед образом Иоанна Предтечи и даже не молилась, а разговаривала с ним. Казалось бы, речь ее была лишена какого-либо смысла. Так, отдельные, только ей понятные фразы.

— А что, Иоаннушка, сколько еще христианских головушек по земле покатытся? Кому, как не тебе, знать?.. И над Сербией вот железные птицы Антихриста... Спаси, Господи, люди твоя... Да расточатся врази его...

Откуда она знает? Ведь, как я понял из рассказа старушки, в доме ее давно уже нет ни телевизора, ни радио, газет она не читает. Я подошел поближе, но, наоборот, перестал ее слышать. Она перешла на невнятное бормотанье, а потом и на шепот. И я, глядя на суровый образ Иоанна Предтечи, подумал о матерях российских, что потеряли на разных войнах своих сынов. Кто в Афганистане, кто в межна-

© Дудякова Анна, 2011 г.

циональной резне, кто в Чечне, кто в Таджикистане... Я сам был солдатом, и передо мной никогда не возникал вопрос, как перед слюнявыми журналистами, — за какие идеалы велись эти войны? Или за Родину только под Москвой можно воевать? Уж лучше на дальних рубежах, чем на ближних подступах. И во все века славился русский солдат, вот только сейчас нюни пораспускали... Что детей, что матерей нюнями этими избаловали. Да и какая мать смирится с тем, что ее сына на чужбине убить могут? Как ей объяснить, что и там они за Россию воюют? У них и на это возражение ныне придумано: не хотим за такую Россию воевать, не хотим в такой армии служить! А если бы Минин и Пожарский так думали?..

— А зачем тогда на Руси мужчины нужны?!

И не увидел я в ее глазах того безумного горя, напротив, какая-то светлая рассудительность и пылкость.

От неожиданного ее вопроса у меня даже сердце вздрогнуло. Выходит, не я ее слушал, а она мои мысли читала... Подступила близко ко мне и глубоко в душу заглянула.

Да уж, зачем нынче мужики нужны? Работу искать, водку пьянствовать и оплакивать во время застолий державу свою униженную. Или если нет Суворовых, то нет и чудо-богатырей?

— А ты решил, значит, про Машу написать? Зачем? — Серебряная прядь волос выскользнула из-под косынки и рассекла ее лицо. — Тебе почему больно?

Стало быть, ее Марией зовут.

— Маша не юродивая, — по-детски строго предупредила она, — Маша — дурочка. За-ради Христа знаешь как пострадать надо!.. А Маша — дурочка! Не верь старушкам-то, они и сами не знают, чего говорят. А на войну не ходи, тебя первым убьют или ранят...

Даже обидно стало. Что я — малахольный какой? В свое время, хоть и юнец был, хоть и нюни, бывало, распускал, но на своей маленькой войне за спины товарищей не прятался.

— Ты хоть и не трус, но тогда-то ты жить хотел... — объяснила Маша. — А знаешь, мой Алешка на тебя чем-то похож. Он сейчас под началом архистратига Михаила и вовеки там пребывать будет.

— Кто вы? — спросил я и вовсе не рассчитывал на сверхъестественный ответ.

— Я мать Алеши. Он меня мама-Маша звал.

Почему-то вдруг вспомнилось: «Стоит над горою Алеша...» Я даже не заметил, как к нам подошел священник.

— Пойдем, Мария, там матушка постного супчика приготовила... Пойдем-пойдем... — Он взял ее под

руку, а на меня посмотрел вопросительно: — Извините, молодой человек, не нужно ее ни о чем расспрашивать, у нее может приступ случиться, неотложка от нее опять откажется, мы с протоиереем в прошлый раз едва отмолили. Ум у нее уже боль не воспримет, а вот сердце...

— Извините, — смутился я, — я не хотел... — и поторопился уйти.

Уж не праздное ли любопытство действительно меня сюда привело?!

— Это не чудо, это горе, — шепнул мне батюшка, напоследок взяв меня за руку.

Теперь уже я посмотрел на него внимательно, так же как он, когда незаметно подошел к нам. Он был одного со мной возраста, и только негустая вьющаяся борода придавала его лицу благородную статью, прибавляла лет, а вот глаза источали такой покой, будто он живет не первую жизнь и все уже о ней знает. Не было в них и капли влажной суеты, которая начиналась за воротами храма. И ведь нельзя было сказать, что он просто принимал мир таким, какой он есть. Просто не было в его глазах обозначенного порыва что-то переделать в этом мире, как, например, у меня. И не было, наверное, потому, что он, в отличие от меня, занимался этим каждый день... Он это делал!

Две молодые девчущки из тех, что недавно окончили школу, вместе со мной вышли из храма, громко переговариваясь.

— А батюшка-то здесь какой красивый. Он на меня как глянул — у меня дрожь по всему телу!

— Красивый, — согласилась вторая.

Интересно, какие слова он найдет для них?

В наше время попасть в переделку так же просто, как проснуться утром и осознать, что сегодня в твоём семейном бюджете нет денег даже на хлеб. И потом еще месяц, а то и больше просыпаться с той же самой мыслью.

Я, как это принято комментировать в детективных фильмах, оказался не в то время и не в том месте, а точнее — просто зашел поздно вечером к товарищу, которого не оказалось дома. И жил он вовсе не в трущобах и не на окраине, хотя и не в центре города. В обычной типовой пятиэтажке хрущевского образца. И когда я повернулся от встретившей меня молчанием двери, раздались выстрелы. Стреляли из окна подъезда и с улицы. В течение минуты по матеркам и крикам, доносившимся сверху и снизу, я смог разобраться, что идет перестрелка между милицией, которая пыгается штурмовать подъезд, и бандитами, которые не успели покинуть этот дом до появления блюстителей порядка.

Я стоял рядом с окном на втором этаже. Из окна третьего этажа отстреливались двое. Причем один

из них уже побывал на пятом и определил, что чердак заколочен и путей к отступлению у них нет. Он же собирался спуститься на второй, где находился я, чтобы вести огонь оттуда. Сколько милиционеров и омовцев штурмовали подъезд, я мог только догадываться по вспышкам выстрелов из темноты кустарников близ дома.

Положение было дурацкое. Пристрелить меня могли как те, так и другие. Бандиты — потому что я оказался не в то время и не в том месте, а милиция — потому что сначала выстрелит, а потом спросит, кто идет. Можно, конечно, было спуститься вниз и оттуда подать голос. Мол, не стреляйте, я тут случайный прохожий. У меня даже паспорт есть. Но даже мысль об этом вызывала у меня отвращение. Я представил себе, что первый омовец, в руки которого я попаду для установления моей личности, будет смотреть на меня, как на жалкого интеллигентика, как небрежно подтолкнет в спину со словами «свободен», а то еще и добавит «шляются тут всякие». Он-то занят мужской работой, а я?

А мне оставались секунды, чтобы принять какое-либо решение. О том, чтобы постучаться в чью-либо дверь, я даже не думал. Двери были мертвее, чем в тех случаях, когда за ними нет хозяев. Незаслуженно ругнул друга, которого действительно дома не было.

Вот так и стоял, не испытывая ни страха, ни мужества, чтобы предпринять хоть какой-то шаг. И все не тянулись секунды вечностью, как это принято описывать, они вообще не тянулись. Может, за пулями гонялись. Одна из них влетела со звоном и в мое окно и ойкнула по стене. Кто-то из милиционеров выстрелил в мою тень. Уж если им моя тень не понравилась!..

Я не слышал ничьих шагов. Только было чувство, что сквозь сумрак подъезда, где еще до перестрелки не было света, ко мне кто-то подошел. Это была мама-Маша. Можно было написать, что она явилась прямо из воздуха, но я этого не видел. Какая-то легкая улыбка и одновременно забота угадывались на ее лице.

— Вот видишь, поэтому тебя и убьют на войне, — шепотом заговорила она, — тебе стыдно даже пощады попросить, спастись стыдно.

А я не испытал ни удивления, ни страха. Лишь снова подумал о том, почему же мне хочется узнать о ней больше.

— Пойдем, там в тамбуре дверь в подвал открыта, через него можно в другой подъезд перейти, — позвала она, даже за руку потянула, и мне показалось, что рука ее настолько легкая, что прикосновения ее я не почувствовал. Подумалось задним умом что-то о привидениях, но слишком уж не вязался образ

мамы-Маши ни с какими фантомами и прочими сверхъестественными явлениями. Наоборот, казалось, приведет она меня сейчас за дверь ближайшей квартиры и усадит на кухне пить чай с домашними пирогами. Будет спрашивать о работе, о жене, еще о чем-нибудь обыденном и привычном.

И совсем не было в ее усталом взгляде никакого безумия. Будто пришла мама забрать своего загулявшего допоздна во дворе великовозрастного сыночка. Пожурит вот еще.

С этими мыслями, прижимаясь к стене, я спустился следом за ней. Дверь подвала в тамбуре действительно оказалась незапертой. И, что действительно вызвало у меня удивление, — над выщербленной лесенкой, ведущей в сырую глубь подвала, горела облепленная паутиной лампочка. Слово с тех пор и горела, когда не скупилось на них домоуправление, а упивающиеся своей солидностью домкомы специально проверяли их наличие во всех жизненно важных объектах.

Все это время мама-Маша шла впереди, приостанавливала меня, не оглядываясь, рукой, если следующий шаг ей казался опасным. В одной из комнат подвала она повернулась ко мне лицом.

— Ты, Сережа, лезь лучше в это окошко, на другую сторону дома, там безопаснее. От известки-то отрянешься. И еще... — Она посмотрела на меня тем же взглядом, что и священник. — Не надо обо мне писать.

И не успел я спросить почему, ответила:

— Другие матери подумают... Помнишь, я тогда в храме сказала... Подумают, что раз мой Алешка погиб, я и другим того же желаю... А мне всех жалко.

— Но ведь вы правы! Для чего же тогда еще мужчины нужны? Если б в сорок первом матери своих парней по подвалам и под лавками прятали!..

— И такие были, и сейчас есть. А ты лезь в окошко. Будут весь дом потом осматривать.

И я через трубы, тянущиеся вдоль стены, стал выбираться в тлевший светом уличных фонарей квадрат подвального оконца. Вылез, отряхнулся, наклонился, хотел позвать маму-Машу и в тот же миг понял, что ее там нет.

Утром, не завтракая, я отправился в Крестовоздвиженскую церковь. И все казалось — опаздываю куда-то. На этот раз пришел, когда служба еще не началась. По залу сновали старушки, протирали везде пыль, хотя я уверен, что после вечерней службы они делали то же самое. Постояв с минуту в нерешительности, подошел к церковной лавке и спросил женщину, которая там аккуратно раскладывала книги и свечи.

— Скажите, сюда женщина часто приходит, в зеленом пальто... Босая... Марией зовут... Будто бы не в себе...

— Вы не знаете? Она ж три дня как от сердечного приступа умерла...

Какая-то жуткая пустота ворвалась в мою душу, темная и холодная. Безысходность какая-то. Опять же не испуг, не страх, даже и не боль, а усталость печальная. И не отчаяние, но и не смирение. Даже и не знаю, как назвать такое чувство.

Я заказал молебен за упокой и взял несколько свечей. Когда стоял у образа преподобного Сергия Радонежского, на миг показалось мне угловым зрением, что взглянула на меня со стороны мама-Маша. Так явственно показалось, что повернул отяжелевшую голову. И... встретился с немного печальным, светлым взглядом Богородицы.

Уже на выходе из храма столкнулся с тем самым батюшкой. Хотел остановить его, рассказать о том, что со мной произошло, но мы только обменялись взглядами. Я понял, что он и так знает.

Весна снова опомнилась и приступила к исполнению своих обязанностей. Ярко-желтый, как на детском рисунке, луч солнца пробил серую вату облаков и озолотил купола. В окнах домов заиграли веселые блики. Просвет в облаках с каждой минутой становился все больше, точно силы света раздвигали стальные облачные оковы. Я залюбовался этим зрелищем.

Ее Алешка сейчас в воинстве архангела Михаила. А где она сама?

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИСКРЕННОСТИ

Как это могло прийти в голову? Студенты редко играют на деньги, поэтому играют на желания, на мелкие подлости, на подготовку к семинару, но играть на правду?!

Додумался играть на искренность Вохмин. После первых двух партий он был в выигрыше, и по его желанию Аникин уже сходил в одних семейных трусах к девушкам в соседнюю комнату, чтобы под одобрительное хихиканье прочесть наизусть детское стихотворение, а Онищенко с вахты позвонил жене декана и назначил ей свидание. Семейными трусами уже давно никого не удивишь, соседки привыкли к «проигрышным выступлениям» и видели номера покруче, что могло зависеть от степени опьянения и куража мужской компании. В этом случае сами они отдавали предпочтение трезвой изобретательности, а также подобающей для женской компании изысканности. Телефонные номера тем более не приносили достойного удовлетворения и потехи, поэтому Вохмин даже не пошел проверять Онищенко. За первые два курса они и так проверили друг друга в самых разнообразных жизненных ситуациях, и про Онищенко Вохмин знал: для этого карточный долг — долг чести. Потом был небольшой перерыв на жареную яичницу с кабачковой икрой, бутылку водки и три сигареты.

Две партии состоялись, но скука по-прежнему была сильнее, пресная обыденность висела в комнате вместе с табачным дымом, завтрашний день не обещал ничего выдающегося, кроме ежеминутной лжи, коей наполнена жизнь каждого человека. Об этом думал Вохмин, выпуская клубы табачного дыма в приоткрытое окно, откуда он неминуемо воз-

вращался в комнату вместе с редкими снежинками. Ему, как выигравшему, предстояло выбрать и предложить партнерам условия следующего кона. И это почему-то его раздражало. То ли своей наигранной обязательностью, то ли безысходным пониманием глупости предпочтенного безделья. Да уж! Никто не позовет утром совершенствовать этот мир, никто не спросит его отношения к сложившимся стереотипам и устоям, а если он и скажет, никто не услышит. Ложь, возведенная в степень правды, — вот что показалось ему вдруг основой всех общественных отношений. И он решил поставить на карту один день искренности...

— Вы согласны, братья мои, — помпезно начал он, — что человек постоянно лжет, и лжет подчас не только окружающим далеким и близким, но и самому себе. Мы пронизаны ложью, как магнитными полями. Ее протуберанцы вырываются из нашего сознания всякими там силлогизмами, в коих и посылки уже изначально ложны... Вы согласны, братья мои, что ложь является неотъемлемой и невымываемой частью человеческого сознания? — Для вящей убедительности он разлил по стаканам последние сто грамм и, расстреляв взглядом озадаченных товарищей, изрек: — Кто и когда из вас говорил чистую правду без малейшей примеси лжи, без оправдательных замутнений, без придуманной специально для подобных случаев объективности, подразумевающей трусливое «и нашим и вашим» — лишь бы в морду не били? Кто из вас помнит вкус чистой правды?

Опрокинув в себя содержимое стакана, он театрально тряхнул нестриженной шевелюрой, бросил

на стол затертую колоду и стал ждать произведенного эффекта.

— Но голая правда часто выглядит как неприкрытый цинизм? — усомнился Аникин.

— Ага, но, собственно, слово «цинизм» придумано различного рода либералами, чтобы правда выглядела еще непригляднее, чем она есть, — парировал Вохмин.

— Говорить правду не всегда безопасно и уж точно не всегда выгодно. Иной раз лучше просто промолчать, — задумался Онищенко.

— Поэтому я и предлагаю поставить на кон всего один день искренности, — объявил Вохмин. — Всего один! Тот, кто проиграет, обязан будет весь завтрашний день говорить правду. Если же он попытается отмолчаться, то двое других вправе сказать ему: «Что ты об этом думаешь?», и он должен будет говорить искренне. Во всяком случае, это настоящая мужская игра, достойная русской рулетки, а не пошлые развлечения типа кросса без трусов по коридору или поглощения трехлитровой банки воды залпом.

— Ну ты, Олег, придумал. — Аникин задумчиво начал тасовать карты, он уже согласился, хотя в приоткрытое окно зябко потянуло неизвестностью.

— Вася, а ты? — глянул Вохмин на Онищенко.

— А что я, не мужик? Тема, дай колоду сдвинуть, все по-честному. А теперь держись, братва, вдарим пиковым тузом по лицемерию и... — не нашелся чего бы еще ввернуть позабористей.

Во время игры все трое непривычно молчали. На кону незаметно, но очень внушительно стояла правда. Вохмину, который все это придумал, отвратительными стали казаться сами карты: лощенные дамы и валеты, властолюбивые короли и вся эта шваль — от шестерок до десятков. Наверное, еще не поздно было обратить эту партию в шутку, но шевельнувшееся в душе малодушие было сродни только что публично осужденной лжи, и Вохмин решил идти до конца, хотя в то же мгновение понял, что непременно проиграет. Карты не прощают пренебрежительного к ним отношения, а бесконечно везет только киногероям. Да и то не всем.

— И никакого фатализма, — прокомментировал он свой проигрыш и настороженное молчание однокашников.

— Да здравствует искренность! — подтопил Аникин, вытирая со лба капельку пота.

— Обещаю с завтрашнего дня говорить правду и только правду, и ничего кроме правды, — поклялся, положив руку на пустой стакан, студент третьего курса философского факультета Игорь Вохмин.

Утром, прежде чем сутуло двинуться к учебным корпусам, они втроем всегда курили на крыльце

общезития. Вчерашний день, как обычно, успел затереться ночными похождениями к дамам сердец, смесью разнокалиберного спиртного, никотиновой изжогой и пустыми разговорами. Про последнюю игру, казалось бы, забыли, Вохмин был внешне невозмутим и спокоен, только друзья отводили глаза от его взгляда, в котором прибавилось какого-то затравленного одиночества. Аникин еще подумал, что взгляд Игоря стал откровенно обвиняющим, будто не он сам предложил вчера игру на искренность. Незаслуженное чувство вины подтолкнуло Аникина на первый дурацкий поступок.

Из подъезда общаги вывалил на свет божий некто Леня Медведчиков — пятикурсник с факультета физической культуры, мастер по всем видам спорта, а также неформальный авторитет всей студенческой братии.

— Что, очкарики, здоровье поправляете? — весело пыхнул он, определяясь в уличном пространстве. Подобным образом Медведчиков приветствовал философов каждый день в зависимости от настроения и погоды.

На такое приветствие следовало отвечать: «Да куда нам, Леня...» или хотя бы подобострастно хохотнуть, оценивая остроумие старшего физически развитого товарища. Но Аникин вдруг спросил у Вохмина:

— А ты, Игорек, что по этому поводу думаешь?

В глазах Вохмина загорелся темный огонек отрешенности, он вдруг откровенно презрительно посмотрел на Медведчикова и без лишних изысков изложил свое мнение:

— А я думаю, Артем, что очень не хреново, когда к атлетически сложенному телу приложена наполненная смысловым содержанием голова.

У Васи Онищенко незаметно для него самого подпрыгнули брови. Из-за этого на первый взгляд незаметного движения шапка наехала ему на глаза. Медведчиков отреагировал через несколько секунд, потому как для него такая наглость тоже была неожиданностью.

— Это ты меня сейчас так развесисто тупицей назвал? — Леня ткнул указательным пальцем в вохминскую грудь, отчего Игоря ощутимо шатнуло к перилам крыльца.

— Смысловую нагрузку сказанной мною фразы даже отдаленно нельзя свести к однозначному и лубочному слову «тупица», — ответил по-прежнему невозмутимый Вохмин.

— Так я не понял — ты на меня наехал? — Леня находился в явном замешательстве.

— В этом-то вся проблема, ты раздумываешь только над тем, сразу свернуть мне челюсть или повременить, — добавил сомнений Игорь. — Ты уважаешь только тех, кого не можешь побить?

— Короче, ладно, философ, я повременю с твоей челюстью... До вечера... И если ты будешь так же парить мне мозги, то твои я встряхну так, что у тебя пропадет всякое желание умничать с психически нормальными людьми. А сейчас я на пару опаздываю. Бывайте, очкарики, — и он ринулся с лестницы, будто опаздывал в аптеку за противоядием.

Аникин глубоко и облегченно вздохнул, Онищенко наконец-то поправил съехавшую на глаза пыжиковую шапку — подарок родителей-северян. Слов больше не было, зато все трое подумали о том, что за искренность одного вечером придется отвечать всем вместе.

На первой лекции было обыденно скучно. Мстислав Григорьевич, опираясь на свою докторскую степень, полученную еще во времена всепобеждающего диалектического материализма, когда он преподавал научный коммунизм, неторопливо, но очень уверенно пытался одарить неофитов суррогатом из многих философских течений, которые следовало знать в обязательном порядке, исходя из торжества либеральной объективности, понимания глобальной культуры и общечеловеческих ценностей, список которых был утвержден всемирным кагалом где-нибудь на Уолл-стрит или в Лэнгли.

— Постигая мир через экзистенцию, человек определяет свое место в современном мире и, как следствие, избавляется от расовых, национальных и других предрассудков, от культуртрегерского подхода...

Аникину даже вникать не хотелось в эти нагромождения, за три года обучения он совершенно уверился, что философия и как наука наук, и как все прочие науки призвана обслуживать те или иные идеи вождей, лидеров и новоявленных гностиков и даже при формально объявленной собственной свободе и отвязанности от всего любомудрие избирательно. Проще говоря, Аникин считал, что если любомудрие исходит не от Бога и не Богу направлено, то оно представляет собой макиавеллизм в том или ином роде, поддерживающий ту или иную форму государственного устройства. С тех пор, как он раскрыл Библию, и Платон, и Сартр, и Бердяев, и Бэкон, и прочие для него равнозначно побледнели. Другое дело Онищенко, которому родители поставили четкую задачу — получение диплома, за что исправно платили, и Вохмин, который, прежде всего, искал в себе, а не в книгах. Вохмин, к примеру, считал, что общечеловеческих ценностей всего две: любовь и добро, но эти вечные категории можно вывернуть наизнанку, если подогнать под какую-либо идею или доктрину, воплощая которые можно обратить любовь в ненависть и по такой доброты залить кровью какую-нибудь часть света. В этом понимании

«научного подхода» к вечным ценностям они с Аникиным были близки. Онищенко конспектировал, а Вохмин рисовал какие-то геометрические конструкции. Поэтому, когда Мстислав Григорьевич заговорил о современном понимании интернационализма, именно Аникин совершенно без задней мысли шепнул Вохмину:

— Что ты думаешь обо всей этой лабуде?

— Я думаю, — довольно громко заявил Игорь, — что новое толкование интернационализма — это старая песня в современной аранжировке.

В аудитории зависла удивленная тишина. Мстислав Григорьевич предпочел замечанию паузу, дабы вступить с прытким студентом в ожидаемую всеми дискуссию.

— Интернационализм избирателен, — продолжил вдохновленный тишиной Вохмин. — Лет пятнадцать назад Мстислав Григорьевич рассказывал моему старшему брату о марксистском понимании интернационализма, в котором тот имел неосторожность усомниться, приведя пример из жизни университета. Он просто взял статистику поступления в альма-матер, и получилось, что для некоторых народов и народностей двери университета открыты значительно шире, чем, скажем, для доминирующей и государствообразующей нации. Братец мой назвал это интернационализмом за чей-то счет, за что его сначала выгнали из комсомола, а чуть позже — из университета. Сегодня же нас снова учат интернационализму, но уже на основе либеральных ценностей, и снова не находится места для старшего брата...

— Это диалектика, Игорь Викторович, — вежливо начал профессор, — и мир, и сознание человека развивается...

— Это демагогия, Мстислав Григорьевич, — перебил Вохмин.

— И, к сожалению, это политика, — продолжал профессор. — Вашего брата съел комсорг группы, а не я. А вы, как я понимаю, хотите сейчас начать проповедь пресловутого русского мессианства, что и является проявлением культуртрегерского подхода...

— Ничего я не хочу, Мстислав Григорьевич, — вспыхнул Вохмин, — просто мне надоела обоснованная и необоснованная ложь во всех ее проявлениях и на всех уровнях! Может быть, вы даже старательно верите в то, что сейчас пытаетесь изложить нам, но если десять лет назад система не оставляла и единого шанса на прямое возражение, то сегодня нам, наоборот, вешают все подряд, в результате чего сознание дробится и теряет стержень. А в итоге: по городу маршируют то разукрашенные и неуместные кришнаиты, то эпатирующие публику нацболы, то сексуальные меньшинства, то

приверженцы идиотских эзотерических обществ, то узколобые скинхеды, то... Да мало ли какие еще, выбравшие собственную струю массового безумия!

— У вас проблема с выбором? Вам не нравится свобода? — хитро прищурился Мстислав Григорьевич. — Почему вы отказываете людям в праве выбора?

— Потому что выбора у них нет! И вы это прекрасно знаете, Мстислав Григорьевич. Как могут выбирать не знающие истины?! Они не выбирают, они просто скатываются в ту или иную сточную канаву, услужливо подготовленную для них делателями массового сознания и массовых психозов, в том числе обремененными научными званиями и государственными наградами. Сейчас на каждом углу сидит Вольтер со своей собственной шарманкой.

— Так, может, вы разъясните нам, что такое истина? — хохотнул Мстислав Григорьевич, но аудитория его не поддержала. Комсорга в ней не было.

— Вы, профессор, искусственно созданный адепт плюрализма...

— По крайней мере, я никому не навязываю свое мнение...

— Потому что у вас его нет!

— А вот это уже оскорбление, я бы поспорил с вами, Игорь Викторович, на основе серьезных знаний, но для вас нет авторитетов, вы отказываете людям в собственном осмыслении истины. Может, у вас генетический тоталитаризм? Я попрошу вас покинуть аудиторию, где учащиеся пытаются постигнуть все многообразие человеческой мысли...

— Многообразие лжи, — подвел итог Вохмин. — А могли бы вы, Мстислав Григорьевич, сказать нам, положи руку на сердце, что та или иная школа лучше другой, без дружеских эквивок на оппонентов, четко и ясно определив — оппоненты и все их умствования фигня?!

— И тем самым погрешил бы против объективности!

— Объективность бывает только в фотоаппарате, потому что для этого там есть объектив, — ухмыльнулся Вохмин, закрывая за собой дверь.

— Для того чтобы иметь заблуждения, знания не нужны, — резюмировал профессор.

— Некоторым знания нужны для того, чтобы обосновывать заблуждения, — послышалось из коридора.

Онищенко и Аникин переглянулись. Такого поворота событий они не ожидали. Было совершенно ясно, что плюрализм Мстислава Григорьевича имеет определенную границу, которая пройдет на ближайшем экзамене, дабы оставить по ту сторону зарвавшегося студента. При этом зачетка, пестрящая оценкой «отлично», будет ставиться не в заслугу, а в упрек. Что поделаешь — диалектика...

— Доигрались, — совершенно точно определил состояние дел Онищенко.

Но на этом день искренности не кончился. Во время перерыва в курилке Вася Онищенко призвал Аникина простить Вохмину карточный долг, а Игорю посоветовал идти к досточтимому профессору с извинениями и рассказом о неуместной игре. На что получил полагающуюся ему порцию правды:

— Представь себе, Васек, что Пушкину предлагают расцеловаться с Дантесом за минуту до дуэли! С тобой все ясно, у тебя цель — любым путем получить диплом. Не-ет, ты не обижайся, я тебя не осуждаю, просто ты сам себя приземляешь.

— Спасибо, Игорь, за откровенность... — Онищенко еще решал, обидеться ему всерьез или нет, но в разговор вступил Аникин.

— Вот что, братцы, у меня остались деньги от родительского перевода, предлагаю пойти в кафе и отметить день искренности.

Предложение ни у кого не вызвало возражений, потому как ссориться никому не хотелось. За три года в маленькой комнатке они так надоели друг другу, что уже и не представляли себя вне своей компании.

В облюбованном студентами университета кафе можно было дешево перекусить и еще дешевле выпить, особенно если водку перемешивать с пивом, на чем и остановилась группа правдолюбков. Они произносили какие-то глупые тосты об истине, которую следует искать разве что на дне стакана со спиртным, мололи самую несусветную чушь, когда к их торжеству попыталась присоединиться Ирина Говорова, боевая (в прямом смысле слова) подруга Игоря Вохмина.

— Ну ты, милый, сегодня выдал! С каких это пор ты стал борцом за эфемерную истину?!

— Со вчерашнего вечера... — начал было отвечать Аникин.

— С каких это пор истина стала эфемерной? — зло вылутился на Ирину Вохмин. — Или, если правда неприятна, ее лучше не видеть?

— Бр-р-р... Заболевание серьезное, — угрюмо поставила диагноз Ира. — А что скажет больной по поводу высшего человеческого чувства — любви?

— Биохимические процессы и выброс гормонов, — рубанул Вохмин.

— Похоже, что на меня у тебя гормоны кончились, я, между прочим, поддержать тебя пришла, сбежала с социологии... — Обида в голосе Иры была уже нескрываема.

— Культурология, социология, маразмология — понавывдумывали всякого фуфла! Пишут учебники, мол, не зря хлеб едим. — Аникин попытался направить разговор в иное русло.

— Знаешь, Ириш, — очень серьезно посмотрел на подругу Игорь, — я к тебе очень хорошо отношусь, даже лучше, чем сам об этом думаю, но я тебя не люблю. У нас были нескудные ночи и веселые деньки... Нет-нет, стой, не уходи, я буду честен до конца. Я совершенно откровенно тебе заявляю, что ты лучше и чище меня... А я все три года косился на твою подругу Лику. Я и зашел к тебе в комнату из-за нее... Тогда... В первый раз... Но она ушла, а мы остались...

Над столом зависла неудобная тишина, и, казалось, сорвавшаяся с Ириной щеки слеза колокольным звоном ударит в опустевшее блюдо на столе.

Ли́ка была местной, а родители Ли́ки были какими-то крупными шишками. Ли́ка была из высшего света и приходила к Ире расслабиться — выпить и покурить, да помыть кости общаговским парням. У Ли́ки был шарм и ухажер на джипе.

У Иры были на глазах слезы. У Вохмина было гадко на душе, и он налил всем водки, а свой стакан протянул Ирине. Она, не задумываясь, выпила, промокнула кружевным платочком глаза и еще дрожащим, немного хриплым голосом сказала:

— Игорь, я тоже хочу сказать тебе комплимент... Этот бык на джипе, который Лику пасет, он мизинца твоего не стоит... — развернулась и пошла в свою комнату и уже новую жизнь.

Вохмин уронил голову на руки. Друзья молчали. Водка стала горче, а пиво кислее. Вкус правды более всего походил на вкус постоянной тревоги и бесконечной безысходности. За окном дымили непонятно какие реформы в непонятно какой стране, никак не приживалась американская мечта, зато русская тоска весело лилась в рюмки и граненые стаканы...

Вечером в гости пришел Медведчиков. Удивительно, но на лице у него не присутствовала обычная маска супермена, готового к разборкам в любое время и на любых условиях.

— Э, умники, я бы все же хотел узнать, вы всех спортсменов тупицами считаете?

— Правда в том, Лена, — грустно ответил за всех Вохмин, — что всех нас никто не позовет в светлое будущее, — и достал из тумбочки припрятанную чекушку.

— Философия, — согласился Медведчиков и тоже достал из-за пазухи прихваченную для умного разговора емкость.

И разговор этот был в самом разгаре, когда дверь открылась и на пороге появилась Ли́ка. Взглядом с поволокой она прошлась по прокуренной комнате и остановилась на Вохмине.

— Могу я выразить свое восхищение правдолюбом? — сказала вместо «здравствуйте» и подошла ближе к Игорю.

Вохмин напрягся навстречу, ожидая какого-нибудь придуманного Ириной подвоха. Ясно, что весть о ставках в последней игре за день стала достоянием всего университета. И уж, конечно, Ирина выдала свою порцию правды Ли́ке. Но что делает здесь Ли́ка? Спустилась с небес посмеяться над проигравшим?

— А почему для меня у тебя правды не хватило, Игорь? — грустно поинтересовалась Ли́ка. — Ты никогда не слышал банальную истину о том, что маленькая ложь порождает большую? И откуда тебе знать, что вся правда бывает неприятной? И что делать, если ты сам не захотел ее знать? Так вот, раз уж наступил момент истины, я скажу причитающуюся тебе часть: в тот упомянутый тобой вечер я ушла, так как была уверена, что ты пришел к Ире! Глупо, да? Итак, правда бывает горькая, приятная и бывает до обидного глупая. Ты мог тогда догнать меня в коридоре...

— Н-но... — ничего не хотел и не мог сказать Вохмин.

— Но у нас есть немного времени, чтобы разобратся во всем этом наедине. Ира ушла сегодня к подругам, ее комната оставлена нам под охрану. Ты готов заступить на пост номер один? — Вроде бы никакой хитрецы в голосе, только напор дамы, которая не знает отказов. — Так ты готов быть искренним до конца?

— До полуночи еще два с половиной часа. — Вохмин вопросительно посмотрел на друзей.

— Что ты об этом думаешь? — кивнул ему Аникин.

— Я думаю, что я люблю эту девушку, но шансов у меня ноль, — честно ответил Игорь.

— Ну тогда мы продляем твой день искренности до завтрашнего утра, — подмигнул Онищенко.

И слова эти проводили Вохмина в удивительную ночь, о которой еще вчера он и мечтать не мог. И плевать ему было на то, что где-то на ночных улицах визжит тормозами джип, а за рулем разъяренный бык сквернословит и гонит на красный свет. И казалось, что все, что случилось в этот день и свершается сейчас, происходит не с ним, а с каким-то другим человеком, который жил в Вохмине все эти годы и наблюдательно молчал. И у настоящего Вохмина было чувство, что этому человеку теперь досталось самое главное, а сам Вохмин стоит где-то в стороне и наблюдает, как скрытая когда-то правда прорывается наружу безумной нежностью и самыми ласковыми словами. И оба они боялись, что ночь искренности вот-вот кончится.

Ли́ка чередовала свою откровенную, порывистую и безудержную нежность с другим видом искренности: даже в сладкой истоме она твердила, что не обещает Игорю вечной любви, хотя ей никогда в

жизни не было так хорошо и вряд ли когда-то будет. Она успевала шептать что-то о банальном строительстве карьеры и обеспеченного будущего, а Вохмин умолял ее об одном — забыть обо всем хотя бы на одну ночь. Он прекрасно понимал, что у него слишком мало шансов стать для этой девушки единственным и незаменимым, он гнал от себя мысли о том, что сейчас изо всех сил цепляется именно за эти шансы, набивает им цену, и в то же время разочарованно стонал — хуже всего обманывать самого себя, особенно в ночь искренности. И все-таки Лика таяла под его напором, как и он, задышалась от торжества слияния, проваливалась в небытие и, всплывая ненадолго, шептала уже совсем другое. То, что обычно шепчут женщины тем, без кого не мыслят своего существования. И никто не мог бы измерить или на глаз определить — сколько в этих страстных словах, тирадах, междометиях было правды.

Где-то в другом конце коридора уже не плакала, а сладко спала Ира. Медведчиков грозно храпел на вохминской кровати. Аникин, который отказался пить, на кухне читал Екклезиаста. Бык посадил в машину пару проституток и умчал за город. А народ,

забывший за последние сто лет вкус правды, нервно ворочался в кроватях и даже ночью сверял свою жизнь с лживым курсом лживого доллара, что сиял неоновыми цифрами на непотопляемых банках.

Исключенный после сессии Вохмин ушел в армию. После учебки он попал на Кавказ, где воевал честно и молча, потому что правду на той войне говорило только оружие. Уже из госпиталя после ранения он написал Лике письмо, но ответила на это письмо Ирина. Лика вышла замуж за сына президента банка, хотя его не любила. Мстислава Григорьевича пригласили по обмену опытом в Чикагский университет. Аникин ушел из альма-матер сам и поступил в духовную семинарию. Медведчиков, проработав учителем физкультуры два месяца, устроился охранником в именитое агентство недвижимости. Васе Онищенко до честно оплаченного диплома оставался всего один год. Его новые соседи тоже любили играть в карты, но он предпочитал читать оставленную в подарок Аникиным Библию. Народ спал. Все ждали, когда придет кто-то и скажет долгожданную правду.

Кладбищенский пес Лёлик

...Поколение за поколением неспешной чередой тянутся в могилу, оставляя все дела и заботы. И нас хотят уверить, что служение этим делам и заботам само ради себя способно не только наполнить, но и осмыслить жизнь. Эта религия человечества есть какая-то кладбищенская философия.

о. Сергей Булгаков. Сочинения. Том 2, с. 146

Лёликом его нежно называла жена. Мать же назвала его Алексеем. По отцу он был Иванович, а по фамилии Меркушев. Кладбищенскими псами их называли горожане...

По огромному городскому кладбищу Лёлик неразлучно ходил с лопатой и, когда не было работы, метал ее, как дротик, в специально выбранный для подобных упражнений ствол дерева. Лопату он уважал и ухаживал за ней, как воин ухаживает за своим оружием. Остра она была, как бритва, а черенок ровный, словно литой.

Еще в свободное время Лёлик бродил между могилами, читая надписи, раздумывая о земной жизни и о жизни загробной, останавливался у какого-

нибудь надгробия, показавшегося ему интересным, пытался представить себе жизнь кого-либо из усопших и не переставал удивляться: в десяти километрах от этой вязкой тишины, сквозь которую даже ветер крадется, шумит живой город, а здесь? Здесь — город мертвых. Уже, наверное, превосходящий по своей численности город живых. Есть здесь свой исторический центр, есть новостройки, наступающие на пригородный бор...

Ох уж это наступление! Пять лет назад Лёлик и представить себе не мог, что корни деревьев такие длинные и такие сильные. И рука не поднимается их пилить, если того требует работа. Этим обычно занимается Микрун. Он после стакана водки все мо-

жет, а за стакан — с любимым покойником в уста лобзаться готов. Работник из него никакой — кряхтеть только, но держат его в бригаде именно для черной работы. Хоть и не часто эксгумации, но туда, даже не спрашивая никого, Микрун идет. Мужики отроют, а Микрун после стакана гроб, если от него что осталось, испарывает...

Семь лет назад Алексея Меркушева, как и многих его соотечественников, сократили из Института проблем освоения Севера, но так как с Севера податься ему и его семье было некуда, он стал изучать эти проблемы на бытовом уровне. С год мыкался, работу искал, перебивался случайными заработками, челночил. Еще год батрачил у друга в коммерческом ларьке, но не по нутру ему это было. Обозленная безысходностью душа запросила вдруг покоя и безлюдья. Надоела ей тупая бессмысленная суета, да совсем-то от нее не уйдешь. А тут встретил одноклассника своего — Бахрушина, тот и позвал с собой — на кладбище. Как раз друг и собутыльник Микруна умер, замена требовалась. Взяли с испытательным сроком на три месяца... Платили прилично, да еще и от каждых похорон родственники усопшего доплачивали. Гроб им переставь, на полати опусти, заколоти... Это уже в обязанности кладбищенских псов не входит. За это отдельные деньги и отдельные бутылки.

Ох и наломался в эти первые три месяца Лёлик, уставал до смертного пота. Именно смертного, потому как весь воздух на кладбище пропитан сладковатым запахом смерти. Не всякий его долго выносить сможет. Тошновато. Лёлик смог. Но запах его собственного пота тоже теперь был смертным. Смирилась с ним и жена. Главное — семья в достатке.

Бригадир Иван Степанович Колесов — обстоятельный мужик лет пятидесяти — Лёлика уважал особенно. Все никак не мог понять, как удается Меркушеву совмещать высшее образование с гробокопательством и быть при этом одним из самых выносливых и безотказных работников.

— Я в армии служил, — как бы оправдывался первое время Лёлик, но остальных это мало волновало. Раз лопатой не хуже других ворочаешь, оградку починить можешь, водки стакан хлобыстнуть, на морозе кайлом махать — значит, свой. И не важно, в каком балете ты до этого выступал. И не косился на него никто, когда в свободные минуты он вместо картежной игры или винопития бродил по кладбищу или забирался на гору автопокрышек, что скрупулезно собирали со всего города «для отопительного сезона». Спрашивали иногда, чем он там на этой резине занимается.

— В небо смотрю, — не скрывал Лёлик.

— Это правильно, — признавал бригадир, — мы ж

больше носом в землю, а в небо взглянуть — не по уму нам. В небо поэты и художники смотрят!

— Зато вся сила от земли! — возмутился Микрун.

— Это так, — соглашались все, в том числе и Лёлик. Каждый из них себе столько силы из этой земли накопал, что на спор с незнающими мог порвать колоду карт.

Володя Бахрушев, который попал на кладбище сразу после школы «по семейному подряду», сменив ушедшего на пенсию отца, сюда же вернулся после армии. Тогда над ним посмеивались, а он не обижался. Кто-то и могилы копать должен. И, в свою очередь, ни над кем не посмеивался, когда перестроенными ветрами поддувало однокашников с научных кафедр, от кульманов, из общественных приемных. Для некоторых из них он собственноручно рыл «два на полтора».

Особой дружбы с Лешей Меркушевым у него не было, но когда встретил его в городе, ошивающегося возле биржи труда, не преминул представить его бригадиру, а недоверие последнего на счет интеллигентства развеял своим поручительством. И за это предстательство Лёлик был благодарен Володе уже пять лет, но дружбы у них так и не получилось. Каждый из них был по-своему нелюдим. Лёлик — от одолевающих его размышлений о мироустройстве, Володя — от ранней житейской мудрости.

И только они двое бесплатно помогали строить возле кладбища часовенку. Остальные — за деньги. Почему отказались от денег — ни тот ни другой объяснить не могли. В церковь они не ходили, платой от родственников усопших не гнушались, а вот за часовню денег не брали. В бригаде на них за это не роптали: не хотят — и не надо. Священник, который руководил работами и привозил сюда на автобусе богобоязненных мирян на субботники, часто любовался, как они в паре делают кладку или готовят раствор. И все молча. Однажды не выдержал, подошел к ним и сказал зачем-то:

— Хорошие вы ребята, вот только богоискательства в вас нет...

Они промолчали. Но Лёлик потом еще долго размышлял, лежа на автомобильных покрышках, над словами отца Сергия.

Действительно, нет-нет да выплывало с самого дна души безразмерное чувство пустоты. Вроде и есть все, что необходимо, дома все здоровы, дочки в школе учатся, хорошо учатся, жена не ропщет, деньги есть не только на одежду и еду, но и на любимые книги, в прошлом году даже в Сочи их возил... Есть все и нет ничего... Чего-то самого главного нет. И пустоту эту стаканом, да и бочкой водки не зальешь. Но и думать о ней некогда. Вон внизу жизнь летит —

от лопаты к лопате, от могилы к могиле — и кончится когда-то могилой собственной. А там что — тоже пустота? Тьма? И даже противного вороньего голоса над головой не услышишь?

Окликнет бригадир, и все эти мысли останутся лежать на крышах, может, ветер унесет их в подпираемое соснами небо, а Лёлик спрыгнет обратно на грешную землю, включится в нем некий особый механизм, превращающий человека в бездумный экскаватор, и время будет измеряться кубами сыроватой кладбищенской земли и глины. Вечером же от усталости, кроме телевизора, журнала или книги, ничего видеть не хочется. В дневники дочек заглянет только для проформы и все время боится, что когда-нибудь им придется писать сочинение на тему «Кем работает мой папа» или «Папина профессия».

Так бы и тянулась эта жизнь вперемешку с могильной землей, тихим воркованьем жены по вечерам, щебетаньем дочурок... И ничего более радостного ждать даже и не хотелось. Где уж там. Над всей страной непроницаемая пелена жуткой тьмы, безысходности, безбудущности. Год от года она становится плотнее и ядовитее, отчего хочется забиться в свой мирок, сделать его бомбоубежищем и ничего уже не знать о нашествии темноты: о непонятно зачем нужных займах у всяких там фондов, о наглейшей развращенной Америке, о СПИДе, об убийствах на каждом шагу... И уж кому-кому, а Лёлику о наступлении этой темноты известно больше, чем кому-либо. Он измеряет ее ямами. И не закрыться от нее ни за какими стенами, она всепроникающа, она сочится сквозь стены и окна, она сквознячком струится под двери, она давно уже сидит внутри каждого человека.

Хоронили двадцатилетнюю девушку, убитую в подъезде собственного дома. Историю ее кладбищенские псы узнали из тихих разговоров провожающих и надрывного плача родственников. Стояли чуть в стороне, ждали, когда закончится прощание, все равно им гроб опускать. Каждый из них оградил себя изнутри невидимой стеной напускного безразличия. Иначе нельзя — душа не выдержит, переполнится чужим горем, и не сможешь больше здесь работать.

И день-то такой весенне-пронзительный. Небо чистое до бездонности, нежный теплый ветерок разносит запах первой травы. Жить да жить. Лёлик стоял чуть в стороне от остальных, стараясь не смотреть в мраморное, даже после смерти красивое лицо покойницы. Зато ловил недружелюбные взгляды родственников и близких, словно кладбищенская бригада виновата в смерти этой девочки. Чтоб выглядеть независимее и спокойнее, сорвал на обочине дороги травинку — сунул в рот. А по-

том и вовсе отвернулся, словно еще чего не видел в этом городе надгробий. Но нет-нет да оборачивался, чтобы не пришлось его звать, просить о помощи, от этого люди еще больше их ненавидят, считают, что они на чужом горе наживаются. Понаживались бы сами...

Мать все никак не отходила от гроба, все звала свою Юленьку, а остальные уже нетерпеливо переминались с ноги на ногу: быстрее бы и это горе в землю. Микрун подсуетился, и более дальние родственники под его наигранные причитания оттащили мать под руки. Кладбищенские псы вышли на исходную.

Далее все как по нотам. Удары топора, вгоняющего в крышку гроба гвозди, спугнут ворон с ближайших деревьев, скользнут с натруженных плеч длинные полотенца, выбьет на крышке первую дробь первая горсть земли, и снова наступает время лопаты. Обратная земля идет намного легче. Установили памятник-временку, отошли в сторону.

— Слышь, пес, вы могилки-то когда снова откапываете?

К Лёлику никто и никогда так не обращался, и он даже не отреагировал. Но обращались все-таки к нему:

— Я же тебе говорю, синявка! Небось, золотом покойнички не брезгуете?

Наконец Меркушев рассмотрел справа от себя бритоголового парня: нос картошкой, широкие скулы, красные рыбы глаза, в которых перемешались пренебрежение, ненависть и мнимое горе. Мнимое — потому что чувствовать он умеет еще хуже, чем кладбищенские псы, раз положено горевать — вот и горюет. Живет по придуманным самим собой и такими, как он сам, правилам.

— Чего? — на всякий случай переспросил Лёлик.

— Если в Юлькину могилу полезете, сами для себя рыть будете, — прошипел бритоголовый.

И впервые в жизни Лёлик сначала сделал, а потом уже подумал. Включился в нем, что ли, экскаватор? Но только со всей силы, что могла протечь вдоль его правой руки в одно мгновение, да еще с разворота, саданул он по квадратной челюсти бритоголового, и тот, словно набитая опилками кукла, полетел головой вперед, а приземлился в свежерытую рядом могилу. «Символично», — подумал Лёлик, а уж потом услышал:

— Да что же это такое?!

— Игорек! За что он тебя?!

— Вот псы паскудные! Мало им того, что на чужом горе наживаются!

— И откуда такие ироды берутся!

— Правильно... Нормальные-то люди сюда работать не пойдут... Надо на них в суд подать!

— Лучше по мордам!

Кто шептал, кто кричал, женские голоса перемешались с мужскими. Только сейчас Лёлик заметил, что бригада, собрав инструмент, удаляется в сторону балка, где размещался их штаб. Никто из ребят даже не возразил.

Игорек тщетно пытался вылезти из ямы, ма-терясь на чем свет стоит, обещая разнести всю эту похоронную контору, а Лёлика закопать прямо сейчас и здесь живьем. Лёлик посмотрел на него с победным безразличием и, закинув лопату на плечо, двинулся следом за командой. Даже насвистывать зачем-то начал. А, может, не за командой, за своей? Псы же все-таки? А эти пусть сами оградку вкапывают. Хоть руками.

В балке молча выпили по стакану. Иван Степанович, взглянув на Меркушева только вздохнул: чего уж теперь. Только Микрун вслух разрядил ситуацию:

— Ну вот, две поллитры мимо горла и четвертной мимо кармана...

— А я бы еще и сам заплатил, чтоб этому мордорылому по лбу дать, — рыкнул Бахрушин. — Я слышал, что он там Лехе шептал.

Дома Меркушев жене ничего не рассказал. Как обычно, принял душ, поужинал, проверил уроки дочек и устроился у телевизора. Он не сказал ничего, но Марина все же рассмотрела в нем что-то странное. Села рядом, но долго не знала, как и о чем спросить. Наконец собралась:

— У тебя ничего не случилось? Трудные похороны?

— Трудные... Девчонку молодую хоронили... Как живая в гробу... Уж, кажется, сколько я таких перевидал... Вроде и привык уже, а все равно... — и не договорил.

Жена понимающе вздохнула. Помолчала, обдумывая услышанное.

— Лёлик, может, тебе оставить эту работу? — осторожно спросила, знала, что вопрос этот болезненный, боялась обидеть.

— Другой-то ведь нету, да и к нам — очередь. Скоро по конкурсу принимать будут.

И все... Поговорили. Дальше жизнь снова потекла, просеиваясь через комья коричневатой земли.

Но какое-то неприятное чувство, холодок в душе остались. Вспоминалось, правда, лицо Юленьки, но не в гробу, а живое, а вот квадратную морду Игорька Меркушев вспомнить не мог. Ничего, кроме ежика волос на макушке и массивных челюстей, производящих угрозы. Глаз у него словно и не было.

Летом вдруг началась зима, в июне сначала выпал снег настоящий, а уже через десять дней полетел

над городом тополиный пух. И если снегом пух не назовешь, но то, что из него получалось на городских улицах, очень походило на сугробы. Но сугробы эти из-за баловства мальчишек то тут, то там вспыхивали разбегающимися во все стороны огненными ручейками, доставляя нешуточные хлопоты пожарным.

А вот на кладбище, где гудел свою поминальную песню сосновый бор, было все так же тихо и спокойно. Еще с Радоницы аллеи и все закуточки были прибраны, мусор вывезен или сожжен, а похоронных оркестров здесь никто уже и не помнил. Немногих еще хоронили по-христиански, но и от пресных гражданских панихид тоже отказались. Да и нечем было платить заунывно фальшивящим пьяным трубачам. Этой музыки Лёлик с детства не выносил. Лучше железом по стеклу! Да и то сказать: жмуру все равно, а как только начинал звучать траурный марш, родственники переходили на истеричный рев, отчего смерть казалась самым страшным явлением в этой жизни и хотелось читать фантастические рассказы, где ученые разработали и пустили в производство эликсир бессмертия. Или инопланетяне им поделились с земными братьями по разуму. Это уж потом Лёлик понял, что смерть — это не самое страшное, что может случиться с человеком, но музыке похоронную ненавидел еще больше.

На сороковой день, как и положено, родственники и близкие Юленьки появились на кладбище. Кладбищенские псы, будто по команде, забились в свою конуру. Иван Степанович заметно нервничал, опасаясь, видимо, новых инцидентов. Даже глаза разъедало от его бессменной омской «Примы». Но зря волновался.

В балок вошел неказистый мужичок, ломая в руках старорежимную шляпу. По виду — из бывших совслужащих. Некоторое время мялся на пороге. Его словно не замечали. Так в бригаде положено. От этого цена услуг возрастает.

— Мужики, вы извините, — несмело начал он, — мы тогда не правы были, погорячились... — И все поняли, что речь идет о той самой Юле. — Парень этот — он вроде как ее парень. Он и не в себе был, Игорьь-то, да и живет он по правилам, по которым вся эта нынешняя братва живет. В общем, не сердчайте...

И уж совсем смял свою шляпу. Исподлобья пытался заглянуть мужикам в глаза, увидеть их реакцию. Но реакции никакой не было, мужикам было все равно.

— Так я вот что, я по делу. Времянку заменить надо и оградку покрасить...

— С этого и надо начинать, — рассудительно вздохнул Иван Степанович, наконец, затушив свою сигарету.

— Нет! — вздыбился Микрун. — Начинать надо не с этого!..

— Понял! — оживился мужик и тут же юркнул обратно в дверь, но уже через пару секунд снова стоял на пороге с авоськой, в которой призывно позвякивало. — Меня Леонид Семенович зовут...

Стало ясно, что он пришел сюда, заранее подготовленный к благоприятному повороту событий. Микрун просветлел:

— Вот это деловой подход, осталось договориться о бумажной сатисфакции.

Откуда только слово такое выкопал.

— Как скажете, мужики, — заранее согласился на все условия Леонид Семенович.

— А скажем мы так... — Иван Степанович отвел заказчика в сторонку, словно стоимость услуг была для остальных тайной. Но сделал он это исходя из тех же неписаных правил.

Памятник с помощью автокрана, нанятого Леонидом Семеновичем, установили быстро. Огромный гранитный монумент с изображением Юлечки, как небоскреб, поднялся среди скромных деревянных крестов. Не на ту улицу встал этот последний дом. Потом ушли в балок, ожидая, когда закончат поминать, уж потом решили красить оградку. И с непривычно массивной чугунной оградкой, больше похожей на забор какого-нибудь административного здания, провозились неожиданно долго, слишком много было на ней витого литья.

На закате сидели в балке, расписывая работу на завтра. Услышали, как скрипнули тормоза автомобиля, но не обратили внимания. Только Микрун и прислушался: вдруг еще что-нибудь обломится.

Обломилась тишина, и в железную дверь вагончика вместе со звуком близкого выстрела ударила картечь.

— Ой-йо... — прокомментировал Иван Степанович. — Никак рэкет пожаловал. Так они вроде все уже в городе решили. В конторе.

Действительно, вокруг прибыльной фирмы «Бюриус» (бюро ритуальных услуг) очень долго велась война за крышевание, но работяг она никак не касалась. Напротив, братва всех бригад относилась к ним с должным уважением, особенно к кладбищенским псам. Потому как каждый из них в любой момент мог стать продолжением так называемой «аллеи героев», где стояли вычурные памятники авторитетов, а на некоторых кроме имен были нанесены даже клички. И почти на каждом — претендующая на звание крылатого выражения эпитафия. Единственное, что отказались делать кладбищенские псы для братвы всех калибров, — хоронить «без вести пропавших». Да те и не настаивали. С разного рода общаков даже выделялись специальные суммы на то, чтобы на этой аллее

всегда был образцовый порядок. И эта улица мертвого города была единственным местом, где они не стреляли друг в друга. Ни живые, ни тем более мертвые...

Дверь открыли пинком. На пороге стоял огромный детина в кожаном плаще с помповым ружьем наперевес. Словно только что сбежал из боевика. А вот за его широкой спиной маячил экземпляр поменьше, хотя и не менее свирепого вида, в котором мужики узнали побывавшего в могиле Игорька.

— Который, б...? — спросил «плащ», осматривая пустыми от ненависти глазами претендентов на заряд картечи.

— Да вон, в хэбэ, — показал Игорек, и в глазах его тоже полыхнули безумные искры.

Сразу стало ясно, что в крови у них гуляет изрядная доза какого-либо наркотического вещества, на свой страх и риск перемешанного с алкоголем.

Лёлик не испугался. Просто не успел. Под ноги ему лег густой плевок картечи. Чудо, что рикошетом никого не задело.

— Пшел!

Этак даже не все помещики с крепостными общались.

Этим «пшел» «плащ» снял Лёлика с предохранителя. Смерти он не боялся, но принимать ее из рук такого омерзительного существа!.. В этот раз его действия были осознанны и четко выверены, ибо малейшая ошибка в движениях могла стоить жизни не только ему, но и его товарищам, которые, надо отдать им должное, труса не праздновали, а смотрели на явление сумасшедших мстителей со спокойной ненавистью. Каждый из них уже проработывал собственный план избавления от этих уродов, даже, наверное, могилку наскоро в уме вырыл, но Лёлик опередил всех.

Вместе с броском лопаты Меркушев упал на пол, и, как оказалось, не зря. Тело «плаща» уже без головы выстрелило и даже попятилось и только потом, когда ноги запутались, повалилось на бок. Ошарашенный Игорек только мгновение оценивал ситуацию, а потом бросился к стоявшей поодаль иномарке. Лёлик за это мгновение прокрутил в голове дальнейшее развитие событий с продолжающейся вендеттой и прочими жуткими неприятностями, и решил, что ни он, ни его семья, ни вся их бригада не заслуживают этого. Через несколько секунд его лопата догнала беглеца.

Потом он вернулся к столу, на котором лежала пачка пресловутой «Примы», и в первый раз в жизни закурил, присев на лавку. Первым опомнился Микрун и еще раз удивил окружающих своими неожиданными познаниями.

— Ты, Леха, это... ты — Майн Рид! — определил он.

— Ты не в спецназе служил? — спросил Иван Степанович.

— В стройбате...

Совещание по поводу отдания соответствующих почестей погибшим было кратким. Решили вырыть им братскую ямку недалеко от «аллеи героев». Перед этим внимательно осмотрелись — посторонних глаз не было. Машину Бахрушин взялся отогнать подальше и там сжечь. О милиции никто даже не вспомнил, потому что никто из них не хотел продолжения всей этой истории. Лучше уж быть соучастником превышения самообороны. Микроавтобус, приезжавший ежедневно за ними из «Бюриуса», отправили, сославшись на срочную шашку. Закончили со всем этим уже в полной темноте, но еще долго не хотели расходиться. Просто молча сидели в балке или проносили ничего не значащие в таких случаях фразы. Потом кто-то первый вспомнил, что дома вроде как тоже ждут. Выпили по стакану водки. Не от стресса, а чтобы оправдать свою задержку перед домашними. Даже профсоюзное собрание придумали, на котором Микруна в шутку выдвинули лидером. И разошлись.

Когда Лёлик вернулся домой, Марина и дети уже спали. Он принял душ и, не поужинав, тоже лег. Утром его разбудила жена.

— Алеша, что с тобой? — в первый раз за долгие годы она назвала его по имени.

Лёлик не открыл глаза и не ответил, потому что сам не знал, что с ним. Кошмары ночью не снились, спал, как убитый, нигде не болит...

— Лёлик, ты слышишь меня?! Ты седой!

— Ладно хоть не рыжий, — попытался отшутиться он, но, когда открыл глаза, понял, что серьезного разговора с женой не избежать.

— Ты что, опять страшную смерть видел?

— Свою...

Пока Меркушев рассказывал, Марина плакала. Он прижал ее к себе и даже убаюкивать начал, а она то и дело навзрыд причитала:

— Ты все правильно сделал, Лёлик... У тебя другого выхода не было...

— Да любой решит, что правильно, — согласился Лёлик. — Не я их, так они меня. Отпусти я второго, он бы не унялся. Так что все правильно, только вот все мы неправильные стали. И те, что приходили, и я...

На немой вопрос в заплаканных глазах жены он ответил, уже собираясь на работу:

— Богоискательства в нас нет... — и тут же подумал, имеет ли он право рассуждать об этом после всего, что с ним произошло. Замер и сам себя спросил вслух: — Странно, совесть не мучает, и страха никакого нет. Это от беспредела нашего нынешнего. Я вот все думаю — ради чего мы живем? Особенно сейчас... Что с Россией-то случилось? — Вздохнул горько. — Может, в милицию пойти? Пусть судят?

— Пусть Он судит...

Петр ПУСТОВАЛОВ

Петр Семенович Пустовалов — преподаватель русского языка и литературы с шестидесятилетним стажем (МГПИ им. Ленина, Полиграфический институт, московские школы), кандидат педагогических наук, доцент, методист. Отличник народного образования СССР, отличник народного просвещения РСФСР.

Автор более пятидесяти литературных статей, восьми учебных пособий для вузов, школ и техникумов. Его работы публиковались в ГДР и Польше. Под руководством П. С. Пустовалова защищено восемь кандидатских диссертаций.

От редакции

Дорогие друзья, по вашим многочисленным просьбам открываем рубрику о русском языке. Если в школах его окончательно уберут из программы, то понять, на каком же наречии мы все-таки общаемся, можно будет, заглянув в журнал «Юность». Название рубрики грустное, но не безнадежное. Ведь у ве-

ликого Фета в этом же стихотворении дан знак — на кого можно и нужно опереться: «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук / Хватает на лету и закрепляет вдруг / И темный бред души, и трав неясный запах...» Именно поэт — творец и хранитель языка! Так давайте вместе знать и лелеять поэтическое Слово!

УЧИТЬСЯ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К СЕБЕ...

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...*

А. Ахматова

Сейчас разговор о русском языке — большой и тревожный для каждого, кто озабочен его судьбой. На наш взгляд, будет не лишним напомнить читателю о том, что почти два столетия назад А. С. Шишков, полемизируя с молодыми поэтами, группировавшимися вокруг общества «Арзамас», говорил им: «Язык наш превосходен, богат, громок, силен, глубокомысленен. Надлежит только познать цену ему, вникнуть в состав и силу слов...»

К сожалению, чистая русская речь становится редкостью на телевидении, на страницах газет, в публичных выступлениях. Примечателен следующий факт — в резолюции XI Всемирного русского народного собора («Язык — словесное выражение народа») специально подчеркивается: «Мы ответственно свидетельствуем, что невежество, пошлость, язы-

ковое и духовное бескультурье стало тревожной и прискорбной реальностью нашего времени. Особенную опасность представляет тотальное внедрение в нашу речь грубой брани, ненормативной лексики, или проще — матерщины. Самый дурной тон в отношении русского языка задают сегодня деятели нашего искусства, литераторы и актеры. Прimitивный уровень языка, очевидно, поддерживается либеральной мыслью, захватившей сферу массовой информации».

Возможно возражение: интерес к проблемам родного языка, к его нормам был всегда. Тем не менее позволим себе еще раз утверждать: именно в последнее время он заметно обострился, о проблемах языка заговорили не только ученые-лингвисты, но и люди с большим жизненным опытом, учителя

средних школ, студенты и даже школьники. К счастью, в обществе крепнет убеждение, что падение культуры речи, открытое замусоривание языка напрямую связано с падением культуры в стране, с напористым внедрением в сознание людей, особенно молодежи, так называемых западных «ценностей», подменяющих подлинные национальные произведения литературы и искусства модными «новаторскими» поделками, выдаваемыми их «творцами» за новое, новаторское прочтение классики. На наш взгляд, им не мешало бы прислушаться к мнению известного современного лингвиста В. Г. Костомарова («Жизнь языка», М., 1994): «Сколько сил, ума, труда вложено в каждый род! В русскую славу, в русский язык! Есть что беречь, есть чем гордиться! Родина — она в нас. Мы — наследники исторических ценностей, всего, что создано предками, и прежде всего русского языка. Он не в музее, не на бархате. Живой, как жизнь, он хранит историю, меняясь. <...> Культура страны — это отношение человека к человеку, участие в общей жизни, обычаи ежедневного быта и — последнее по перечислению, но не по значению — забота, ревнительство о языке. Культурное общество внимательно к своей языковой жизни, в нем престижны лингвистические знания. Увы, мы часто безответственно относимся к слову. Призываем к культуре речи, а на деле безразличны к ней». И еще одна его мысль, о которой нам вряд ли нужно забывать: «...язык требует внимания, ласки, заботы, любви. Он мстит тем, кто про него забывает, кто его как бы не замечает, кто о нем не думает. Ведь мало думать на языке, совершенно необходимо и думать о языке!»

Читая статьи в центральных газетах, вслушиваясь в речь выступающих по телевидению политиков, депутатов Государственной Думы, убеждаешься, что многим из них явно не хватает вдумчивой, осмысленной оценки значения слова, серьезной мотивированности его употребления в определенном контексте. Вместо этого журналисты используют то, что лежит «на поверхности» словарного запаса, не задумываясь над многозначностью слов, их способностью передавать наиболее точно самые разные грани понятия, о котором они начинают говорить или писать. Именно поэтому, просматривая газетные статьи или слушая выступления по радио и телевидению, постоянно сталкиваешься с употреблением слова без учета его семантики, принадлежности его к определенному стилю речи, с нарушением лексической сочетаемости слов, с немотивированным соединением лексически несовместимых средств языка в рамках одного стиля. Приходится неоднократно писать об этом еще и потому, что эти работы журналистов, публицистов, государственных деятелей

обращены в наше время к огромной аудитории читателей и слушателей. Сама профессия обязывает их всегда помнить о том, что слово — основа для понимания речи, а ее неясность, по словам Л. Н. Толстого, — неизменный признак неясности мысли.

Ясно, что поиск нужного слова — всегда процесс трудоемкий, он требует от пишущего не только специальных знаний по той проблеме, о которой он пишет или собирается писать, но и глубины в осмыслении законов и норм русского языка. К сожалению, последнего как раз и не хватает многим журналистам, политикам и, как ни странно, деятелям искусства. Иначе чем можно объяснить ставшее массовым неумение различать семантику глаголов «одевать» и «надевать»? Мы не хотим становиться в позу ментора-всезнайки, однако напомним, что в русском языке глагол всегда цементирует словосочетание, предложение в целом, он управляет зависимыми от него словами, поэтому если мы говорим «надеть», то это значит «покрыть себя или кого-нибудь одеждой» (надеть пальто, шапку, сапоги), а если «одеть», то значение совсем другое: «покрыть кого-нибудь одеждой» (одеть ребенка). Вдумчивый журналист, заглянув в «Словарь...» С. И. Ожегова, обязательно обратил бы внимание на предостережение ученого: «Не смешивать с “надеть что на кого-то”».

Почти уверен, что найдутся среди читателей те, кто посчитает наши наблюдения и выводы незначительными, не заслуживающими серьезного внимания. Проработав с молодежью не один десяток лет, я неоднократно отвечал на обращенный ко мне вопрос: «А нужны ли сейчас нормы в языке? Ведь главное в общении — понимать говорящего, разбираться в написанном или прочитанном...» Приходилось приводить им замечательные слова святителя Луки (он же — гениальный хирург Войно-Ясенецкий, спасший в годы войны тысячи человеческих жизней), сказанные им еще в 1945 году: «Надо знать, что сила слова человеческого огромна. Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда составляет глубокий, неизгладимый след, оно живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия...» Выделим из этого высказывания следующее: «Ни одно слово... не теряется в пространстве... оно живет среди нас...» Проследим за жизнью некоторых слов, которые внедряются сейчас в наш активный словарь.

Примерно чуть больше года назад премьер-министр, встречаясь с представителями неформальных молодежных организаций на озере Селигер, высказал свое отношение к проводимой ими работе: «От некоторых мероприятий я получил опре-

деленный драйв». Из контекста видим: премьер-министр получил определенное удовольствие. Молодой участник вокального ансамбля на вопрос журналистки канала «Подмосковье», как он себя чувствует перед выходом на сцену, пояснил: «Волнуюсь, страшновато. Это всегда драйв». Здесь уже этим словом передается ощущение тревоги, страха перед выступлением. А летом этого года канал ДТВ (теперь «Перец») призывает: «Вслед за передачей “Дорожные войны” смотрите драйвовое кино!» Заметим: уже появился несуразный неологизм «драйвовый» со значением «исключительный, из ряда вон выходящий». Понятно, что очень трудно объяснить читателю, слушателю (да и понимает ли он?), почему самые разные понятия, для которых в родном языке столько слов, вдруг ни с того ни с сего называют английским словом «драйв». (О заимствованиях в русском языке мы поговорим, надеюсь, в специальной статье.)

Невольно приходят на ум слова профессора В. Г. Костомарова о том, что «чужачества в языке не прекращаются», напротив, они становятся «языку все милей», как в известной поговорке: чем чудней, тем милей!

Только этим я объясняю появление в газетах следующих словесных перлов: «...шлифануть ремесло можно и за рубежом» («МК», 17.10); «Ну все, нас сфоткали» («КП», 05.11); «А говоря попроще — заруба была нешуточной» («МК», 17.10); «Власть (и тюрьма) вырастила из него настоящего мужчинского мужчину» («МК», 14.10); «А у Путина, Медведева и т. п. этот игроцкий инстинкт, кажется, атрофирован» (там же); «Приходится принимать на работу переучек» («КП», 17.10); «Эти самые баннеры сначала разрешаются милицией к проносу и развесу» («МК», 17.10); «Я бы хотел, чтобы пришел человек (Марк Захаров говорит о “наследнике” после возможного его ухода из театра), который вызывал бы у меня ошаление, как стихи Хлебникова» («КП», 10.11).

Наблюдается в последнее время и появление в речи политологов, общественных деятелей уродливых неологизмов-однодневок: «Вот эта ельцинизация мне уже решительно не нравится» («МК», 03.11); «То, что принято называть... путиномикой, с таким же успехом можно считать кудриномикой и наоборот» («МК», 14.10); «Путин легко мог бы оседлать этот убойный патриотизм» («МК», 09.11); «Вот пришел режиссер (Смирнов) и показал хай-класс» («МК», 03.11); «Впрочем, не будем излишне драматизировать и трагедизировать» («МК», 21.10).

Читатель может спросить нас, почему в статье так много примеров? Ответим: мы хотим показать, что засорение, а скорее замусоривание, нашего язы-

ка, одного из богатейших языков мира, принимает угрожающий характер. По словам Захара Прилепина, известного современного прозаика, «через двадцать пять — тридцать лет мы крикнем слово на русском языке и не услышим эха на русском же».

На наш взгляд, многие статьи вовсе не требуют серьезного языкового анализа, чтобы сделать неутешительный вывод: вероятнее всего, их авторы давненько не заглядывали в академическую грамматику, не держат под рукой толковые словари, словари синонимов и т. д. Только этим и можно объяснить следующую «языковую находку»: председательствующий на «Суде присяжных» (передача регулярно выходит на канале НТВ), обращаясь к присяжным, просит сообщить, готово ли у них решение по рассматриваемому в суде делу. Получив утвердительный ответ, просит их «провозгласить принятое ими решение». Опять обратимся к «Словарю...»: провозгласить — «торжественно объявить, произнести». Сразу видим неуместность данного глагола в этой ситуации. Смотрим по «Словарю...» далее: огласить — «прочитать вслух для всеобщего сведения, объявить (офиц.)». Вот тот глагол, который должен быть центральным в этой фразе.

Наши наблюдения над речью, безусловно, будут неполными, если мы не коснемся еще одного потока, из которого обильно текут в нашу речь слова-уродцы, жаргонизмы и т. п. Профессор ПГУ (г. Архангельск) Елена Галимова задает читателям вопрос: «Что же происходит с нашим языком сейчас?» И отвечает на него: «Сейчас следует говорить о тотальной жаргонизации языка, ибо именно жаргон правит свой мерзкий бал в речи большинства представителей всех слоев общества». Сегодня студенты и школьники, а также политики, общественные деятели, бизнесмены и поп-звезды, шоумены и «модные» писатели изъясняются преимущественно с помощью блатной лексики. Может, некоторым мнение Е. Галимовой покажется излишне категоричным, но мы соглашаемся с ним и постараемся подтвердить это целым рядом примеров, взятых из газет последних одного-двух месяцев, из выступлений по радио, телевидению. В их число мы не включаем так называемый молодежный сленг («чувак», «чувиха», «братан», «вау», «клево», «потрясно» и другие), так как он порожден возрастом, средой, следованием «моде» и т. п. А вот другие примеры, приводимые нами, серьезно настораживают: «Лидеры государств дружно крутанули вентиль...» (о запуске газопровода «Северный поток», «МК», 12.10); «Да, она могла превысить свои должностные полномочия и вообще накосячить в самых разных делах»; «Она не Ходорковский, которого можно чморить в тюрьме» («МК», 12.10); «...устный треп — это одно, а официальное соглашение

надо будет еще и восполнять» («КП», 14.10); «Когда Навальный наезжает на партию жуликов и воров, от него прет такой драйв» («МК», 09.11); «Пусть скажет спасибо, что я на нее заяву не накатал» (ст. «Психически неформальная», «МК», 09.11); «Музыканты стали ездить по концертам в поддержку политиков и молотить деньги» («МК», 09.11); «Если очевидно, что человек не волокет, не надо ждать» (Олег Табаков на заседании правления ЦДА, «КП», 10.11); «Молодые не скрывают, что идут в чиновники, чтобы срубить. А те, кто уже там, не откровенничают, срубают» («КП», 10.11). Нет смысла продолжать. Речь, по-моему, должна идти о другом: может ли сейчас каждый из нас повлиять на такое состояние языка? К сожалению, в ходе дискуссий о языке начинает преобладать довольно безапелляционное утверждение о том, что язык — это стихия, влиять на него невозможно и бесполезно, остается лишь фиксировать это состояние. Мол, язык в ходе эволюции сам справится с наплывшим в него «мусором» и даже впоследствии то, что сейчас отвергается носителями языка (вульгаризмы, жаргонизмы, матерщина и т. п.), войдет в состав нормированного русского языка. Поэтому, дескать, сегодня невозможно стать современным писателем, журналистом, публицистом, театральным режиссером, не используя жаргонизмы, нецензурную лексику и даже матерщину («мат — неотъемлемая часть нашего языка»).

Второго ноября на 5-м канале в «Открытой студии» (ведущая Н. Стрижак) прошла дискуссия на тему «Что нужно делать с русским языком?». Обсуждение важнейшей для страны проблемы свелось к поверхностным, субъективным оценкам: норму в языке сейчас формулирует для себя сам говорящий (что изменится, если мы не будем склонять существительные «Москва-река», «Пулково», «Стро-

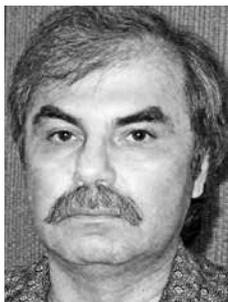
гино», что слово «кофе» у большинства среднего рода, а неологизм «волнительно» через несколько лет войдет в состав лексики литературного языка...). Правда, участники дискуссии признали, что публичные люди несут особую ответственность за судьбы языка. Посмеялись над фразой «мы не лица, мы депутаты» — и все: ни выводов, ни предложений...

В качестве своеобразного заключения к статье мне хочется привести несколько фрагментов из письма бывшего ученика, который в 1979 году, после окончания УДН, эмигрировал в ФРГ и в России больше не был. Он врач, работал в Дюссельдорфе, сейчас (письмо я получил в 2009 году) — в Вене: «У меня много русскоговорящих пациентов, как постоянно живущих здесь, так и приезжих из России, Украины. Это я к тому, что у них, особенно у постперестроечных, такой ужасный русский язык, что меня от него просто коробит. Чуть ли не через слово — “блин” (господи, да выругайся ты по-человечески, если уж тебе так матерщины не хватает!), для описания чего-нибудь прибегают к слову “типа” (“типа болит в низу живота”). Это что? Нормальный теперь русский язык? “Растаможить”, “проплатить”, “прозвонить”, “скинуть на факс”, “сфоткаться”, “зачистка” и пр. и пр. Это язык взрослых людей или обезьян? А слово “озвучить”? Во всех газетах “чиновник такой-то озвучил перед собравшимися” то-то и то-то... А ставшее типичным “слушание будет проходить в закрытом режиме”? Я всегда был уверен, что этот самый режим больше подходит, скажем, к режиму в энской ИТК. Короче, что-то лагерно-тюремное здесь налицо... Каково вам, когда вы выходите на улицу и слышите вокруг эту лагерно-кабацкую, вовано-коляновскую речь?»

Обидно читать это, но, видимо, все же лучше призадуматься...

Леонид МАЛКИН

Леонид Малкин родился в Москве в семье врачей в 1953 году. Писать стихи начал очень рано — со школьной скамьи. В советское время публиковался в некоторых московских многотиражках. В 1982 году окончил медицинский. Работал по специальности, продолжая писать стихи. В 2000 году начал публиковаться в Интернете и сразу же стал дипломантом поэтического конкурса национального сервера русской поэзии www.liter.ru.

В 2000 году, сознавая необходимость развития концепции «литературной справедливости», создал сетевой литературно-поэтический журнал www.poezia.ru и по сей день является бессменным руководителем проекта.

Был членом жюри многих литературных конкурсов: православной поэзии, Волошинского конкурса...

Член оргкомитета 2-го Съезда руководителей литературных журналов в Липках (2003).

В 2007 году награжден специальным дипломом Дома-музея М. А. Волошина в Коктебеле «За активную поддержку фестиваля и Международного литературного Волошинского конкурса».

Что для меня такое — Поэзия?

Написать об этом, пожалуй, труднее, чем написать стихотворение.

Попробую. Для меня поэзия — это далеко не только стихи. Это больше, чем стихи. Поэзия — это то, что связано с моей повседневной жизнью: это способ сосуществования с самим собой... Чем бы я ни занимался в своей жизни, поэзия всегда маячила где-то рядом, подсказывая совести, что нужно делать. Стихотворчество часто мешало просто жить и наслаждаться жизнью, но открывало совершен-

но неведомые пределы сознания: то, что казалось не ясно и не понятно с первого взгляда, обретало четкие очертания и кристальную чистоту на бумаге, но и задавало не меньше вопросов. И с этой точки зрения для меня поэзия в большей степени — наука, наука жить.

«Живи — как пишешь, пиши — как живешь», — писал К. Батюшков.

Это и для меня главное правило Поэзии.

Леонид Малкин

* * *

Мелкий дождь по стеклу.
Бездорожье. Весна.
И летящие мимо перроны,
где в подлесках бедует и стонет она
по-осиньи да по-вороньи.
Я люблю этот зычный гортанный мотив,

тот, который без мелочных бредней,
я готов умереть — так бессмертно красив
грубый вид полосы этой средней,
где нет силы и права на горсточку слов,
где толмач-забулдыга с востока
мне напомнит уроки семитских основ
самопально, угрюмо, жестоко.
Потому и ответу ему не попад,
что глаза и душа близоруки...
Если где-то живет мой единственный брат,
он за тридцать царств, на излуке...
Там и стану я с ним говорить, чаевать.
Берендейское счастье не вечно.
Заскрипит ли уключина, скрипнет ли гать,
затрещит ли кузнечик запечный —
все пойму, все приму, ничего не кляня,
до последней травинки болотца.
Слышно, кто-то чужой погоняет коня
и бездумно клянёт инородца...

* * *

Как выстрел в тишине — откроет время створки.
Мой крохотный брежет надежней резака.
А за балконом март — как цезарь птичьих оргий.
И птицы и капель застынут на века.

Истает нейзильбер на крышах и перилах,
исчезнет крепкий сон под гнетом воронья.
— Какой же славный март, — ты, помнишь, говорила.
— Какой же подлый март, — шептала полынья.

Ей вторили кусты и гейзеры обочин,
разбитое шоссе и грязные столбы,
но трепетала жизнь под коркой черных почек,
чтоб обрести судьбу и сгинуть от судьбы...

Любовь еще жила. Бродячая, меж истин,
испытывая нас, брела по вешним дням,
а на окне герань... цвела, роняя листья.
О, этот гордый цвет на фоне ветхих рам!

Мы с нею заодно в привычном застеколье
весенней кутерьмой застигнуты врасплох.
Расписан небосвод, а с ним и наши роли,
где каждый жест ветвей сопровождает вздох...

И каждая строка подчинена бесстрастно
неисчислимым дням, где блеск и благодать
нам больше не нужны... где все еще прекрасны
немытое окно и старая кровать...

* * *

Я жил когда-то в ветхом доме,
Где за окном, клубясь, листва
Шептала в ливневой истоме
Давно забытые слова.

Где неизбежностью мистерий
Дышали сны и сквозняки,
Но преданность хранили двери
Извиву маленькой руки.

И где безжалостно редели
Друзья, прически и мечты:
Акации по две недели
Роняли узкие листы.

И от причуд метаморфозы
Тянуло прелью и виной,
А там уж первые морозы
Стучали веткой ледяной

По крыше старенького дома,
Где, оступаясь, листопад
Слетал с небес подобьем грома
И осторожно падал в сад,

Где от промозглого ненастья
В охапках мокрой лебеды
Таились грозные следы
Дней покаянных, слез и страсти...

Где посреди лесной дороги,
Там, где не видно больше лиц,
Я не забыл ни храм убогий,
Ни стаи запоздалых птиц,

Кружащих слепо над осенним,
Опавшим в ночь березняком,
Дорогу, мягкие колени
И грузовик порожняком...

* * *

На перекрестке трех дорог,
которым нынче нет названий,
стоит мой старенький чертог
еще под крышей, но без ставен.

Не стекла треснули — зрачки
оконных потаенных взоров.
Тряпья надежд сжигаю ворох
я там беспамятный почти.

И обжигаюсь их огнем,
скуля щенком, забытым богом,
там, за невидимым порогом,
ищу затерянный проем...

Перебирая пыльных стен
лишь мне доверенные знаки,
снимаю сердцем злую накипь
уже обуглившихся тем.

И, не испытывая боли,
врачую жар календаря
быльем заснеженного поля
при тусклом свете декабря.

И не ищу примет и истин —
им несть ни места, ни числа.
Сквозь снег похрустывают листья —
еще горячая зола...

Еще тревожит белостволье
в плену отбеленных тенет,
а приглядишься — просто колья
да ветер за душу берет.

И знает только бог да нечисть,
как, неоконченные, в высь
мои стихи в печную вечность
дымком горчащим унеслись...

Осень в Косино...

До чего же красиво пишется
Этой осенью в Косино:
Будто желто-лазурная книжица
Кем-то брошена за окно.

И рассыпались на страницы,
На кленовые да ольхи,
На окраине шумной столицы
Наши горести и стихи.

Не собрать мне их по листочку!
Загляну даже в мокрую падь,
Чтобы с донца промерзшего строчки
Звонким ковшиком сердца собрать.

Не прочесть нам и недослышать
Все, что этой порой суждено.
Где-то там, над верхушками, выше
Ветры шепчутся над Косино...

Вдохновение

Неспешная июльская трава.
Так выдалось: дождливо, но отраднo.
Оно придет незримо, беспарадно,
до самого, быть может, Покрова.

А дальше — больше, светотень и краски
на землю опрокинет небосвод.
И среди ветра и болотной ряски
прижму к груди колючих слов осот...

И так мучительно, болезненно и сладко,
до бреда в горле, до сведенных рук
оно придет вдруг исподволь, украдкой —
мой чуткий враг, мой ненадежный друг.

И, кажется, до святости полшага,
и сердца не слукавит гордый бес...
Я жду его, дурманящая брага
слезы случайной душу не разъест.

Я защищен. Я думаю о Вышнем.
Лишь памяти всезнающая явь
в мои хоромы поступью неслышной
приходит и приказывает: «Правь».

На картины Питера Брейгеля-старшего
«Охотники на снегу»,
«Зимний пейзаж с ловушкой для птиц».
«Страна лентяев»,
«Неверный пастух»,
«Падение Икара»,
«Падение ангелов»
и другие

Еще не выпал снег, но божья милость
легла на чахлый лес и хмурый кряж,
как будто поднебесье превратилось
в осыпавшийся стеклами витраж.

Причудливые звонкие осколки
просыпались в ладони бурых крыш
и превратились в сны и кривотолки,
в видения и трепетный камыш...

И выпал снег, как ангел, первородный
и древний, но не знающий причин,
декабрьский, густой, чистопородный —
полотнам живописным господин.

И с брейгелевским духом среднерусье
вдруг как-то неожиданно свело
и породнило незнакомой грустью
офорта довоенного стекло...

Сюжет с ловушкой птиц — земли господней
искусный и затейливый пейзаж
и вечно сонной Фландрии походный
охоты неизбывный антураж.

И тихие заснеженные дали:
зеленых рек остуженная гладь.
Я помню, мы когда-то там бывали,
вот только в этой жизни ли, как знать...

Там дышит мир степенно и глубоко:
морозный день и дети на пруду,
а летом безмятежная сорока
на виселице в летнюю страду;

и плещется загадочное море,
напененное выдохом кистей,
и мчится по заливам аллегорий
отчаянная конница страстей;

и ангелы слетают, точно листья,
низвергнутыми монстрами во прах,
исполненные той же дивной кистью
на бледно-изумрудных небесах,

в страну слепцов, безумцев и лентяев,
трусливых пастырей и брошенных отар,
где довершает дело волчья стая
и тонет незамеченным Икар...

БОНАПАРТ В ЕГИПТЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Благодаря контр-адмиралу Перрэ осадный парк вскоре должен был увеличиться на несколько тяжелых орудий, этими же судами были доставлены боеприпасы, амуниция, провиант.

Действиями саперов руководил Каффарелли дю Фальга. Однажды ночью, поясняя свои планы, Каффарелли неосторожно поднял руку над парашютом траншеи и получил тяжелое ранение.

Главный хирург доктор Ларрей ампутировал руку, но жизнь сорокатрехлетнего инженера, который теперь был и без руки, и без ноги, была в опасности.

Двадцать пятого апреля состояние Каффарелли значительно ухудшилось. Он лежал на свежем воздухе и говорил:

— Если при короле у нас было сто учебных заведений, дававших полное среднее образование, и четыре с половиной сотни школ, дававших его частично, то теперь мы во Франции не имеем никакого образования! При старом режиме частные школы обладали состояниями и фондами, теперь же частного образования быть не может, оно просто уничтожено, а наши государственные школы влачат жалкое существование.

Каффарелли перевел дух и попросил Бурьенна:

— Любезный Бурьенн, дайте мне воды!

Когда Бурьенн принес стакан воды, Каффарелли сделал несколько глотков, истекая потом, и продолжил свою речь:

— Что такое частное образование сейчас, когда до этого никому нет дела? Инициатива священников, которые обучают небольшие группы детей, и это просто безобразие! Когда же республика поймет, наконец, важность образования? В наших школах нет учителей, а тем, которые есть, не платят жалава-

ня. Мы не имеем ничего достойного даже в Париже, что уж говорить о провинциях! Полуразрушенные и плохо приспособленные здания школ, никаких подготовительных отделений, и каков может быть иной итог, кроме как пустующие классы? И какие родители отдадут своих чад в такие школы? Наша революция уничтожила старую школу, но кто создаст новую?

Он снова попросил пить, и Бурьенн принес свежей воды. Каффарелли сделал несколько глотков и опустил голову на сложенную вчетверо шинель.

— Я не могу слышать это спокойно, — сказал Бонапарт генералу Бертье. — У меня нарастает возмущение против этих парижских адвокатов, которые ничего не делают для общественного блага. Мы действительно провалились в какую-то яму. Я учился у достойнейших людей, но каково нынешней молодежи? Бурьенн, оставайся с ним и никуда не уходи. Я же должен идти.

— Эти так называемые центральные школы не имеют центра управления, в котором находились бы деятели, имеющие настоящую гражданскую позицию и способные составить новые учебные программы, отвечающие духу времени... Я не представляю себе...

Каффарелли замолчал. Бурьенн смотрел ему в лицо. Голова Каффарелли свесилась набок, затем он с усилием приподнял ее и сказал:

— Любезный Бурьенн, прошу вас, найдите в нашей библиотеке и прочтите мне вслух предисловие Вольтера к «Духу Законов» Монтескье.

Бурьенн принес книгу и начал читать текст, в котором говорилось о том, что монархизм и деспотизм — два родных брата, которые так схожи между собою, что их можно принять друг за друга.

Каффарелли молча слушал Бурьенна, закрыв глаза. Вдруг Бурьенн ощутил, что он читает в пустоту.

Он нашел Бонапарта и Бертье в траншее и рассказал им о просьбе Каффарелли, добавив:

— Для него это как Библия. Думаю, что дело совсем плохо.

Наполеон пошел посмотреть на Каффарелли. Тот мирно спал. Следующей ночью он ушел из жизни в полной тишине.

«Отечество потеряло в нем одного из самых славных своих защитников, общество — добродетельного гражданина, науки и искусства — отличного ученого, инженеры — начальника, исполненного знаний и способностей, солдаты — товарища по оружию, полного храбрости и деятельности, опытность — одного из лучших своих генералов», — сказал Александр Бертье во время короткой траурной церемонии.

Генерал Каффарелли был похоронен в Сен-Жан-д'Акре¹.

Наполеон едва не лишился еще одного своего любимца — Гаспара Монжа, который разделял все опасности кампании. Монж посещал больничную палату вместе с Деженеттом и заболел дизентерией. Он бредил, охваченный лихорадкой.

Наполеон передвинул походную кровать Монжа в свою палатку и внимательно наблюдал за процессом лечения. В одну из холодных ночей он накрыл Монжа собственными одеялами. Генерал был уверен, что ученый спит. Но Монж не спал и впоследствии вспоминал этот эпизод с восхищением и величайшей благодарностью. Он утверждал даже, что Бонапарт спас ему жизнь.

Наполеон нуждался в человеке, с кем он мог бы разделить свои самые сокровенные мысли. Он доверял их Жозефине, посылая ей письма из Италии, но она не ответила на его искренность.

Он пытался сблизиться со старшим братом и готов был следовать корсиканской традиции, то есть признавать первенство Жозефа. Но старший брат не подошел для этой роли, поскольку масштаб его личности был несопоставим с масштабом личности Наполеона.

Отец никогда не был для Бонапарта авторитетом. Наполеон не уважал его за то, что отец, будучи сторонником корсиканского лидера генерала Паоли, бросил своего вождя, едва тот потерпел неудачу. К тому же отец был плохим семьянином.

Гаспар Монж в некоторой степени заменял Наполеону покойного отца. Великий ученый и мужественный человек, он вызывал восхищение Бонапарта. Наполеон познакомился с ним в Италии, куда Монж был направлен Директорией, и с тех пор ученый и генерал практически не расставались.

Близилась развязка драматических событий. Бонапарт знал, что ключ к крепости — ее большая центральная башня. Разведчики доложили, что за башней находится открытая площадка. Далее — сады дворца Джебзара. Между ними и городскими улицами — узкая стена. Как только Наполеон узнал, что саперы подвели мину под центральную башню, он решил немедленно атаковать, даже без поддержки тяжелой артиллерии.

В девять часов утра 24 апреля мина была взорвана, но проем оказался мал. Один угол башни осыпался. Французы были уверены, что взрыв отбросил осажденных от башни и наступающие колонны непременно ворвутся в город.

Казначей Пейрюсс был свидетелем атаки, которая обещала стать решающей. Он писал матери во Францию: «Колонна гренадер немедленно пошла в наступление в направлении проема. Хотя вскоре стало очевидным, что прорваться невозможно, это не удержало гренадер, и они храбро бросились в проем. Враги оставались на вершине башни и прятались за зубчатыми стенами; они начали бросать в наших солдат камни, артиллерийские снаряды, ручные гранаты. Однако, поскольку ничто не могло отразить атаку наших полков, враги решили сбросить вниз две или три бочки пороха, воспламенение которых привело к тому, что все наши люди задохнулись в дыму взрыва, и лишь несколькими, наполовину объатым пламенем, удалось вырваться».

Несмотря на новую неудачу, Бонапарт был уверен, что возьмет Сен-Жан-д'Акр 5 или 6 мая, как он сообщил в письме в Каир. Да, он несет потери, но и силы врагов истощены. Фелиппо, дававший Джебзару ценные советы, умер от солнечного удара. Это произошло 1 мая.

На следующий день Сидней Смит писал: «Фелиппо [sic] пал жертвой служебного рвения: желание отдохнуть и постоять под лучами солнца вызвало лихорадку, от которой он умер. Наша печаль об этой потере превосходит всякую меру».

Джебзар ждал прибытия родосской армии, которое все откладывалось, и находился в мрачном расположении духа. Сидней Смит пытался вдохновить престарелого вождя, но тот больше слушал своего придворного астролога. Предсказатель бросал куриные кости, чтобы угадать намерения Бонапарта. Гадание говорило о том, что французы будут штурмовать центральную башню.

¹ Современные археологи произвели раскопки и нашли несколько могил участников сирийского похода. В одной из них лежал человек с деревянной ногой. Тело славного генерала было доставлено во Францию и перезахоронено со всеми воинскими почестями.

Осада Сен-Жан-д'Акра. Литография Мотта

Наступил пятидесятый день осады. Еще день, и прибыла французская тяжелая артиллерия. Когда ее расставляли на позиции, все были поражены неприятным сюрпризом. Франсуа Бернуайе вспоминал, как «на море появился конвой из тридцати парусных судов. Поначалу мы подумали, что это, должно быть, подкрепления, прибывающие из Франции; но наши надежды исчезли, когда мы узрели английские и турецкие флаги».

Это был флот Хасан-бея, который доставил турецкую дивизию, а также большое количество припасов для осажденного гарнизона.

Бонапарт приказал немедленно открыть огонь из всех орудий, а следующим утром провести новый штурм — до того как свежая армия янычар сможет высадиться на берег.

Французские саперы продолжили работу. Глядя вниз с высоты крепостных стен, Сидней Смит мрачно заметил, что насыпи «состояли из мешков с пе-

ском и мертвых тел, встроенных вместе с ними... по верхам кое-где виднелись штыки».

Перед рассветом французы бросились в атаку. Смит описал, как «враги захватили площадку, сделали ложемент на втором этаже северо-восточной башни, притом что верхняя часть была совершенно разрушена огнем артиллерии, и руины в траншее послужили им опорой для того, чтобы взбираться вверх. Когда стало светло, мы увидели французский штандарт на внешнем углу башни».

Коммодор понял, что «настал наиболее критический момент», и повел за собой восемьсот английских моряков и артиллерийские расчеты корабельных орудий. Они спустились со стен с единственной целью — защищать частично заблокированный проем, где находились безоружные турецкие солдаты. Смит и его люди заняли эту, возможно, последнюю позицию «с горами руин, служащими бруствером для обеих сторон...». Англичане и французы в упор

Барон Деженетт

палили друг в друга, находясь в дыму, среди завалов камней и булыжника, и никто не хотел уступать.

Когда Джеззар узнал о том, что делает Смит, он пришел в ужас. Коммодор вспоминал: «Джеззар-паша, услышав, что англичане находятся в проеме, покинул свое место, где, согласно древней турецкой традиции, он сидел, чтобы награждать тех, кто приносит ему головы врага, и собственноручно раздавать мушкетные патроны. Энергичный старик, идя за нами, силой потащил нас вниз, говоря, что если его английским друзьям будет причинен какой-либо вред, то все пропало».

Джеззар настаивал на том, что проем должны защищать его люди. Сидней Смит немедленно увел англичан, чтобы прикрывать высадку турецких войск.

Тяжелая артиллерия французов начала эффективный обстрел крепости. Смит пишет, что «каждый выстрел разрушал стены, гораздо менее прочные, чем башня». Утром открылся еще один проем в стенах, примыкающих к центральной башне. Казалось, еще немного, и Бонапарт достигнет своей цели.

После полудня Смит поднялся на стену и осмотрел позиции врага в телескоп. Он заметил, что «группы генералов и адъютантов... собирались на [холме напротив]. Бонапарт был различим в центре полукруга; его жесты свидетельствовали о возобновлении атаки, а посылка адъютанта в лагерь говорила о том, что он ожидает подкрепления».

Оценка Смита была верна — перед заходом солнца французы вновь устремились к проему. Атаку возглавил неукротимый Ланн.

Осажденные приготовили сюрприз. «Идея Джеззар-паши, — сообщает Сидней Смит, — заключалась в том, чтобы не защищать внешнюю сторону, позволить определенному числу врагов проникнуть внутрь, а затем запереть их по турецкому методу ведения войны. [Французская] колонна спокойно во-

шла в проем и спустилась с крепостного вала в сад паши, где через несколько минут самые храбрые и находившиеся впереди уже лежали обезглавленными; таким образом сабля вместе с кинжалом в другой руке показали себя достойными штыка».

Солдаты генерала Ланна отчаянно защищались. Они поняли, что отрезаны от своих, и возмутились тем, что никто не приходит к ним на помощь. Жан Ланн, которого Наполеон называл Ахиллом, Роландом, гигантом, повел людей вперед.

Они попали на узкие улочки города, находившиеся рядом с главной мечетью и дворцом Джеззара. Им приходилось преодолевать различные препятствия, в то время как свежие албанские полки оказывали стойкое сопротивление. Сидевшие на крышах женщины пронзительно выли, находившиеся внизу мужчины кричали.

Бертье воссоздает картину событий: «Огонь из домов, уличных баррикад, из дворца Джеззара сзади и спереди поражал ворвавшихся из проема в город, и они начали отходить, поскольку не могли держаться... Вся колонна, оказавшаяся внутри города, превратилась в толпу людей, пытавшихся вырваться наружу; генерал Ланн шел впереди, пытаясь развернуть отступавших и снова направить колонну вперед... Первоначальный эффект атаки через проем полностью исчез; генерал Ланн был серьезно ранен, генерал Рамбо убит... Не оставалось ничего другого, как трубить отступление, и приказ был дан».

Возник хаос, головная часть колонны была отрезана. Бернуайе описывает реакцию воинов: «Видя, что товарищи уже не идут за ними, они потеряли надежду на спасение; эти храбрые солдаты решили стоять до последнего человека. Они заняли мечеть, забаррикадировались и словно львы отражали попытки многочисленных врагов, обозленных потерями, понесенными в ходе дневной стрельбы. Видя характер боя, который должен был привести к мучительному концу, английский адмирал Сидней Смит, движимый чувствами гуманности и доброты, решил вмешаться и, не теряя времени, пришел на выручку нашим храбрым солдатам вместе с полком английских солдат. Он обратился к нашим гренадерам с предложением сдаться, в ответ обещая протекцию: они поверили ему, и этот дружелюбно настроенный офицер спас жизни двухсот человек».

Штурм не дал результата. Стрельба продолжалась двадцать четыре часа, после чего наступило затишье. Люди были настолько истощены, что уже не могли двигаться.

Сидней Смит наблюдает за высадкой свежих сил, а ближе к закату вновь взбирается на стену. С его точки зрения, ситуация кажется плохой, но это не влияет на его решимость исполнить свой долг до

конца: «Город беззащитен, согласно правилам [военного] искусства; но согласно любому другому правилу он должен быть защищен и будет защищен».

Он видит толпы аборигенов, которые разместились на склонах холмов, чтобы воочию наблюдать заключительный акт трагедии. Бонапарт еще не сделал последнего усилия и не поменял своих планов. В начале похода у него было тринадцать тысяч солдат, Сен-Жан-д'Акр осаждали девять тысяч. Французы несут потери, чума продолжает распространяться. Армия Наполеона уменьшается, главнокомандующий вынужден обеспечивать линию коммуникаций и держать гарнизоны во взятых крепостях. Врагов становится все больше, хотя чума поражает и осажденных.

Однако все может измениться: в случае победы к Бонапарту присоединятся новые сторонники. Возьми он эту крепость, история Азии, Африки, да и Европы, будет иной.

Сидней Смит отлично понимает это: «Исход конфликта влияет на мнение множества зрителей, собравшихся на окружающих холмах. Они ждут, чем дело закончится, чтобы присоединиться к победителю, и [победа Наполеона] увеличит шансы на реализацию его известных проектов; Константинополь и даже Вена должны почувствовать шок».

Коммодор не верит в собственный успех. Его записи не содержат рассуждений о том, что будет в случае поражения Наполеона. Позднее он говорит: «Может быть, мы будем побеждены, и, наверное, будем побеждены». Но даже это признание не уменьшает его мужества и решительности.

С другой стороны, французские генералы и офицеры сомневаются в том, что тактика Бонапарта безупречна.

— Внутри — турки с их средневековой армией, снаружи — мы, европейцы, с нашей современной армией, но мы используем средневековые методы, в то время как они защищаются в европейском стиле, — заметил Жюно.

Девятого мая было абсолютно тихо. Бонапарт готовил последний штурм. Во время вечерней прогулки он говорил Бурьенну:

— Я ужасно страдаю, видя, что кровь столь многих храбрых пролита без пользы. Но есть еще средства! Сен-Жан-д'Акр несомненно будет взят, и я надеюсь найти сокровища Джебзара, что позволит финансировать французскую армию, и оружие для трех тысяч человек. Я призываю к оружию всю Сирию... Я пойду на Алеппо и Дамаск. Продвигаясь по стране, я увеличу мою армию, привлекая всех недовольных. Я объявлю людям, что настал конец их рабству и тирании пашей. Я войду в Константинополь во главе многочисленных армий. Я сокрушу турецкую империю. Я стану основателем новой ве-

ликой империи на Востоке, которая впишет мое имя в историю, и, возможно, я вернусь в Париж через Адрианополь или Вену, после того как низложу Австрийский монарший дом.

В последние часы перед штурмом Сидней Смит пишет Бонапарту письмо, в котором дает понять, что ему многое известно. На одном из кораблей Хасан-бея находился молодой французский офицер-роялист, который присутствовал при захвате англичанами Жозефа Бошана, посланного Наполеоном в Константинополь с письмом великому визирю. Сидней Смит, узнав от вновь прибывшего офицера все подробности, написал письмо на французском языке и процитировал секретные инструкции, данные Бонапартом своему дипломату: «Господин генерал, поскольку ваши инструкции эmissару Бошану содержат слова “Если вас спросят, согласны ли французы покинуть Египет” и вашу рекомендацию дать ответ “Почему бы нет”... я не хотел задавать вам вопрос: “Хотят ли французы покинуть Сирию?” до того, как вы сделаете попытку приготовить свои войска к бою с нашими войсками, так как в отличие от меня вы не можете быть убеждены в непрактичности вашего предприятия. Но когда вы видите это место защищенным, как только оно может быть защищенным, имея все преимущества позиции, укрепления, храбрости гарнизона, который теперь не менее многочисленный, чем осаждающая армия, теперь, когда оно, как вы можете видеть, день ото дня становится все сильнее и сильнее, вместо того чтобы быть ослабленным после двух месяцев осады, я задаю вам следующий вопрос: “Не желаете ли вы эвакуировать ваши войска с Оттоманской территории до того, как прибытие великой союзной армии изменит сущность этого вопроса?”

Поверьте мне, господин генерал, единственным мотивом моего предложения является желание избежать дальнейшего кровопролития».

Этим дерзким посланием Смит наносит Бонапарту страшный удар. Наполеону сложно оценить, насколько правдивы слова Смита о прибытии новой союзной армии. Но раз турки мобилизуют войска и шлют их на помощь осажденным в крепости, то почему русские и англичане не могут сделать то же самое?

Оценивая всю сумму обстоятельств, Бонапарт все же идет на штурм. Ранее он вызвал Жана-Батиста Клебера из удаленных районов Палестины и теперь отводит ему огромную роль в предстоящем деле.

Прибыв на место, Клебер подверг публичной критике методы осады, применявшиеся Бонапартом.

— Генерал, — возмущенно говорил Клебер в присутствии штаба, — вы можете мне объяснить, поче-

мы мы атакуем одну и ту же часть крепости? Почему вы не приложили усилий к тому, чтобы сделать хотя бы пару дыр в разных местах? В этом случае мы могли бы провести комбинированную атаку! А так осажденные всегда имеют возможность подготовиться к следующему штурму.

Наполеон ответил своему подчиненному:

— Клебер, то, что вы говорите, правильно! Но мы не смогли сделать больше дыр, у нас не было тяжелых орудий!

Задетый Клебером, Бонапарт готов рисковать и собственной жизнью. Все было поставлено на карту, и невозможно согласиться с тем, что группа в несколько сот англичан с авантюристом во главе построила грандиозный план восточного похода!

— Завтра — день, который решит судьбы Азии и Европы, — заговорил Бонапарт. — Турки еле держатся, внутри города хаос, и Джебзар-паша готов бежать вместе со своими женами и сокровищами. Завтра на рассвете мы возьмем крепость. Я чувствую, что настает минута, когда я сам поведу наших солдат к новой победе.

— Генерал, вы не полезете под пули! — резко возразил Клебер.

— Нет, нет и еще раз нет! — заявил Бон. — Завтра мы одержим победу, можете не сомневаться! Она и так будет слишком дорогой для нас, но мы не хотим потерять главнокомандующего.

— Генерал, — сказал Доммартен, — у нас хватит снарядов, чтобы расшатать эту древнюю крепость и привести ее в негодное состояние.

— Генералы говорят правильно, — вступил Бертье. — По общему ощущению, мы близки к успеху, и главнокомандующему не следует рисковать жизнью на переднем крае.

— Вы, видимо, сговорились, — ответил Бонапарт. — Что же, Клебер, вы должны возглавить операцию, но сами держитесь сзади, по той же причине, по которой меня только что отговаривали от участия в штурме. Я понимаю, что это трудновыполнимый приказ, но берегите себя для Франции! Вы один из лучших наших генералов!

Рано утром 10 мая зазвучал голос Клебера, и его люди, разгоряченные бренди, устремились в проем. Генерал был впереди с саблей в руках.

— Да здравствует Франция! — закричал он зычным, могучим голосом и бросился в атаку.

Турки вновь удивили нападавших. Пропустив воинов Клебера в стеной проем, солдаты Хасан-бея ринулись в контратаку, выскочив наружу через другую, меньшую дыру. Они захватили траншею перед центральной башней и вынудили солдат дивизии генерала Бона, который по плану должен был под-

держивать Клебера, выбивать их оттуда. Генерал Бон пал в этом бою. Солдаты Клебера были вынуждены отступить и укрыться в траншеях.

Увидев, что Бон, скорее всего, убит, Бонапарт ощутил боль в животе. Его интуиция говорила о том, что гибель товарища по оружию является знаком общей неудачи.

«Он погиб в сорок лет, — думал Бонапарт, — а мне скоро будет тридцать. Что я успею за десять лет?»

Нещадно палило солнце. Французы должны были перегруппировать свои силы. Неубранные после событий предыдущих дней трупы солдат разлагались и издавали ужасные запахи. Сотни тел французов и тысячи трупов защитников Акра заполняли траншею и лежали на земле внутри крепости.

Бонапарт находился на первой батарее, глядя в телескоп, установленный на парапете траншеи. Вдруг, вспоминает Лавалетт, «пуля задела верхний парапет, главнокомандующий упал на руки генерала Бертье, и мы думали, что он мертв, но, к счастью, он не пострадал».

Лавалетт рассказывает о событиях на переднем рубеже: «Гренадеры Клебера, которые были в траншеях, начали громко требовать возобновления штурма, но Наполеон колебался, пока не был наконец убежден этими храбрыми людьми и не дал сигнал. Это был великий и ужасающий спектакль: гренадеры ринулись вперед под дождем из пушечных ядер. Генерал Клебер твердой походкой гиганта занял место на краю проема со шпагой в руке и ревел громоподобным голосом. Вид этих людей, бросающихся на врага сквозь шум и пушечный дым, пронзительные крики солдат, вой турок наполняли сердце бешеным энтузиазмом. Не было сомнений в том, что город наконец наш, но вдруг колонна остановилась».

Что же произошло в тот момент, когда победа была столь близка? Согласно Смитю, который написал об этом Нельсону, французские гренадеры «наотрез отказывались снова взбираться в проем по прогнившим телам их непогребенных товарищей, коими пожертвовали в предыдущих атаках из-за нетерпения и неоправданной спешки Бонапарта, приведших его к столь очевидным ошибкам... Казалось, он не имел иного принципа действия, кроме как гнать вперед».

Лавалетт видит события по-другому: «Наконец мы поняли, что препятствует дальнейшему наступлению наших войск. Во время перерыва между двумя атаками враги наполнили ров, расположенный на другой стороне проема, всеми видами легковоспламеняющихся материалов [включая мину] и яростным заградительным огнем скашивали всех, кто появлялся перед ними... Ров изрыгал пламя,

происходили частые взрывы материалов, которыми мина была заряжена... Они вырывались из земли и опрокидывали каждого... Клебер в великом гневе ударил шпагой по собственному бедру; но главнокомандующий, считая препятствие непреодолимым, взмахнул рукой и приказал отступить».

Клеберу не удалось добиться победы, хотя он вошел со своей дивизией внутрь крепости и некоторое время там находился, проявив лучшие качества командира.

Подключение Клебера к осаде стало «последним доводом» Бонапарта. Неудача штурма, предпринятого Клебером 10 мая при поддержке генерала Бона, получившего в тот день смертельное ранение, предрешила неудачу всей сирийской кампании.

Осада длилась еще десять дней. Стены Сен-Жанд'Акра были сильно повреждены, но не разрушены. Крепость держалась, а среди французов продолжалась эпидемия чумы. К тому же Бонапарт получил известие о новом народном восстании в Египте. Были и другие, еще более важные обстоятельства: сведения об образовании второй антифранцузской коалиции и войне в Европе.

Потеряв тысячу двести человек убитыми, две тысячи триста ранеными и больными, тысячу человек умершими от чумы, генерал принял решение снять осаду крепости. «Ход событий опроверг его расчеты», — признал Наполеон.

Сидней Смит понимал, что французы находятся в угнетенном моральном состоянии, и начал собственную пропагандистскую кампанию. Он выпустил листки, которые сбрасывались со стен и доносились ветром до французского лагеря. Эти произведения будто бы исходили от Блистательной Порты и даже содержали ссылки на официальный характер публикаций.

Он адресовал свое послание «генералам, офицерам и солдатам французской армии, которые прибыли в Египет», и начал с обвинения Директории Французской республики в «полном игнорировании прав человека» и посылке армии в Египет «в нарушение законов войны». Он предупреждал французов, что «именно в этот момент бесчисленные армии и огромные флоты уже находятся в пути через море», чтобы их атаковать.

Затем следовало предложение: «Те среди вас, любого ранга, которые желают избежать угрожающей вам опасности, должны без малейшего промедления заявить о ваших намерениях командирам сухопутных и морских сил союзных армий, которые дают гарантии безопасности того, что вы будете доставлены по морю куда пожелаете, получите паспорт, будете иметь свободный проезд и не долж-

ны бояться ничего исходящего от союзных флотов или других военных кораблей, которые встретятся на вашем пути».

Подписано: «Смит, уполномоченный министр короля Англии в Оттоманской Порте, командующий союзным флотом в Акре».

Дало ли это эффект? Сам Наполеон признал, что прокламация «определенно шокировала некоторых из [моих солдат], и я следом выпустил приказ, утверждающий, что он сумасшедший, и запрещающий любые дальнейшие контакты с ним».

Бонапарт приказал контр-адмиралу Перрэ принять меры к перевозке раненых и начал приготовления к общему отступлению. Вдруг он получил провокационное письмо от Сиднея Смита: «Генерал, я [знаю] что несколько дней назад вы решили снять осаду; ведутся приготовления к тому, чтобы перевезти ваших раненых и ничего не оставлять позади себя...»

Инсинуация состоит в том, что по правилам войны Бонапарт должен обратиться к Смиту с просьбой позволить кораблям Перрэ пришвартоваться и принять раненых на борт. Англичане при этом не должны открывать огонь.

Но дело не только в этом. Смит идет дальше и наносит еще один сокрушительный удар по самолюбию Наполеона, сравнивая свою судьбу с его судьбой. Он чувствует себя триумфатором и обращается к Бонапарту с такой речью: «Я не должен любить вас, если не сказать больше: но обстоятельства напоминают мне — следует желать того, чтобы вы поразмышляли о непостоянстве человеческих дел. Могли ли вы думать, что бедный заключенный в камере Тампля, отвергнутый вами несчастный, до которого вам не было никакого дела, но которому вы могли оказать выдающуюся услугу, поскольку вслед за этим вы стали всемогущим, — могли ли вы думать, говоря я, что этот человек станет вашим противником и вынудит вас посреди сирийских песков снять осаду маленького, почти беззащитного города. Такие события, вы должны признать, выше всех человеческих расчетов. Поверьте мне, генерал... человек, который скажет вам, что Азия — не театр вашей славы, не будет вашим врагом. Это письмо — мой маленький реванш...»

О чем он говорит? Что значит «отвергнутый вами несчастный»?

Смит был в тюрьме, когда Бонапарт вернулся из Италии, будучи на вершине славы. Неудивительно, что авантюрист и романтик написал письмо себе по добному, начеркав его на ставне своей камеры. Надежды на то, что его содержание станет известным Наполеону, были наивными и несбыточными. Но смысл письма был тот же, что и восемнадцать меся-

Иоахим Мюрат. Гравюра Боссельмана

цев спустя: «Следует признать, что колесо Фортуны делает странные круговые движения, поворот колеса должен быть полным. Сегодня ты так высоко, как только можешь быть, но я не завидую твоему счастью, поскольку имею еще большее счастье, и оно заключается в том, чтобы находиться так низко на колесе Фортуны, как я могу опуститься, поэтому как только эта капризная дама вновь повернет свое колесо, я поднимусь по той же самой причине, по которой ты упадешь».

Все так и случилось! Прочитав письмо Смита, Бонапарт был взбешен. Еще несколько дней назад он видел себя императором Востока, а теперь должен реагировать на послания бывшего пирата.

Наполеон придумал убедительную для окружающих причину своего гнева, и заявил:

— Смит имел наглость вызвать меня на дуэль! Я, главнокомандующий, мог бы принять такой вызов разве что от герцога Мальборо! Этот пират слишком много себе позволяет!

Таким образом Наполеон нашел ложный предлог, чтобы высмеять Смита. Сам коммодор всегда отрицал, что посылал вызов на дуэль, хотя, если уж на то пошло, вполне мог бы сделать это: «В то время мы были равны по рангу — он, генерал Бонапарт, главнокомандующий французской армией в Египте, и я, генерал [sic] Смит, главнокомандующий турецкой армией, так было специально установлено императором Селимом».

Бонапарт более не желал общаться со Смитом. Между тем он мог попросить коммодора обеспечить безопасный проход для французских судов, которые эвакуировали бы раненых и больных. Другой вариант — попросить Смита взять на английские суда тяжело раненых и больных французов.

Бонапарт из гордости отказался о чем-либо просить Смита, и это было трудное решение.

Безусловно, Смит согласился бы помочь. Он отстоял крепость, соперничал с Бонапартом и как полководец, и как пропагандист, а теперь мог превзойти его в благородстве.

Отдать раненых и больных на корабли британской эскадры было равносильно признанию полного поражения. Бонапарт же хотел сохранить шансы на то, чтобы представить катастрофу успехом.

Наполеон сделал выбор между гуманностью и карьерой в пользу карьеры. А контр-адмирал Перрэ боялся попасть под огонь орудий эскадры Сиднея Смита и не забрал раненых и больных соотечественников.

Среди раненых и умерших были видные лица.

Орас Сэй, командир инженерного батальона, брат известного экономиста Жана-Батиста Сэя, был ранен ядром в руку и умер после ампутации.

Жан-Мишель Вантюр де Пароди умер через месяц после того, как отредактировал и перевел на иврит «Прокламацию к еврейской нации».

Нашел свою смерть Круазье, вставший на батарею во весь свой высокий рост.

— Круазье, сойди, приказываю тебе: тут тебе нечего делать! — закричал ему Бонапарт громким, повелительным голосом.

Круазье продолжал стоять, и через минуту пуля прострелила ему правую ногу. Врачи решили не делать ампутацию конечности. В день выступления в поход юношу положили на носилки. Шестнадцать человек несли его попеременно, сменяясь по восьми. Между Газой и Эль-Аришем он скончался и был похоронен в скромной могиле.

Были ранены Ланн, Дюрок, капитан Евгений Богарне. Капитан Аррижи ди Казанова, двоюродный брат Наполеона по линии матери, был тяжело ранен пулей, которая сорвала шляпу с головы главнокомандующего и попала в рот этому молодому офицеру.

Под Наполеоном пала лошадь. Однажды в ходе осады он был засыпан землей при разрыве бомбы, и бригадиры его охраны, Домэсниль и Карбонель, находившиеся рядом с ним, закрыли его своими телами. Бомба разорвалась и легко ранила Карбонеля.

Бонапарт снял осаду Сен-Жан-д'Акра и повел армию назад в Египет. Прикрывая отход, французы сжигали деревни, сады и хлебные поля. Клебер командовал арьергардом. Он получил приказ разрушать все на своем пути, чтобы максимально затруднить туркам преследование отступающей армии.

Двадцать второго мая Бонапарт приказал разделить раненых и больных на три категории: 1) те, которые могут идти самостоятельно; 2) те, которые

способны ехать верхом; 3) те, которых нужно нести на носилках.

Лошади и вьючные животные были отданы больным и раненым. Сам Бонапарт шел пешком, и все следовали его примеру.

Двадцать четвертого мая французы достигли Яффы, где Бонапарт дал усталым людям четырехдневный отдых. В Яффе находились восемьсот больных и раненых солдат. Не было возможности взять их с собой, поскольку у армии не хватало транспортных средств. К тому же больные могли заразить здоровых.

Согласно Бурьенну, Наполеон решил сам оценить ситуацию и направился в госпиталь. «Бонапарт шел по больничным палатам быстрым шагом, слегка постукивая кнутовищем по верхней части своего сапога... Он обратился к пациентам: “Мы должны вернуться в Египет, чтобы защитить его от наших врагов, которые планируют вторжение. Через несколько часов турки будут здесь, и все, кто имеет достаточно сил для того, чтобы подняться, могут пойти с нами; их понесут на носилках или повезут на лошадях”. Там было по меньше мере шестьдесят больных чумой... их абсолютное молчание, полное истощение и общая апатия были признаками того, что их конец приближался. Взять их с нами и нести, в том состоянии, в котором они находились, было равносильно заражению остальной армии».

Наполеон предложил доктору Деженетту дать опиум тем больным чумой, которые были заведомо обречены на смерть.

— Я всегда буду склонен делать для моих солдат то, что я сделал бы для собственного сына, — сказал Бонапарт в защиту своего предложения. — Вы понимаете, на что способны варвары, которые скоро будут здесь?

— Я согласен с главнокомандующим, — сказал доктор Ларрей. — Выздоровление этих людей невозможно. Они понимают это и сами просят прекратить их страдания. Нужно пойти навстречу их пожеланиям, и это будет актом милосердия.

Доктор Деженетт отказался делать это, сославшись на клятву Гиппократу и на то, что у него просто нет опиума. Настойка опия нашлась у турецкого врача Хаджи Мустафы, который прибыл в Яффу из Константинополя, не зная при этом, что город находится в руках французов. Он приступил к делу вместе с главным французским фармацевтом Ройе. Доктор Деженетт был свидетелем того, что смертельные дозы настойки были назначены двадцати пяти пациентам, но «у нескольких это вызвало рвоту, они почувствовали облегчение, были исцелены и выжили, чтобы рассказать эту историю».

Ограничилось ли дело большими чумой? Клебер делает шифрованную запись в своей книжке, позднее прочитанную его другом и коллегой генералом Дама: «Было предложено, чтобы здоровые офицеры дали опиум пациентам, находившимся в лихорадочном состоянии, и серьезно раненым»¹.

Корабли Смита курсировали между Яффой и Дамьеттой. «Вражеские корабли спешили выйти в море без экипажей, способных ими управлять, — рассказывал Смит, — и раненые нуждались во всем необходимом, даже в воде и провизии; они направились прямо к кораблям Его Величества в полной уверенности, что получат человеческую поддержку, и не обманулись в этом... Их выражения признательности смешивались с проклятиями по адресу их генерала, который, как они говорили, оставил их умирать».

Передав на французские корабли воду и необходимую провизию, Смит направил их в Дамьетту. Однако у Наполеона все еще оставалось восемьсот больных и раненых.

Через несколько часов после того, как Бонапарт покинул Яффу, туда прибыл коммодор. Он увидел следующую сцену: «Множество непогребенных французов, лежащих на телах тех, кого они жестоко убили два месяца назад... В госпитале остались в живых семеро несчастных; они взяты под защиту, и о них позаботятся».

Христиане, поддержавшие Наполеона во время его наступательного марша, теперь боялись гнева Джемал-паши и присоединялись к армии. Толпы этих несчастных пополняли нестройные ряды сирийской армии генерала Бонапарта.

Милле вспоминал, что солдаты надеялись найти провизию в Эль-Арише, но ее оказалось очень мало. Все запасы находились под охраной и были предназначены для местного гарнизона, а также для больных и раненых, которые уже были там. Во время прохождения следующего отрезка пути, от Эль-Ариша до оазиса Катии, солдаты обходились остатками припасов, полученных ими в Газе.

Ришардо описал такую сцену: «Дивизия Клебера, которая продолжала быть арьергардом, остановилась примерно на закате. Изможденные солдаты думали, что на сегодня марш закончен, и приготовились провести ночь в этом месте, но, к их удивлению, раздались звуки барабанов, звавшие к продолжению пути. Но то ли по спонтанному чувству, то ли по предварительному сговору полки не тронулись с места, они отказались двигаться по команде, им данной, и вы могли слышать сильнейшие руга-

¹ Клебер сделал следующую запись, сокращая часть слов: «On propose aux o. d. s. d. d. l. aux f. et b. d.». Генерал Дама легко расшифровал написанное Клебером: «On propose aux officiers de santé de donner de l'opium aux fiévreux et blessés dangereusement».

тельства по адресу главнокомандующего, исходившие из всех частей. Один из помощников Клебера быстро подошел к гренадерам, которые собрались в группу, и угрожающим тоном приказал начать движение, сопровождая приказ жестикуляцией. Он был встречен штыками. Офицер побежал к Клеберу, который уже начал движение, чтобы сообщить ему о произошедшем. «Оставь их, — сказал Клебер. — Позволь им наслаждаться и ругаться, сколько хотят, — это единственный для них способ выпустить пар. Просто оставь их. Не показывай виду, что мы знаем об их бунте. Они пойдут, вот увидишь. Давайте двигаться». Мы последовали совету генерала, и немного погодя дивизия тронулась в путь».

Армия проделала кошмарный путь через Сирийскую пустыню — назад в Египет. Наполеон решил дать ей отдых в оазисе Катия.

— Стреляйте из пушек, — приказал он Доммартену, — а то солдаты потеряются в пустыне.

В Катии Бонапарт встретил генерала Мену, который целых три месяца собирался, чтобы направиться в путь с целью занять пост губернатора Палестины.

— Мену, этого поста больше нет, — сказал Бонапарт, — отправляйтесь к своей любимой Зобейде.

Бонапарт послал в Каир генерал-адъютанта Бойе с тем, чтобы тот обеспечил встречу армии. Бойе передал генералу Дюгуа приказ Наполеона: необходимо подготовиться к триумфальному вступлению армии в Каир через Ворота Побед. Солдаты должны получить новую военную форму и войти в город под звуки военных оркестров, приветствия со стороны каирского гарнизона, всех членов местного дивана и населения.

Приказ был в точности выполнен. Французы отдохнули в Катии в течение двух дней и выступили в направлении Каира. Их встретил конвой, который доставил новую военную форму. Солдаты надели форму и приделали пальмовые листья к головным уборам.

Они вступили в Каир 14 июня и прошли парадом мимо толп, которые их приветствовали. Каждая дивизия несла трофейные знамена. Сановных пленников и отбитые у турок бунчуки¹ и знамена препроводили в Каирскую цитадель.

Наполеона приветствовал диван, а шейх Эль-Бекри подарил ему юного мамелюка Рустама и прекрасного арабского жеребца черного цвета.

¹ Бунчук — один из символов власти и знаков достоинства военачальников (пашей) турецкой армии. Представлял собой древко с золоченым шаром и пучком конских волос. В зависимости от положения турецкие военачальники носили звания однобунчужного, двухбунчужного, трехбунчужного паша.

Солдаты получили трехдневный отпуск. Больные и раненые были отправлены на север, где их распределили по госпиталям береговой линии и дельты Нила, а толпы беженцев — в Дамьетту, где им было обещано по участку земли на каждую семью.

Шейхи славил победителя, но сам он лучше всех понимал простую истину: впервые в жизни генерал Бонапарт был вынужден отступить.

Через неделю после возвращения из похода в Сирию Наполеон приказал контр-адмиралу Гантому приготовить два фрегата — «Мюиرون» и «Каррер». Они должны были стоять в постоянной готовности, чтобы в случае необходимости немедленно отправиться... куда? Сомнений быть не могло — во Францию. Но никто не догадался о цели приказа, да и знали о нем немногие.

Одной из причин возвращения Наполеона из Сирии стала серия восстаний и возмущений, потрясших Египет. Первое из них было организовано турком по имени Мустафа, которого Бонапарт назначил эмиром-эль-хаджем вместо Мурад-бея. Мустафа не пошел в Сирию и отстал от армии под предлогом организации ежегодного паломничества в Мекку. Он поддерживал связи с Джеззар-пашой и в конце марта вдруг получил весть о том, что Наполеон убит в Акре, а его армия в беспорядке отступает.

Мустафа сумел собрать две тысячи бедуинов и мамелюков, но крестьяне не поддержали его, поскольку их положение при правлении французов улучшилось. Тогда вместо марша на Каир, что он поначалу планировал, Мустафа перешел к партизанской тактике. Дюгуа направил из Каира генерала Ланюсса для подавления мятежа, и Мустафа бежал в Сирию.

Другой бунт организовал магрибинец по имени Ахмед, который провозгласил себя долгожданным Мессией, Махди. Он увлек за собой толпы крестьян, которым объяснил, что его тело нематериально и французские пули будут отскакивать от него.

В конце апреля мятежники атаковали французский гарнизон Даманхура. Солдаты спрятались в мечети, и Махди благословил сожжение храма. Все французы сгорели заживо.

Генерал Ланюсс вышел из Каира и достиг Даманхура 9 мая. Повстанцы разбежались, а французские солдаты сполна отомстили за своих товарищей, убив двести или триста беглецов и разграбив город. Это привело к новым жертвам, как сообщил Ланюсс: «Даманхур более не существует, и от тысячи двухсот до тысячи пятисот его жителей были сожжены или расстреляны». Махди бежал или был убит — никто его больше не видел.

Французы страдали от недостатка денег, амуниции и продовольствия. Бонапарт сообщил Директории, что общие потери его армии достигли пяти тысяч трехсот сорока четырех человек. Он просил направить ему пятнадцать тысяч солдат и обещал, что с ними может пойти куда угодно, даже в Константинополь.

Недостаток людей вынудил Наполеона просить генерала Дюгуа пересмотреть приговоры для провинившихся французских солдат. Вместе с тем в Каирской цитадели содержалось много арабских заключенных, приговоренных к расстрелу. Чтобы экономить патроны, которых не хватало для армии, Дюгуа попросил Бонапарта заменить расстрел отрубанием головы с использованием специальной машины. Бонапарт согласился с предложением.

Глава воздухоплателей Конте и его инженеры напряженно трудились над проектом замены вооружения и военной амуниции изделиями из местных материалов. Дефицит становился все более ощутимым, и Бонапарт был вынужден обратиться к коменданту острова Реюньон в Индийском океане с просьбой послать в Египет три тысячи ружей, тысячу пятьсот пар пистолетов и тысячу сабель. При этом он будто не принимал в расчет то обстоятельство, что корабли с оружием могли стать добычей англичан.

Ученые и инженеры добились успехов в строительстве новых городских сооружений. Начал функционировать понтонный мост, связавший остров Рода и Гизу. Дополнительно был возведен мост на случай наводнений.

Жители Каира восхищались этими проектами, которые позволили многим из них получить хорошо оплачиваемую работу.

Все было сделано за короткий промежуток времени и без использования принудительного труда. Французы применяли неизвестные египтянам инструменты, которые значительно повышали производительность труда рабочих, — в частности, приспособления для резки камней и лесопилки.

Инженеры работали также над строительством оборонительных сооружений города. Наполеон приказал назвать форты именами генералов и офицеров, погибших в сражениях в Египте и Сирии.

Через две недели после возвращения армии из Сирии возобновил свои заседания Институт. Первое из этих заседаний было отмечено стычкой между Наполеоном и доктором Деженеттом, который узнал о том, что главнокомандующий обращался в правительство по медицинским вопросам. Бонапарт написал Директории: «Нам нужны восемнадцать-двадцать врачей и шестьдесят-восемьдесят хирургов; многие умирают здесь. Все болезни, распростра-

Египтянка в гареме. Из книги «Путешествия в Нижний и Верхний Египет» Доминика Вивана Денона

ненные в этой стране, должны быть изучены, так как они практически неизвестны; однако чем больше мы знаем о них, тем менее опасными они будут».

Доктор Деженетт справедливо расценил факт такого обращения проявлением пренебрежения к широким исследованиям в области офтальмии и чумы, которые он вел, и вторжением в область своей профессиональной компетенции.

— Вы должны были проконсультироваться со мной на этот счет, прежде чем писать правительству через мою голову! — заявил Деженетт.

Бонапарт предложил создать комиссию, которая должна была изучить все обстоятельства, сопровождавшие вспышку бубонной чумы, от которой пострадала сирийская армия, и не включил Деженетта в эту комиссию. Он позволил себе при этом сделать ряд саркастических замечаний о медицине в общем и медицинской профессии в особенности.

Тогда доктор Деженетт поднялся со своего места и заявил:

— Очевидно, вы хотите сделать меня козлом отпущения за то, что произошло во время этого несчастного похода. Что ж, я готов к этому! Да, я просто исполнял свой долг и лечил людей. Вместе с моими врачами и санитарями, многие из которых не вернулись из экспедиции, мы работали день и ночь, и вы отлично знаете, как все это было! Но я не уча-

ствовал и не собираюсь никогда участвовать в том, что расцениваю как преступления!

— Вы скорее готовы смотреть, как гибнет армия или общество, чем нарушить ваши принципы, взятые из школьного учебника! — крикнул Бонапарт.

Председатель Монж и Бертолле пробовали остановить Деженетта, но он продолжал бросать обвинения в лицо Наполеону:

— Ваша попытка отравить больных опиумом — это преступление, которому нет оправдания, ибо никакие обстоятельства и сложности похода не объясняют вашей жестокости и бесчеловечности. Вы отвечали за организацию снабжения армии, с вас и спрос! И то, что мы не имели достаточно повозок для раненых и больных, это ваша вина, и мы вправе спросить у вас, почему вы отправляетесь в далекие экспедиции без надлежащей подготовки!

Бонапарт и Монж безуспешно пытались превратить речь Деженетта, но доктор говорил уверенно и не уступал инициативы:

— Вы культивируете корысть и низкопоклонство и на этом строите управление армией и людьми. Республика наделила вас высокими правами, и мы видим, как беззастенчиво вы ими пользуетесь. Из генерала, гражданина Франции и нашего товарища вы превратились в тирана, который произвольно решает вопрос, кого казнить, а кого миловать. То, что мы наблюдаем, уважаемые коллеги, это самый настоящий восточный деспотизм!

И снова Бонапарт и Монж тщетно пытались успокоить Деженетта.

— Я знаю, генерал, — глядя прямо в глаза Наполеону, говорил доктор, — что когда вы участвуете в этом заседании, вы больше чем просто обычный член Института, вы претендуете на то, чтобы быть главнокомандующим даже здесь! Я знаю, что увлекся и в пылу наговорил такого, что будет иметь отзвук далеко отсюда, но я не возьму назад ни одного слова... Я прошу убежища у армии, которая благодарна мне за то, что я сделал.

Известия о беспрецедентном конфликте, произошедшем на заседании Института, мгновенно распространились в армии. Спустя несколько дней доктор Деженетт оказался вблизи батальонов, которые делали упражнения за городскими воротами. Солдаты приветствовали его одобрительными возгласами и криками поддержки.

Бонапарт, недавно заявивший, что людская воля против него бессильна, достойно реагировал на выпады. Он очень уважал Деженетта, и когда доктор попросил разрешения уйти в отставку и уехать во Францию, не позволил ему это сделать.

Атмосфера в армии накалилась до предела. Солдаты обвиняли Бонапарта в плохой организации,

недостатке продовольствия и амуниции, в том, что он легкомысленно бросал их на штурм Сен-Жан-д'Акра, в неспособности справиться с эпидемией чумы.

Они открыто выражали неодобрение, оскорбляли Бонапарта и даже угрожали ему, когда он появлялся на публике.

Армия была на пороге мятежа, и предотвратить его могли разве что новые опасности и несчастья, требующие сплочения людей для достижения общей победы.

Дезэ оттеснил Мурад-бея в нубийскую пустыню, но вскоре мамелюки опять начали перерезать коммуникации французской армии. У Мурад-бея осталось триста воинов, и в марте 1799 года он нашел убежище в оазисе Харга, в ста пятидесяти милях к западу от Луксора. Там, в пустыне Ливии, Мурад-бей был вне досягаемости генерала Дезэ. Он поддерживал связи с мамелюками, рассеянными по стране, и с Джеззар-пашой.

В начале июля он получил секретное послание, которое заставило его и оставшихся с ним мамелюков покинуть оазис и устремиться к северу.

— Он у Натриевых озер, это в шестидесяти милях от Каира! — воскликнул Наполеон, узнав новости о перемещениях Мурад-бея. — Похоже, он ищет контакты с Сиднеем Смитом. Что-то происходит, и мы не должны сидеть сложа руки.

Бонапарт решил окончательно добить вождя мамелюков.

— Это мое срочное желание: жизненно необходимо, чтобы мы убили Мурад-бея или загнали его так, что он упадет мертвым от истощения... Генерал, который уничтожит Мурад-бея, впишет последнюю страницу в историю завоевания Египта, — сказал Наполеон начальнику кавалерии Мюрату.

Двенадцатого июля Мюрат получил приказ углубиться в пустыню, найти Мурад-бея и атаковать его. Но Мурад-бей ушел и от Мюрата, а на следующий день разведка донесла Наполеону, что вождя мамелюков видели совсем недалеко от Каира.

Мурад-бей взобрался на пирамиду Хеопса и общался сигналами с Ситти-Нафизой, стоявшей на крыше дворца в Гизе. Ситти-Нафиза вполне усвоила азбуку сигналов, направляемых с помощью зеркал, и сообщила мужу нечто очень важное.

Бонапарт не придавал значения тому, что за сигналы посылали друг другу беглый вождь и его жена. Он знал наверняка, что у Мурад-бея осталось двести мамелюков, половина на лошадях, половина на верблюдах, все в плохом состоянии, а также пятьдесят или шестьдесят арабов.

Наполеон решил сам поймать Мурад-бея и повел кавалерию через новый понтонный мост. Он заночевал в Гизе, а на следующий день написал Клеберу: «Я провел весь день, передвигаясь верхом по пустыне, лежащей за пирамидами, охотясь за Мурад-беем».

Пятнадцатого июля Наполеон, Бурьенн и члены штаба отправились на прогулку в пустыню в северном направлении. Вдруг они заметили араба, находившегося на пути из Александрии, который скакал им навстречу. Он доставил главнокомандующему письмо от генерала Мармона. В нем сообщалось о высадке турецкого десанта на мысе Абукир.

Десант состоял из линейных кораблей, фрегатов и транспортных судов, которые уже бросили якоря и высадили на берег примерно десять тысяч солдат.

— Ну что же, — сказал Бонапарт членам штаба, — похоже на то, что снятие осады Сен-Жанд'Акра и отступление нашей армии вскружили голову коммодору Сиднею Смиту. Наверное, он сумел убедить Султана в том, что Александрию можно взять с налета. Мы отомстим за Сен-Жанд'Акр! Недолго же мы ждали того, что судьба подарила нам этот шанс!

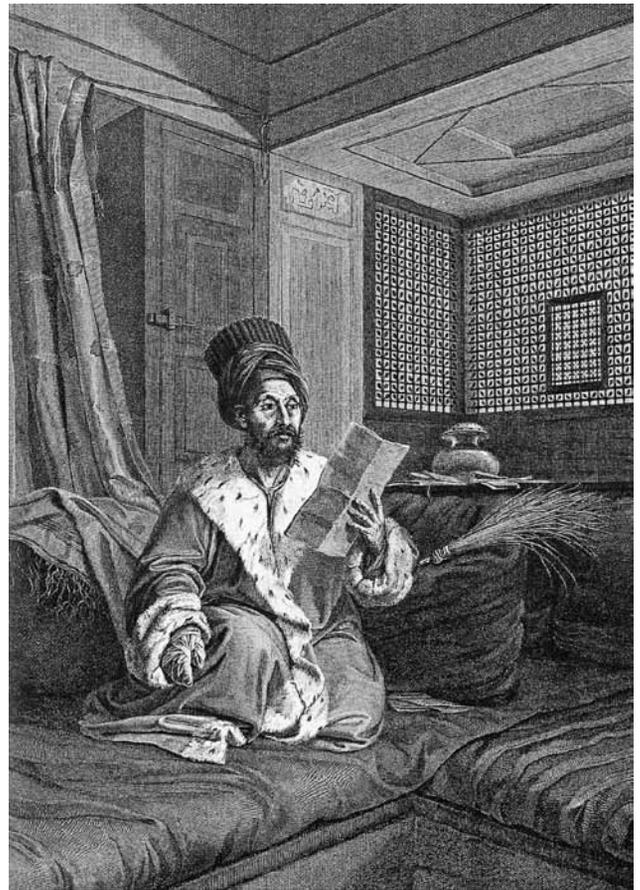
Бонапарт обратился к Бертье и принял немедленные меры по сосредоточению своей армии и подготовке к бою:

— Бертье, вы срочно разошлете приказы: генералу Дезэ — эвакуировать весь Верхний Египет и направиться в Каир; Ренье, который находится в Бельбейсе, — оставить в Салихии триста человек для наблюдения и идти форсированным маршем по кратчайшему пути на Рахманию; Клеберу, находящемуся в Дамьетте, — идти форсированным маршем по кратчайшему пути на Рахманию; дивизия Ланна и конница, находящаяся в Каире, должны выступить в час ночи, взяв направление на Рахманию. Генералу Дюгуа остаться в Каире в качестве коменданта с несколькими ротами греков.

— Вы думаете оставить Каир во власти греков Бартеlemi? — спросил озадаченный Бертье.

— Положение таково, что оно требует от нас предельной концентрации сил, — ответил Наполеон. — Я не назвал бы его критическим, но мы победим лишь в случае, если будем действовать, как в Италии. Быстрота и натиск! Пишите дальше: вся армия в итоге должна сосредоточиться в одном лагере у Рахмании. Только так, Бертье! Мы будем иметь двадцать тысяч человек пехоты, три тысячи человек кавалерии и шестьдесят орудий с упряжками. И с этими войсками мы сможем сделать все, что только в силах человека, ибо это лучшие в мире войска!

Бонапарт устроил дела в Каире, а затем совершил быстрый марш-бросок на Рахманию и Даманхур,

Мустафа-паша. Из книги «Описания Египта»

пройдя со своими войсками расстояние в сто миль. Была собрана армия численностью в десять тысяч человек, дополненная тысячей кавалеристов Мюрата. Дивизия Клебера все еще была в пути.

Наполеон получил новые данные разведки: турки высадили на берег примерно пятнадцать тысяч солдат, и ими командует опытный военачальник Саид Мустафа-паша.

Полуостров Абукир представляет собой длинную косу, которая врывается в воды Средиземного моря. На кончике косы стоит укрепленный форт. Ширина косы в ее середине — примерно полмили. Растительности почти нет, кроме нескольких пальм.

Саид Мустафа-паша решил окопаться на полуострове, создав три линии обороны, протянутые поперек косы. Он расположил свой лагерь между второй и третьей линиями обороны.

— Я знаю этого француза, — сказал Саид Мустафа-паша Сиднею Смиту, который пришел в шатер турецкого полководца, — он умеет быстро маневрировать, но мы охладим его пыл. Маневрировать здесь негде, обойти мою армию не получится ни слева, ни справа. Пусть попробует атаковать — наши позиции неприступны! Волны их атак разобьются о

мою первую линию, а огонь корабельных орудий будет дополнительной поддержкой. Мы создали плацдарм: это отправная точка для действий наших мобильных сил, которые скоро начнут отвоевывать Египет у французов.

— Это план мудрого полковника, — поддержал его Сидней Смит, который выполнял функции заместителя паши, являясь его советником. — В любой момент боя, который, я уверен, скоро начнется, ибо Бонапарт известен своим нетерпением, вы можете быть уверенными в том, что ваши английские друзья не оставят вас в трудную минуту. Огонь орудий с «Тигра» и «Тезея» поможет вам одержать победу! Ваши позиции еще более прочны, чем оборона Акра!

Вскоре Бонапарт осмотрел в телескоп позиции турецкой армии. В море, на расстоянии полутора миль от берега, виднелся лес мачт. Это были военные корабли и транспорты, а также несколько катеров с турецкими и английскими морскими офицерами, среди которых можно было различить катер сэра Сиднея Смита.

Наполеон сказал Бертье:

— Имея все преимущества внезапности, они ничего не предприняли и сразу же перешли к обороне. Они потеряли время и сами влезли в ловушку! Сидней Смит ничего не понимает в наземной войне. Он губит еще одну прекрасную армию. Я не буду дожидаться подхода дивизии Клебера, завтра утром я начну битву.

Наполеон решил атаковать армию вторжения, не дав ей времени на развертывание сил. Он начал приготовления к битве, обсуждая планы с Ланном, который возглавил дивизию Бона, павшего в бою, и Ланюссом.

В ночь перед сражением Бонапарт сказал Мюрату: «Эта битва решит судьбу мира».

Мюрат задумался над этими загадочными словами: что мог иметь в виду Наполеон? Он воюет с турками, а говорит обо всем мире! Может быть, он снова собирается в Индию?

— Хорошо, — ответил Мюрат, — во всяком случае, она решит судьбу армии.

— Абукир — место гибели французского флота — станет полем новой славы и реванша! — продолжал Бонапарт. — Мы сбросим в море турецкий десант!

В ту же ночь рядом с Бонапартом оказался двадцатидевятилетний художник Мишель Риго. Он рассказал коллеге о своих впечатлениях: «Что-то [в лице Бонапарта] такое острое, такое задумчивое, такое ужасное, что всегда впечатляло его [художника], и что в эту ночь, когда все остальные были погружены в сон, он не мог избежать того, чтобы смотреть на него. Через короткое время он заметил, что Наполеон берет компасы, схему Абукира и Средиземного моря и делает замеры, затем берет линейку и рисует линии. Затем

он поднялся, подошел к двери палатки и посмотрел на горизонт; затем вернулся в палатку и посмотрел на часы; спустя мгновение он взял нож и стал резать стол всеми способами, словно мальчик. Затем он положил голову на руку, опять смотрел на часы некоторое время, опять пошел к двери палатки и опять вернулся туда, где сидел. Было что-то особенно ужасное в этих обстоятельствах — ночное время — его генералы громко спят — сильные черты Буонапарте освещены лампой — ощущение того, что турки стоят лагерем поблизости и что это происходит перед долгим и ужасным сражением, которое будет дано... Через короткое время Наполеон разбудил всех, приказал подать коня и спросил, сколько времени осталось до рассвета».

Саид Мустафа-паша сидел на диване в своем шатре, поджав ноги под себя.

— Во имя Аллаха! — начал он и принялся читать молитву, написанную на бумаге. — Будь благословенна эта битва, в которой мы победим неверных!

Битва при Абукире началась в шесть часов утра 25 июля 1799 года.

Ланн справа, а затем Ланюсс слева стремительно атаковали турецкую армию. Мюрат выслал вперед две кавалерийские колонны, имевшие легкие орудия.

Янычары не успели достроить свои редуты, и французы быстро преодолели первую линию вражеской обороны. Воспользовавшись смятением азиатов, Ланн прорвался по центру и начал обходить неприятеля.

Турки, видя, что их окружают, были охвачены ужасом. Они побежали от смерти и искали спасение в волнах, пытаясь добраться до судов, которые стояли достаточно далеко — в двух милях от места битвы.

— Я не видел более ужасного зрелища, — сказал Бонапарт генералу Бертье, глядя в телескоп. — Они предпочитают пойти ко дну, но не сдаваться.

Турецкие пехотинцы тонули, французы расстреливали их с берега. В воде плавали тюрбаны и шали.

— Достаточно! — крикнул Ланн. — Впереди вторая линия!

Солнце припекало, и французы чувствовали жажду. Они начали уставать.

Ланн и Ланюсс повели своих солдат в новую атаку. Пехота достигла второй линии траншей, но численный перевес янычар оказался слишком велик. Понеся потери, французы откатились назад.

По своей мрачной традиции турки устремились к лежавшим на земле убитым и раненым солдатам неприятеля и начали отрезать им головы.

— Ну, Мюрат, — воскликнул Бонапарт, — здесь твоя слава! У тебя тысяча сабель и все козыри на руках!

— Вперед, храбрецы! — громко закричал Мюрат. — Вы стреляете, как ангелы! Сомните эту сволочь!!!

Французская кавалерия в несколько минут провала вторую линию обороны врага. Коммодор Сидней Смит выхватил шпагу, но, видя несущихся навстречу во весь опор всадников, бросился бежать в направлении своей шлюпки.

Мюрат с саблей наголо достиг шатра турецкого главнокомандующего, спешился и ворвался в шатер, попутно опрокинув охранников-янычар. Он оказался в обширном и богато обставленном помещении, с деревянными шкапами, диванами, обитыми шелками, и разноцветными шторами. Стены комнаты были украшены роскошными коврами.

Саид Мустафа, трехбунчужный паша, пожилой, бородатый и худошавый, увидел Мюрата и бросился ему навстречу.

— Сдавайся, свинья! — заорал Мюрат и в тот же миг был легко ранен в нижнюю челюсть пулей, выпущенной из пистолета.

Мюрат рубанул саблей правую руку паши и отсек тому два пальца. В шатер ворвались два драгуна четырнадцатого полка и помогли связать турецкого главнокомандующего.

Мюрат потрогал свою раненую челюсть и произнес:

— Вот скотина! Но ничего, парижские женщины не должны волноваться, мои губы не тронуты.

В это время Ланн извлекал выгоды из того состояния смятения и расстройства, которое вызвал Мюрат своей молниеносной атакой. Турки бежали в направлении форта, а также вправо и влево и тысячами прыгали в воду.

Немногим удалось добраться до баркасов, направленных Смитом с «Тигра», и спастись. Среди выживших — Мухаммед Али, тридцатилетний офицер албанского происхождения, будущий основатель династии королей Египта, правивших страной до 50-х годов XX века.

Примерно пять тысяч турецких солдат нашли убежище в стенах форта, расположенного на кончике косы.

Сразу после полудня на поле сражения явился генерал Клебер. Оценив масштаб одержанной победы, он был потрясен. Денон присутствовал при сцене, когда Клебер выразил свое крайнее восхищение Бонапартом и сказал ему нечто созвучное тому, что Наполеон ранее сказал Мюрата. «В момент энтузиазма» богатырь-эльзасец обнял главнокомандующего со словами: «Генерал, ваше величие безгранично, вы вышли за пределы этого мира».

Бонапарт принял поздравления и дал оценку одержанной победе:

— Выигрыш этой битвы, который приумножает славу республики, по праву может считаться заслу-

гой генерала Мюрата. Его кавалерийская бригада сделала невозможное.

Турки потеряли несколько тысяч человек убитыми и утонувшими, французы — двести человек убитыми и пятьсот пятьдесят ранеными.

Адъютанту Жюйберу пробило грудь картечной пулей. Товарищам, ободрявшим его, этот храбрый юноша ответил:

— Мужества мне хватает, но я слишком страдаю.

Командиру восемнадцатого линейного полковнику Фюжьеру пушечным ядром оторвало обе руки.

— Вы теряете одного из своих наиболее преданных солдат, — сказал он Бонапарту, — когда-нибудь вы пожалеете о том, что не умерли подобно мне на поле сражения — смертью храбрых.

Нашедшие убежище в форте пытались обороняться. Ими командовал сын Саида Мустафы. Сидней Смит направил английских моряков на помощь осажденным, но повторить подвиг Сен-Жан-д'Акра ему не удалось.

Саид Мустафа, к которому Наполеон отнесся с уважением, посоветовал своему сыну сдаться на капитуляцию, выговорив право вернуться с гарнизоном на эскадру. Это предложение было передано в форт, но турки единодушно отвергли его и поклялись драться до последней крайности.

Французские пушки и мортиры открыли огонь по стенам крепости, который продолжался день и ночь и вызвал у осажденных крайний упадок духа. Они знали, что Наполеон сделал с пленниками в Яффе, и понимали, что обречены. Через восемь дней в живых остались примерно три тысячи человек, которые умирали с голоду и пили морскую воду.

Второго августа они вышли из форта. Сын Саида Мустафы и его помощники были первыми. Вслед за ними появились солдаты, которые выглядели, как привидения. Они бросали ружья и падали на колени, прося кто о пощаде, кто о смерти.

Эта сдача крепости была совсем не похожа на события в Яффе. Французы пожалели пленников и дали им еду и питье. После длительного голодания нельзя много есть, однако турки набросились на еду и умирали от несварения желудка.

После победы при Абукире Бонапарт хотел вернуть раненых турецких солдат на их корабли в обмен на французов, попавших в плен в первые дни вражеского вторжения. Он направил на борт «Тигра» молодого офицера Декорша с белым флагом.

В ходе переговоров Смит понял, что французы ничего не знают о ситуации в Европе. Он решил продолжить свою пропагандистскую кампанию и вручил офицеру две газеты — Gazette de Francfort от 6 июня и Courrier Français de Londres (эми-

грантское издание, которое печатали в Англии) от 10 июня.

Газеты были переданы Наполеону, а содержащаяся в них информация лишь добавила уверенности в уже принятом решении.

Но не будет ли он обвинен в дезертирстве? Еще до победы французов при Абукире Нельсон знал, что Директория желает возвращения Бонапарта во Францию. Нельсон сообщил об этом Смиуту, а тот передал Декоршу. Каждый преследовал при этом свои цели, но Наполеон мог надеяться на то, что при сложившемся положении дел он вряд ли будет обвинен в дезертирстве.

Собираясь покинуть Египет, генерал Бонапарт опасался возможного возвращения кораблей Сиднея Смита. Последствия новой встречи могли стать губельными.

Удивительно, но Смит знал почти все о планах Бонапарта. В письме графу Спенсеру, главе Адмиралтейства, датированном 9 августа 1799 года, он говорил об этом. Смит узнал от своего эмиссара, посланного в Александрию для содействия обмену пленными, о том, что контр-адмирал Гантом приготовил два фрегата — «Мюирон» и «Каррер». Он догадался, что корабли предназначены для Наполеона.

Более того, Сидней Смит предвидел, что Бонапарт оставит вместо себя именно Клебера, и, зная негативное отношение последнего к египетской экспедиции в целом, предположил, что Клебер будет готов вести переговоры об эвакуации французов из Африки.

Он все знал, все предвидел, и все же упустил Бонапарта! Как это могло произойти?

Двенадцатого августа «Тигр» взял курс на Кипр, чтобы пополнить запасы провизии. Смит приказал капитану «Тезея» держаться к западу от Александрии и быть готовым атаковать, если корабли Гантома выйдут в море. Но и «Тезей» вскоре покинул место и направился к Родосу, вероятно, также по приказу Смита, чтобы пополнить запасы.

На Кипре и Родосе не нашлось нужной провизии. Смит оставался на Кипре еще два месяца, сыграв видную роль в предотвращении бунта турецких солдат.

Наполеон сполна воспользовался обстоятельствами. Семнадцатого августа он получил депешу от Гантома. «По-видимому, британские и турецкие корабли, которые в данный момент отсутствуют, уплыли на остров Кипр или Архипелаг [острова в Эгейском море] пополнить свои совершенно истощившиеся запасы».

Так Бонапарт узнал, что море несколько дней будет свободным. Час, назначенный судьбой, настал! Наполеон начал собираться в дорогу и готовился покинуть Каир следующей ночью.

Последним известием о делах в Египте, которое услышат французы, будет сообщение о победе при Абукире. Именно на этой волне Наполеон решил вернуться на родину.

Он увозил с собой несколько генералов и адъютантов, а также Бурьенна, Денона, Монжа и Бертолле. Почти вся армия и большинство ученых оставались в Египте.

Бонапарт решил не брать Жюно, присутствие которого напоминало ему об измене Жозефины, о чем он не хотел думать. Наполеон навсегда порывал с Полиной Фуре, и она также должна была остаться в Каире.

Монж и Бертолле готовились к экспедиции в дельту Нила. Вдруг они получили секретную записку от Наполеона, в которой сообщалось, что нужно собираться домой, во Францию.

Ученые в Институте продолжали задавать им вопросы о подготовке к экспедиции, и Монж с Бертолле почувствовали себя неловко.

В десять часов вечера к зданию Института прибыл экипаж, посланный Наполеоном. Монж и Бертолле укладывали свой багаж в коляску. Математики Коста и Фурье догадались, в чем дело.

— Я вижу, коллега, — сказал Коста президенту Монжу, — что неспроста по Институту гуляют слухи о том, что вы возвращаетесь во Францию.

Монж покраснел и выпалил:

— Мои дорогие друзья, если мы отправляемся во Францию, то я могу уверить вас в том, что мы ничего не знали об этом деле еще до полудня.

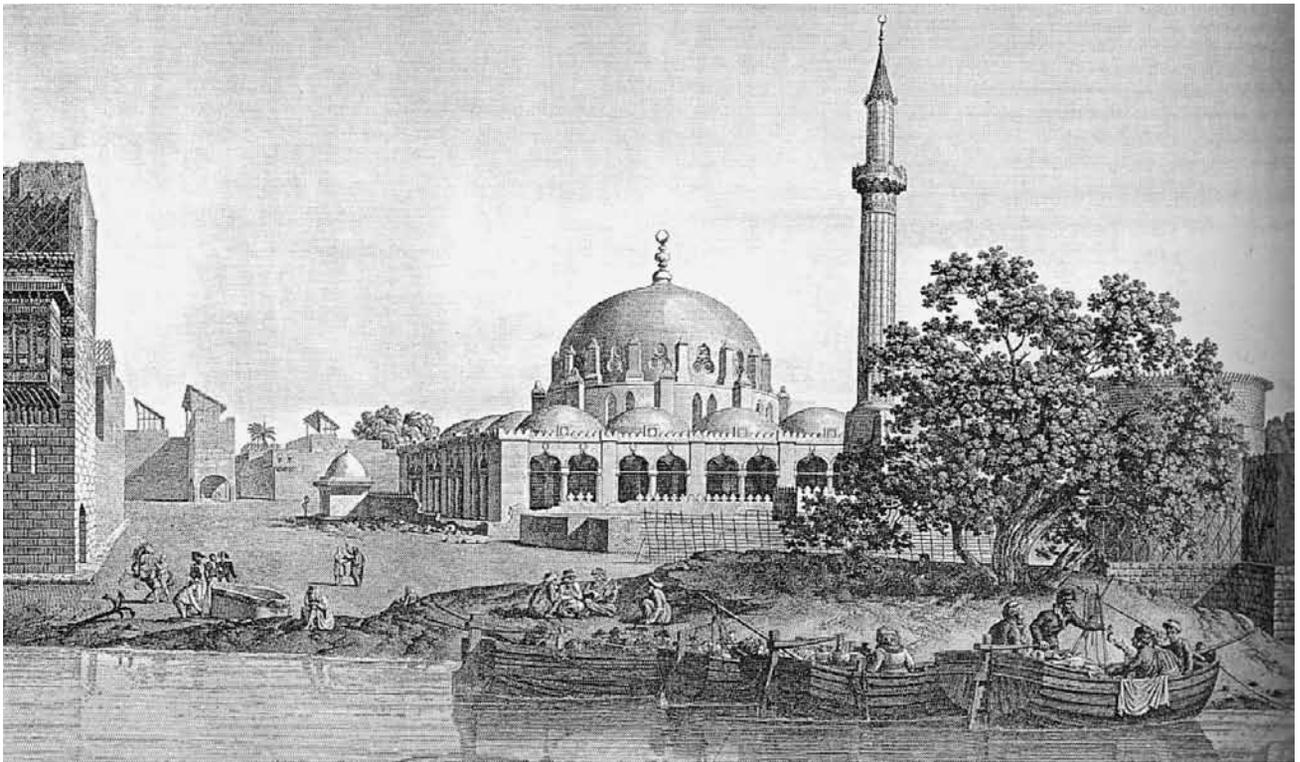
Поняв, что сказанное вряд ли служит оправданием его действий, Монж велел трогаться. Когда экипаж уехал, ученые начали обсуждать последние слова Монжа.

В то время как они возмущались, поэт Парсеваль-Гранмезон действовал более практично. Он со всех ног бросился наверх и начал упаковывать свои вещи.

К полуночи штаб-квартира французской армии представляла собой центр необычайной активности. Во дворе стояли двадцать верблюдов, что как будто бы было направлено на подготовку экспедиции в дельту. Группа людей, которые должны были уехать вместе с Наполеоном, собралась в саду дворца Эльфи-бея. Здесь были Бурьенн, повар Бонапарта и мамелюк Рустам.

Наполеон ходил взад-вперед, обсуждая с Монжем и Бертолле научные предметы и пытаясь отвлечься от того, что происходит.

Полина Фуре, одетая в форму гусара, смотрела на Наполеона и двигалась по той же траектории, что и он. Время от времени Бонапарт подходил к ней, похлопывал по ягодицам и весело приговаривал: «Это выглядит так, будто маленький гусар шпионит

Пригород Каира. Порт и большая мечеть Булака. Из книги «Описания Египта»

за мной!» Мадам Фуре думала, что Наполеон уезжает на неделю-другую и следом вернется.

Вскоре после полуночи Бонапарт и его свита отбыли в направлении Булака. Здесь они погрузились на речное судно и в три часа утра отправились в путь вниз по Нилу.

На следующий день, во время плавания по реке, Бонапарт вызвал Клебера на встречу, которая должна была состояться в Розетте 24 августа. Но когда Бонапарт прибыл к источникам Бейдаха, примерно в четырнадцать километрах от Александрии, он и его свита неожиданно повернули налево и направились к морю. Бонапарт просто не решился посмотреть Клеберу в глаза, он хотел избежать упреков и бескомпромиссной прямоты человека, выбранного им в преемники.

Наполеон и его спутники обогнули Александрию и достигли моря верхом на лошадях. Гантом и Мену ждали на берегу.

К фрегатам венецианской постройки, подготовленных Гантомом, присоединили две маленькие шебеки — «Реванж» и «Фортюн». Отряд, готовившийся к отплытию, был снабжен трехмесячным запасом воды и четырехмесячным запасом продовольствия.

После взаимного приветствия Наполеон отвел Мену в сторону и сказал ему о том, что возвращается во Францию. Они прогуливались перед палат-

кой Бонапарта по пляжу, увлажняемому морскими волнами.

— Генерал, — сказал огорченный Мену, — я понимаю, насколько важно, чтобы вы отбыли в Европу. Можете не сомневаться в том, что мы делаем все возможное, чтобы сохранить Египет для Франции.

— Спасибо вам, дорогой Мену, — ответил Наполеон. — Я приеду в Париж, разгоню это собрание адвокатов, которые издеваются над нами и неспособны управлять республикой; я стану во главе правительства, я сплочу все партии; я восстановлю Итальянскую республику и упрочу обладание этой прекрасной колонией.

Он передал генералу Мену инструкции для Клебера и приказ генералу Дезэ вернуться во Францию, воспользовавшись зимней непогодой. Бонапарту очень хотелось увезти Дезэ с собой, но тот командовал войсками в Верхнем Египте. Бонапарт также передал инструкции для Дюгуа, Посселгуэ и каирского дивана.

— Не посылайте письма в Каир, прежде чем пройдут сорок восемь часов с момента отплытия наших судов, — напоследок говорил Бонапарт.

Подошел Гантом и сказал Наполеону, что пора погружаться на корабли.

— Как бы не вернулся Сидней Смит, — беспокоился адмирал. — К тому же мы будем плыть против ветра, и в этом нам не повезло.

Денон был вместе с Ланном, Мюратом и Мармоном: «Мы понимали друг друга без слов; мы ничего не могли делать, чтобы скоротать время. Снова и снова мы смотрели в то же окно, наблюдая море, спрашивая о передвижениях самых малых судов».

Наконец, в час ночи явился генерал Мену и объявил, что Бонапарт ждет. Началась погрузка на суда.

В пять часов утра Наполеон и его свита стояли на борту фрегата «Мюирон». Был полный штиль. Вдруг все увидели, как со стороны Александрии плывет шлюпка.

— Ба! — сказал Бурьенн. — Да это же месье Парсеваль-Гранмезон!

— Что такое? — сурово спросил Бонапарт. — Кто ему разрешил? Гантом, я запрещаю вам его брать, это самоуправство!

— Но это будет слишком жестоко по отношению к переводчику Тассо, — сказал Монж. — Бедняга в одиночку проделал опасный путь от Каира до Александрии. Боюсь, что если вы его не пустите на борт, он не выдержит такого удара.

Шлюпка приблизилась, и Парсеваль-Гранмезон стал умолять пустить его на корабль. Наполеон молчал.

— Генерал Бонапарт, пожалуйста, — попросил Бертолле.

— Вы вспомните, как он читал нам свои переводы на заседании Института, — с воодушевлением подхватил Бурьенн. — Как там: «Затем Танкред печально выступает...»

Все заулыбались.

— По-моему, большинство на стороне поэта, — подытожил Гантом.

— Черт с вами, — сказал Бонапарт.

У всех отлегло от души. Парсеваль-Гранмезон был поднят на борт «Каррера», и в то же время ветер начал наполнять паруса.

Наконец небольшой французский флот, состоявший из двух фрегатов и двух сторожевых кораблей, отчалил от египетского берега.

Возвращение из Египта. Бонапарт на борту фрегата «Мюирон». Художник Жоб

— Гантом, — приказал Бонапарт, — держитесь береговой линии. Если англичане появятся, я сойду на берег и пойду вместе с моими солдатами по песку в направлении Алжира, Туниса или другого порта и там найду способ взять корабль, который доставит меня во Францию.

Султан Кебир стал командиром небольшого отряда, и ему не так-то просто было выбраться из положения, в которое он сам себя загнал.

«Мне было здесь лучше, чем в Европе. Лучше, чем в Италии. Я чувствую себя превосходно — нет головных болей, простуды и насморка, нет усталости. Я полюбил виды, звуки и запахи Северной Африки. Я вернусь сюда, — думал Бонапарт, глядя на удалявшийся берег. — Что отложено, то не пропало».

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ФИРСОВА

На семьдесят пятом году жизни скончался замечательный поэт, один из заметных представителей поколения шестидесятников — Владимир Иванович Фирсов. Он родился в 1937 году в деревне Заболотье Смоленской области, окончил Литературный институт. Когда-то еще юного Володю Фирсова привечал знаменитый Александр Твардовский, а лауреат Нобелевской премии по литературе Михаил Шолохов всегда с интересом относился к творчеству молодого поэта.

Поэт написал и издал много книг стихов, в их числе сборники гражданской лирики «Преданность» (1964), «Чувство Родины» (1971), «Музыка души» (1978), «Соловьиная ночь» (1982), книга стихов и поэм «Звездная песня неба» (1985) и другие. В 80-е годы XX века он был главным редактором советско-болгарского журнала «Дружба», помогал своим коллегам в тяжелые минуты и всегда своим поэтическим

словом служил Отечеству. Он стал лауреатом премии Ленинского комсомола, а впоследствии — Государственной премии РСФСР. В наше время творчество Владимира Фирсова не было отброшено с обочины литературной жизни. В 2009 году он стал лауреатом премии правительства России в области культуры.

Последние годы Владимир Иванович тяжело болел, но ничто не мешало ему оставаться самим собой. Он сохранил бодрость духа и привычку шутить и смеяться вместе с друзьями. Таким он и запомнится — вдохновенным поэтом и неисправимым оптимистом.

Похоронили Владимира Фирсова в Москве на Троекуровском кладбище.

Память о поэте и его стихи останутся жить в русской поэзии.

*Сергей Мнацаканян
по поручению столичных поэтов*

Черный снег

Памяти Владимира Ивановича Фирсова

Он чёрен был. Его родила ночь
В безумии циклонного набега.
Он падал вниз, стараясь перемочь
Следы того — обыденного снега.

Который накануне Покрова
Уже белел в оврагах и лощинах.
И опускали ветви дерева
В покрытых черной копотью лещинах.
Он был стокрыл, как стаи воронья,
И также вился в рамке небосвода.
Кресты церквей в полуночи крени
И пеленою застилая воды

Не ставших рек, чей кровоток питал
Не мерзнувшие на зиму болота.
И черных вод касался чернотал,
Цепляя их корнями у заплота.

Такие снега в черных снах идут,
И в них ложатся лучшие поэты.
В таких снегах кресты не процветут
И не раскроют венчик первоцветы...

И странны были эти чудеса
И морок ледяного подсознания:
Разверзнутые долу небеса
И темные пороши наказанья

За то, что жизнь не сладилась пока
И затерялась в пустошах дорога...
И черные идут, идут снега.
А белые — не выпросить у Бога!

Андрей Шацков

17 ноября 2011 года

Светлана Кайдаш-Лакшина родилась в семье авиационного инженера, окончила филологический факультет МГУ. Много лет работала редактором в издательстве, преподавала в вузе древнерусскую литературу. Давно начала заниматься судьбами и характерами русских женщин, которые часто незримо играли огромную роль в жизни и истории России.

ПЬЕСА Б. ШОУ «ПИГМАЛИОН» — МАНИФЕСТ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ

Знаменитая пьеса знаменитого ирландского драматурга и писателя давно стала легендой и живет на сцене вот уже почти сто лет (написана в 1912–1913 гг.). Благодаря ей вновь ожила и давняя античная притча о царе-скульпторе Пигмалионе, который избегал женщин, торговавших своим телом. В уединении он изваял из слоновой кости статую прекрасной женщины и влюбился в нее. Будучи жрецом Афродиты, Пигмалион обратился с мольбами к богине, чтобы она оживила статую. Тронутая такой силой любви, Афродита вдохнула жизнь в творение человеческих рук: статуя стала женщиной Галатеей, женой создавшего ее Пигмалиона, и даже родила дочь Пафос — так назывался центр поклонения Афродите на берегу острова Кипр.

Назвав именем скульптора свою пьесу (а автор определил ее как «роман в пяти действиях»), Б. Шоу, казалось бы, показал всем открыто обнаженный смысл своего произведения. Тем более что действие, хотя и происходит в наши дни, легко переключается с античным сюжетом. В самом деле, главный герой

«Пигмалиона» профессор Генри Хиггинс ходит с записной книжкой по городу и может определить с точностью «до шести миль» место рождения каждого человека с помощью только фонетики — науки о произношении. Он возмущен речью стоящей на улице цветочницы Элизы: «Женщина, которая издает такие уродливые и жалкие звуки, не имеет права быть нигде... вообще не имеет права жить!» Глубоко возмущенный «ужасным произношением этой уличной девчонки», профессор кричит в негодовании и одновременно в гордыне: «Дайте мне три месяца сроку, и я сделаю так, что эта девушка на любом посольском приеме с успехом сойдет за герцогиню... Именно такого рода услуги я оказываю нашим новоявленным миллионерам. А на заработанные деньги занимаюсь научной работой в области фонетики и немного — поэзией в мильтоновском вкусе». Перед нами — человек науки и высокого духовного поиска: поэт! Полковник Пикеринг тоже занимается фонетикой, индийскими диалектами, санскритом и прибыл из Индии, чтобы познакомиться с Хиггинсом.

Профессор — тот самый скульптор, который может выделать из безобразной цветочницы — герцогиню! И сюжет пьесы-романа именно в этом: Генри Хиггинс осуществит свою затею — он действительно сделает из уличной девчонки-замарашки настоящую английскую леди, которую на посольском приеме примут за герцогиню.

Пикеринг и Хиггинс заключают пари (Пикеринг сомневается), и уличная цветочница поселяется в доме профессора Хиггинса.

Как ни забавно это звучит, но столетие существования пьесы на сценах всего мира прошло под знаком мужского шовинизма. Каждый муж и мужчина воображал себя Пигмалионом, создающим свою Галатею из неодушевленного материала женского естества своей подруги-любовницы или жены. Любимой мнил себя профессором Хиггинсом, исправляющим, направляющим, знающим самое главное, о чем и не догадывается его легкомысленная, недалекая простушка, созданная им для забавы и самоутверждения в своей мужской силе, превосходстве и чувстве хозяина, по праву владеющего своим творением. Мужчины требовали покорности и подчинения: если я тебя создал, то ты должна быть мне благодарна, я твой хозяин! Я поднял тебя из грязи! Кем бы ты была без меня?..

Словом, почти как Бог сотворил Еву из Адамова ребра...

Но Бернард Шоу не был бы самим собой, если бы ограничился этим, пусть и столь увлекательным, сюжетом. С первых же сцен пьесы разворачивается совсем иной роман. Если в начале драмы профессор Генри Хиггинс бросается муштровывать и дрессировать уличную продавщицу цветов Элизу Дулиттл, чтобы выиграть пари, то с первых строк романа идет воспитание чувств простой девушкой у ученого-профессора. Так мужской шовинизм перетекает у автора в женский феминизм.

Вот как характеризует драматург своего героя: Хиггинс «принадлежит к энергическому типу людей науки, которые с живым и даже страстным интересом относятся ко всему, что может явиться предметом научного исследования, и вполне равнодушны к вещам, касающимся лично их или окружающих, в том числе к чужим чувствам». Чувства как высшая ценность — и это в начале XX века! За год до начала Первой мировой войны! После всех идеологических, религиозных и идейных исканий конца XIX — начала XX века.

Элиза сама приходит к профессору, так как мечтает поступить продавщицей в цветочный магазин, а не продавать цветы на улице, и хочет взять у него несколько уроков родного языка. Ее не берут в магазин, потому что там не нравится, как она говорит. Но профессору она не интересна: он уже записал ее,

и Хиггинс спрашивает Пикеринга: «Как нам быть с этим чучелом? Предложить ей сесть или просто спустить с лестницы?» Изысканная лексика для профессора и поэта.

Пикеринг предлагает Хиггинсу пари, и профессор отвечает: «Решено! Я возьму эту чумающую замухрышку и сделаю из нее герцогиню!»

Экономка Хиггинса вступает за девушку и дальше будет постоянной ее защитницей, вживе представляя собой женскую солидарность. Она пытается вразумить своего хозяина: «Нельзя так бесцеремонно обращаться с людьми». Хиггинс не понимает этого упрека, и миссис Пирс ему терпеливо объясняет: «Нельзя подобрать живую девушку так, как подбирают камешек на берегу моря». Воспитание профессора началось!

Элизу выгнали из дома отец и шестая мачеха (после смерти матери). Хиггинс восклицает: «Ну и слава богу! Девушка ничья и никому не нужна, кроме меня». Он уже увлечен пари.

Не столь эгоцентричный Пикеринг спрашивает Хиггинса: «А вам не приходит в голову, что у этой девушки могут быть какие-то чувства?» Хиггинс оглядывает Элизу и отвечает: «Да нет, едва ли. Во всяком случае, не такие чувства, с которыми стоило бы считаться».

Вот он перед нами, феномен образованного и ученого человека, для которого не существуют чувства другого человека, столь злостно и злобно расцветший в наши дни. Все мы недоумеваем и не понимаем такого сочетания — образованность и бесчеловечность вместе, будто две руки на одном теле: «Возможно ли такое бесчеловечие? Ведь это человек образованный...» А Б. Шоу, смеясь и шутя, показывает: «Да вот они, и не без обаяния».

Хиггинс кричит Элизе: «Ваш родной язык — это язык Шекспира, Мильтона и Библии». Элиза же в отчаянии, что он с ней «не говорит по-человечески». Значит, кроме языков образованных и необразованных людей есть еще язык человеческий. И его нужно знать. Простая девушка Элиза Дулиттл знает этот язык, аристократ же, ученый и поэт Генри Хиггинс не знает. Элиза говорит Хиггинсу: «Эх вы! Сердца в вас нет, вот что! Только о себе думаете, а на других наплевать... Вы большой грубиян... Не захочу, так и не останусь здесь. Не желаю я, чтобы меня били метлой (так велел профессор своей экономке). И во все я не просилась в Букингемский дворец... Я его не трогала, он сам ко мне привязался, и я ему ничего не должна, и меня не проведешь, и какие у всех людей чувства, такие и у меня». Вот он, секрет человечности, неизвестный профессору. Он после исполнения своего пари собирается «выкинуть ее обратно на улицу». А сейчас, чтобы удержать девушку, обещает,

что она «будет есть шоколад каждый день, коробками, бочками», «будете разъезжать на такси, сколько вам захочется. Каждый день вы будете брать такси и кататься по городу: вдоль, поперек и еще кругом». Хиггинс призывает Элизу не думать о своем будущем: «Думайте о шоколаде, о такси, о золоте, брильянтах». Элиза отвечает: «Не надо мне ни золота, ни брильянтов. Я не какая-нибудь, я девушка честная». (Вспоминаются тут же наши «героини» с Рублевки!)

Еще черта наших дней: Хиггинс отвечает Пикерингу, что «Элиза не способна понять что бы то ни было. Да и потом, кто же из нас понимает, что делает?» Но уступает ему и посвящает Элизу в план своих действий, своего эксперимента над ней: «Шесть месяцев вы будете жить в этом доме и учиться говорить красиво и правильно, как барышня в цветочном магазине. Если будете слушаться и делать все, что вам скажут, будете спать в настоящей спальне, есть сколько захочется, покупать себе шоколад и кататься на такси. А если будете капризничать и лениться — будете спать в чулане за кухней, вместе с тараканами, и миссис Пирс будет бить вас метлой. Через шесть месяцев вы наденете красивое платье и поедете в Букингемский дворец. Если король догадается, что вы не настоящая дама, полиция схватит вас и отвезет в Тауэр, и вам отрубят голову в назидание другим чересчур дерзким цветочницам». Это язык образованных и одновременно бесчеловечных экспериментаторов...

Остаться у Хиггинса Элизу уговаривает экономка миссис Пирс, и она же требует от профессора, чтобы он не ругался в присутствии девушки: он обзывает бранными словами даже новое пальто, то-

локно и молоко, по ее словам. Экономка тут же преподносит профессору урок воспитания, прося его не выходить к завтраку в халате, не пользоваться им в качестве салфетки, не есть кушанья с одной тарелки и не ставить кастрюльку с овсяной кашей на чистую скатерть. Оказывается, что Генри Хиггинс невоспитанный человек! Но он заявляет, что экономка напрасно видит в нем «тирана и самодура» — он-то считает себя «робким и тихим».

После выигранного пари Хиггинс заявляет: «Больше я производством герцогинь не занимаюсь!» Он не догадывается сказать Элизе простые человеческие слова благодарности, но приходит в полную растерянность, когда после этого Элиза тайком покидает его дом. Она скрывается у его матери, и миссис Хиггинс также на стороне Элизы, а не сына, который не умеет себя вести в ее салоне, садится на письменный стол, марширует по комнате и распугивает ее светских знакомых. Мать произносит с грустью в ответ на восхваления цветочницы ее сыном и полковником Пикерингом: «До чего может дойти мужская тупость!» Оба не догадываются, где скрывается нынешняя герцогиня. Миссис Хиггинс солидарна с экономкой миссис Пирс и Элизой Дулиттл. Так кто же тут Пигмалион?

Такова эта искрометная, веселая и глубокая пьеса, написанная с сочувствием и на стороне женщин, как выражаются современные феминистки. Б. Шоу угадал, провидел, что в новом страшном XX веке главной ценностью станут простые человеческие чувства — вне зависимости от идейной, религиозной и всякой иной принадлежности. Еще апостол Павел говорил: чувства навьком приучены разделять добро и зло. А этого мы не научились делать и сегодня.

Дмитрий БОБЫШЕВ

*Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г.,
№ 1–12 за 2010 г., № 1–6, 7–8, 9, 10 за 2011 г.*

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

Листья травы

«Я не любил одиночества. Нет, я его не знал. Его отрешенные почести к сердцу не принимал...» Так я начал один из первых (если не самый первый) из стихотворных опусов, тогда еще не умея точно выражать свои чувствования. Конечно, не любил, но, конечно, знал и даже свыкся. Была ранняя мариупольская ватага, научившая меня дурным словам и шалостям, от которой справедливо я был отлучен взрослыми. Было детское одиночество во время Большой войны, подобие чужбины в грузиноязычном окружении на Кавказе. Но самое острое — в толпе себе подобных: в пионерлагере, где другие даже не обижали, а просто не замечали тебя, в школьном обезьяннике, где как раз наоборот задирали, дразнили и подавляли. Какой-то короткий период в молодости ощутил я заединство поколенческого характера: сам возраст сближал и делал понятными других, а тебя — им. А старших превращал в ретроградов, засевших от нас в бастионах опыта и заслуг.

Но потом — литература, торжище честолюбий... Ее почести как раз я принимал, и чем отрешенней, имматериальней, тем дороже сердцу, пока не остался один, чужой среди своих. «Что я здесь делаю?» — иногда вопрошал я себя, озираясь. Между тем именно здесь — в словесных совершенствах, которых иногда удавалось достичь, — стал угадываться от-

делявший от всех лед абсолютного одиночества, за которым уже царил вечный нуль шкалы Кельвина, то есть –273 градуса по Цельсию.

Та первая проба темы неожиданно аукнулась гораздо, гораздо позднее — уже на путях моих из мавзолеоподобного здания иныза, где странно было числить родной язык среди иностранных, и — домой через парк с четырьмя нелепыми сосновыми переростками. И если в ранней попытке «сосны меня товарищем торжественно нарекли», то здесь оказалось, что

Одиночество —
вот венец абсолюта,
вот где слезы разводами отольются.
Сладко ль с другими гореть? Сам сияй.
Одиночество — всех и вся...
Одиночество четверых,
даже с другими рядом,
даже древесное — под и над
пламенными:
Парадизом и Адом.

«Четверо» — так назывался этот опус, не оставшийся незамеченным и процитированный в перестроечной «Независимой газете» в заметке с брендовым заголовком «Петербургский стиль». Ай да

журналистка, ай да Виктория Шохина — сама ведь надыбала, выхватила, и как верно!

На тех же путях нашлось и утешение, и растопление льдов одиночества. Им оказалось чувство причастности к большой и благой силе, ощущение себя лепестком или даже тычинкой громадного цветка, о котором я упомянул в предыдущей главе, — университетского кампуса.

Психологически и субъективно подобное чувство мог испытывать чернокожий тинейджер, живущий в безотцовщине, при вступлении в уличную банду. Или — советский аспирант, вступающий в партию в аккурат к предзащите диссертации... Примеры, конечно, негативные, но обретение надежной протекции и заединства с чем-то общим и большим они передают. Тут же — сплошной позитив, одно слово: нива. «Сейте разумное, доброе», хотя и вовсе не вечное, ибо педагогические внушения вылетают из студенческих голов сразу же после оценки «В+» или «А-» на экзамене. А вот «С», что соответствует тройке, я им почти не ставил.

Конечно, это администрация прежде всего представляла ту силу, которая держала большой зонт над твоей головой, или, как все еще любят выражаться, эгиду, совсем забыв, что это слово мифологически означает косматую козлиную шкуру, немало, должно быть, духовито-блехастую. Но даже деканы с их многочисленными заместителями почти не снисходили на газон центрального луга, а уж канцлеры, провосты¹ и попечители, не говоря о президенте университета, существовали в каких-то неотмирно финансовых высях. Среднее звено начальства важно по-своему, стараясь напускать туману на преподавателей или дергать их за невидимые нити.

Да, они платили денежки, но успех или неуспех курса определялся числом записавшихся студентов. Поэтому именно студенты были нашими кормильцами, хотя иерархия приравнивала их к листьям травы того самого квада², что лишь изредка попирался начальством. Впрочем, они права свои знали, изредка качали и даже избирали свой потешный сенат. Вот с этими листьями я и общался. И на корневом уровне наши отношения были просты: плата тысячи долларов за семестр, они от меня ждали, чтобы я их на соответствующую часть этой суммы «образовал». Что ж, я признавал это справедливым и готовился так, чтобы академический час (пятьдесят минут) был заполнен под завязку. Боялся только повисающих за несколько минут до звонка пауз, которые хоть ты танцуй, а заполни.

¹ Provost — проректор в американских университетах (англ.).

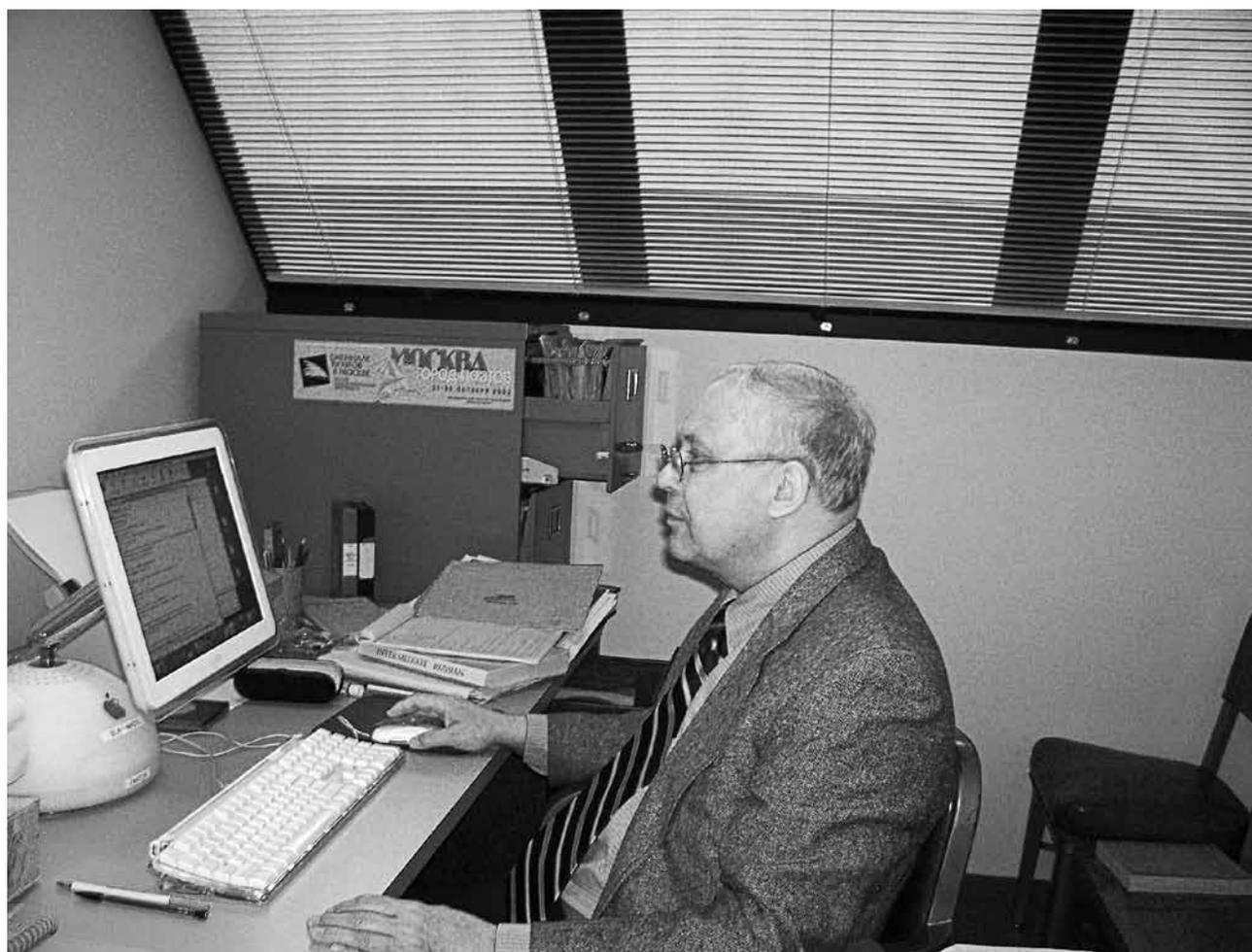
² Quad — четырехугольный двор, обычно в школьном или университетском городке (англ.).

За те годы, что я работал на «синьора Карабаса», которому принадлежало все вокруг — кварталы корпусов и общежитий, лаборатории, музеи, луга, башни и колокольни, леса, сады, фермы, библиотеки, театры, акустический зал для концертирующих знаменитостей, издательства, аэропорт, газеты, радиостанции, телеканалы и несметное число интеллектуальной и обслуживающей челяди, — я преподавал, конечно, множество разных курсов — как по литературе, так и по языку. Для обзорных — по истории литературы — от студентов не требовалось никаких предварительных знаний, и мне приходилось читать лекции по-английски, а им — пользоваться книгами в переводах из тех, что я выбирал для домашнего чтения. Выбор ограничивал меня. Например, «Анну Каренину» напереводили без счета, а «Хаджи-Мурата» было не достать.

Число студентов зависело от куррикулума, то есть от расписания, — академический жаргон, увы, переполнен латынью. Двенадцать учеников — идеально и символично, тридцать уже хлопотно, а однажды на «Литературную утопию и общество» записались, увы, только двое. Но не торопитесь с «иронией и жалостью», на которую был щедр папаша Хемингуэй: в моих списках бывало и триста восемьдесят девять человек, что для аудитории, рассчитанной на триста девяносто четыре места, означало полный зал. Даже — переполненный, потому что одно место оставалось за лектором, а четыре отводились помощникам, аспирантам нашей кафедры. И это еще не все — семьдесят человек дополнительно, как сообщила секретарша, записалось в очередь на случай, если кто-то бросит занятия. Знаю, в это трудно поверить, но это так. Объяснялось такое чудо нахальством и отчаянием профессора да административной хитростью его жены Ольги (тогда уже бывшей), которую временно перебрали из антропологии поруководить нами. Она придумала вот что: начать курс ровно с середины семестра и с помощью сдвоенных лекций довести до полного объема. Это соблазняло тех студентов, что записались ранее на трудные курсы и не справились. Тут они имели шанс «вскочить» на мой, с их точки зрения более легкий, курс и получить зачет!

Каковы бы ни были их мотивы, а встреча с такой оравой первокурсников, рассеявшихся над тобой амфитеатром и пляшущих во все глаза, глядящих тебе в рот, впечатлила бы даже Набокова с его вживленным английским и прирожденным самолюбованием. Кстати, сколько было студентов на его лекциях?

Ничего, справился и с этим... Микрофон в руке, за спиной экран, на котором помощники проецируют с помощью компьютеров иллюстрации, даты,

Кабинет в Иллинойском университете, 2005 г.

имена и даже краткие тезисы того, что я сейчас произношу: Кирилл и Мефодий, «Повесть временных лет», «Слово о полку», былины киевские, новгородские, и пошли-поехали через Аввакума Петровича к Михайло Василичу, от Алексан Сергеича и Михал Юрича, не забыв, конечно, и Николай Василича, к Фед Михальчу и Льву Николаичу, аж до Антон Палыча, а дальше уж начинается XX век, и в следующем семестре его подхватит мой коллега.

Однако после первых лекций орава из амфитеатра начала катастрофически редеть. Это встревожило меня, и я проверил списки: нет, никто не бросил курса, просто все «мотали», как поступал когда-то я сам, и так же точно девочки были усидчивей мальчиков. Но вот стала приближаться контрольная, и аудитория опять начала наполняться, а в назначенный день были уже все.

Лица их не задержались в памяти, но зато помощнички отложились там незабываемо. Одна из них, капризуля-соотечественница, на подсказки которой я рассчитывал, исчезла сразу, и выражение

«*solar eclipse*» мне выдал кто-то догадливый из толпы, когда я подыскивал английские слова для солнечного затмения из «Слова о полку». А это оказалась латынь, в которой я отставал от своих учеников! Вторая помощница была круглолицая корейская дама с нежными пальчиками, однако ни в русском, ни в английском от нее ждать подспорья не приходилось. Имелся еще старательный парень из мормонов, блондин и крепыш, честняга и трудяга, но и он быстрым разумом не отличался... Зато некий Джон Кригер, тертый калач, уже и не юноша, поживший в Юго-Восточной Азии, сшибая себе на жизнь уроками английского, взял на себя большую часть работы. Он так решительно оттер мормона, что бедняга появился на следующее утро, светя сине-фиолетовой скулой. Конечно, я спросил, что с ним стряслось, но он уклонился от ответа. Ну а мне было не до разбирательств, приходилось много готовиться. Курс и для студентов оказался сложнее, чем они предполагали, и накануне экзамена кое-кто пытался меня подкупить. Это был студент из Азии; он подловил

На Центральном лугу Иллинойского университета, 2006 г.

меня в ранних осенних сумерках, когда я шел с лекции. Я даже не сразу распознал его намеки на взятку, а когда раскумекал, удивился настолько, что он в свою очередь понял: со мной каши не сварить, и мгновенно исчез. Я вряд ли смог бы потом его различить, уж очень много появилось в тот год богатеньких азиатов — из континентального Китая, из Тайваня, Южной Кореи, Японии и даже Вьетнама.

За пять минут до начала экзамена амфитеатр был заполнен юношескими и девичьими лицами доверху. Напряжение чуть ли не искресало из них искры, как в цирке перед смертельным трюком. Каждому нужно было ответить на шестьдесят вопросов (сто очков) по специальной форме для компьютерной обработки, ткнув карандашом в правильный кружок.

В составлении вопросов-ответов (один правильный, два неправильных) мне наконец-то пригодились все помощники. Джон отнес наше общее шестидесятивопросие в компьютерную службу, вовремя принес формы, и по звонку моя четверка разнесла их между рядами. Все триста восемьдесят девять

трепещущих сознаний сосредоточились на заполнении: фамилия, имя, номер социального обеспечения, курс, семестр, а это — что? ЭТО — ЧТО???. Это, оказывается, неправильная форма! Зал загудел...

— Что вы наделали? Вы сорвали экзамен! — обрattился я к Кригеру.

— Извините, ошибся. Сейчас я принесу... — И он бегом скрылся в дверях.

Я вышел и встал перед залом, чтобы как-то утихомирить законный ропот. Может быть, повторить с ними несколько ключевых вопросов и потянуть время? Нет, негоже подсказывать на экзамене... В этот момент честный мормон решил выручить меня, разрядив атмосферу, и откуда-то сбоку «пошутил» в микрофон:

— Ничего страшного, воспринимайте это как разминку!

Зал взорвался возмущением. Все стали комкать ненужные формы до размеров теннисных мячей, и эти комки полетели в мою сторону. Я окаменел. Амфитеатр превратился в цирк, швыряющий помидорами в неудачного клоуна. Если попадут мне в лицо, я уйду и уволюсь или вообще покончу с собой! Но бумажные «помидоры» намеренно миновали меня — все-таки оставался еще страх перед экзаменом. Лишь один комок — и то я уверен, что не нарочно, — попал мне в плечо, и я увидел по испуганному лицу из пятого ряда, кто это сделал. И сразу все бушевание стихло. Ну что, вывести тебя из зала? Подвергнуть дисциплинарному взысканию? Исключить? Ладно, живи...

В этот момент вбежал Кригер с пачкой новых, на этот раз правильных форм, и экзамен продолжился.

На этом можно было бы и закончить эту главу. Но в качестве *Post Scriptum*'а хочу добавить еще одну подробность. Когда экзаменуемые углубились в тяжелую двухчасовую работу, я стал ходить по рядам, посматривая, как у них идут дела. Внимание привлекли красные листы, лежавшие пачками на коленях или под столами то здесь, то там. Я остановился у одного паренька, попросил дать их мне и убедился, что это — тезисы моих лекций, компьютерно (и очень толково) изготовленные. То есть — шпаргалки! Я спросил, где он их достал. Купил на кампусе. Почему? Пятьдесят долларов. Пока мы разговаривали, у остальных красные листы исчезли. Кстати, почему они такие заметные? На вопрос можно ответить вопросом: а почему Роман Левин печатал Иваска на зеленом? Бумаги другой не нашлось...

Я спросил у Кригера (не у мормона же) испытующе, кто мог изготовить эти шпаргалки. Он ответил с невинным видом: любой из сидящих в зале. И вправду — поди докажи. На каждом листе стояло мое имя, была предупреждающая надпись: «Любая попытка

воспроизвести эти заметки преследуется по закону. Все права защищены».

Узнав, как с этим сражаться, на следующий год я заказал педелей-старшекурсников, которые ходили по рядам. Шпаргалок они не обнаружили.

Русские курсы

Наш великий и могучий так много студентов не собирал. Нет, желающих было достаточно, и в начале учебного года записывалась их целая уйма, но потом — странный алфавит, головомные склонения и спряжения — все эти «ненужные» сложности, обогатившие язык, делали свое дело: первый же семестр выкашивал наших студентов, как новобранцев на полях сражений. Всю эту нудную и, увы, необходимую зубрежку по традиции вешали на аспирантов поопытней, назначая их младшими преподавателями, так что до меня уже на третий год обучения доходили поредевшие, обстрелянные группки ветеранов, к тому же пополненные аспирантами послабей или теми студентами, кто хотел подшлифовать свой заржавевший русский. Некоторые из них очень прилично знали язык, и я расспрашивал, у кого они занимались раньше.

У смешливой креолки Дульче де Кастро, оказывается, была репетиторша — жена советского посла на их островной республике в Карибском море.

Дату-сон, профессорский сын и жертва культурной революции в Китае, безусловно писал и говорил. Я ожидал от него многих славных дел в славистике (если это не тавтология). Но диссертацию он не закончил и куда-то надолго исчез. Куда? У меня гостили однокурсник Володя Блох с женой, я повел их в китайский ресторан и там услышал по-русски:

— Профессор Бобышев! Добро пожаловать.

Это был Дату-сон, владелец заведения. Увы, он предпочел более доходную и питательную карьеру.

С хорошей подготовкой приходили из калифорнийской военной школы в Монтерее. Я однажды побывал у них, навещая того же Блоха, чья жена Татьяна преподавала язык по конвейерному методу. Солдат выгоняли строем на пробежку с русскими кричалками, в ритме бега они склоняли и спрягали...

Вообще военнотружущие учились хорошо: соображали быстро, никакой специфически солдатской тупости у них не было, а были дисциплинированность и старание. Пару семестров занималось у меня летное звено, и среди них бомбардировщица Мэри Питерсон, она же Маша и даже Маруся, которая летала штурманом, но добивалась права на смертоносное оружие, то есть хотела сама осуществлять прицельное бомбометание. Марусину прическу немного портил консервативный перманент, зато улыбка сияла по-американски — от побережья до побережья,

и она пустилась напропалую меня прельщать, пока старший по званию не напомнил ей о женихе, который этого бы не одобрил... И все равно я вспоминаю о бомбардировщице с теплотой, как о подружке.

Еще училась у меня дочь паровозного механика, и даже по фамилии она была Смит, а имя позабыл. Нет, помню: Сюзен. Статями она пошла в отца, и даже более — немного напоминала локомотив, но была нежная душой и на занятиях очень старалась.

Летчики-механики, даже пожарница с Аляски — это еще что! Один из студентов готовился на астронавта — легкий, уже почти невесомый, языковые сложности схватывал на лету, но азов часто не знал. Ясно, почему нужен был ему русский... Пока помнилась фамилия, я следил за газетами, но в ту пору космическая программа затормозилась, и я так и не убедился, слетал ли мой ученик в космос.

А из Ирака и Афгана приходили письма по-русски и по-английски от затосковавших солдатиков, я им всегда отвечал: мол, горжусь вами, держитесь, ну и все такое прочее... Один из них был соотечественник Филип Либензон, ходил на ахматовский спецкурс. Филип был упорен: я сперва огорчил его минусом за финальное сочинение, он все переписал заново и получил пятерку.

Экзаменационные работы этого курса были приняты в качестве экспонатов музеем Ахматовой в Фонтанном доме.

Если взять все имена студентов, получится пестрый калейдоскоп. К тому же они их меняли на занятиях, переименовая на русский лад. Мне это казалось нелепым, но их так приучили прежние преподаватели, и я не препятствовал. Получались такие словесные костюмированные персонажи, что хоть вставляй их в какую-нибудь постмодернистскую пьесу. Там действовали бы, например, следующие лица:

Ребекка Робертс — античный хор

Дмитрий Гастонович — человек с гитарой

Терентий Вараввович — правый полузащитник

Маруся Питерсон — бомбардировщица

Бобик Биркнес — собачка

Катя Макфэрленд — футбольная зажигалка

Кондратий Вилл — племянник известного журналиста

и даже

Чарльз Зайцев — хлебороб

Зайцев — так он перевел свою фамилию на русский, а менять имя не захотел ни за что. Этот сын черноземного фермера был действительно прямо от сохи и сильно отставал от всей группы, поэтому требовал усиленного внимания. Над ним подсмеивались, а он был обидчив и упрям. Как я его ни вытягивал, пришлось поставить ему тройку, и вскоре

после экзамена я получил письмо, напоминающее не то дуэльный картель, не то пиратскую черную метку.

Он писал, что нашел себе работу на фабрике кухонных ножей. Они изготавливают ножи — длинные и очень острые! Он просит назначить ему день и час, когда можно зайти и продемонстрировать образцы.

Я это письмо скопировал и отнес на всякий случай секретарше. А псевдо-Зайцеву отписал, что набор ножей у меня уже есть и демонстраций не требуется. И пожелал ему успешной карьеры на новом поприще.

Это был еще не худший вариант. Подросли и стали интересоваться своими корнями дети Третьей волны. Они бойко болтали на своем домашнем суржике и этим совершенно обескураживали американских честных зубрил. Но в грамматике беспомощно тонули, пуская пузыри. Хуже было наоборот, когда записывались те, кто успел кончить советскую школу. Это уже шла Четвертая волна эмиграции. Я их принимал только ради пополнения. Один такой Патрик, наполовину поляк, ходил в военной шинели, писал без ошибок, а по высказываниям оказался русским фашистом. Подобных красно-коричневых взглядов придерживался и мой земляк, ленинградец с Охты, и при этом, как ни странно, еврей. С трудом я уговорил их не ходить на занятия, явиться лишь на экзамен. Оба получили по пятерке.

Чтобы самому не скучать на занятиях, я разнообразил тексты и заказывал все новые и новые учебники. Среди них попадались шедевры с очень сильным зарядом некомпетентности и нехлюйства. На одной из конференций я зашел на семинар, целиком посвященный небывалому чудо-учебнику, который идеально подходил для моих нужд. Выступали с анонсом его создатели: южно-калифорнийская дама, светило с именем, которое она поставила первым на обложку, затем русская педагогиня (видимо, реальный автор) и третий соавтор — американский волшебник по компьютерной части. Как только книга вышла, я заставил студентов ее купить. На занятиях дотошный ученик показал мне первую страницу, и я покраснел от стыда. Там была напечатана азбука, в которой позорно отсутствовали буквы «ш» и «щ», без которых не только учебник, но даже щей не стоговишь.

Впрочем, попадались и неплохие подспорья. Например, учебник Таунсенда, куда входили разные стилевые образцы. На этом курсе у меня появился еще один мормон — способный лингвист Брайан Фелт. Рослый, очень светлый блондин, он уже был женат и даже, несмотря на юный возраст, успел настроговать кучу мелких детей. Доброжелательный, веселый, а главное — способный лингвист, он не раз получал от меня высшие почести — пятерки с плюсом. Раз в неделю студенты сдавали свободные

сочинения с подражаниями или, скорей, с невольными нелепыми пародиями на тексты классиков.

Не то — Брайан. Все его сочинения объединялись сквозной темой, а стиль разнился в зависимости от образца. Так, вместо «Записок из подполья» у него были «Записки из библиотеки»: «Я книжный человек. Я литературный человек... Думаю, что у меня болят глаза от чтения, но на глазного врача нет денег. Я снял для жилья отсек на девятом этаже книгохранилища. Разумеется, библиотекари не знают об этом. Отсек очень удобный. Там я сижу, сплю, читаю глупые книги и нахожу наслаждение в том, что уничтожаю их после того, как прочел. Знаю, что нельзя уничтожать книги, но когда у человека плохое настроение и слабые глаза, то все дозволено...»

После рассказа Шукшина у Фелта появились книговолки: «Они представляют собой странные существа — среднее между книгой и волком. Несколько лет тому назад они съели аспирантку, потому что она кушала в книгохранилище, зная, что это запрещено. Еда портит книги, и потому в библиотеке закон — это книга, а книга — это волк!»

Чтение Ахматовой вдохновило его на стихотворение, странновато звучащее по-русски, все-таки выдержанное в форме рондо. Оно было посвящено памяти пропавших из хранилища книг.

«Смысл любви» В. Соловьева подвинул его на трактат о любовных чувствах между книгами, о «романах» между романами — даже с намеками на способы их размножения. А Синявский побудил написать эссе «Прогулки с книговолком», где Брайан более подробно описал эту загадочную тварь: «Книговолк — это не такое ужасное, чудовищное существо, как, например, библиозверь. Если мы поближе познакомимся с книговолком, то увидим, что он в действительности наш друг. Известно, что они живут в забытых отсеках библиотеки и прячутся под столами, где занимаются аспиранты, особенно те, кто ест в библиотеке...»

Библиозвери, книгопады, бедные аспиранты, потерявшиеся в непроходимых отсеках... А где-то внизу зияет «черная дыра» наподобие Дантовой, там обитают искалеченные читателями мертвые книгодуши и туда же проваливаются книгоблудники, крадущие книги из библиотеки...

Пятерка, даже с плюсом! К сожалению, Брайан круто сменил профессию и превратился из перспективного слависта в мормонского пастора. Каждый год на Рождество я получаю от него письмо, иллюстрированное семейными снимками, на которых он все добрее, а число детишек растет.

Благословите, батюшка!

Продолжение следует.

Ариадна СЛАДКОВА

Я москвичка. Отец — профессор, д. т. н. А. Л. Дорофеев, выдающийся ученый в области электромагнетизма, создатель научной школы по направлению дефектоскопии металлов методом вихревых токов.

Детство проходило в период хрущевской оттепели. Воспитывая меня, родители пытались восполнить пробелы, которые допустили их собственные родители. Их военное детство было тяжелым, рабочим, полуголодным. Поэтому мое должно было быть радостным, счастливым и очень сытным. Меня оберегали, много занимались... За что я очень благодарна им, но, видимо, поэтому уже в отроческие годы во мне родилось непреодолимое стремление к самостоятельности.

Склонность к сочинительству проснулась во мне рано. В школе учительница русского языка часто выражала мне свое одобрение. Например, однажды вместо оценки я увидела в тетради: «Это лучшее сочинение в моей жизни». Она разрешала мне придумывать темы сочинений самой. В старших классах я работала внештатным корреспондентом в маленькой газете «Московский железнодорожник».

Я увлеклась научной работой. В 1988 году поступила в аспирантуру Московского института инженеров гражданской авиации, защитила кандидатскую диссертацию. Я продолжала писать очерки, стихи, рассказы, печаталась в газетах «Гудок», «Труд», «Воздушный транспорт», в журналах «Крылья Родины», «Гражданская авиация». Мне повезло: я встречала много интересных людей — больших ученых, которых знали как в Союзе, так и за рубежом, слышала от них рассказы об их руководителях, об известных людях нашей страны. Я работала над диссертацией в Военно-воздушной инженерной академии им. Жуковского на кафедре, которой руководил профессор П. Н. Львов. Ему я посвятила рассказ «За гранью возможного».

В 1997 году в журнале «Литературное обозрение» появилась моя первая научно-фантастическая повесть, название которой, да и сюжет родились за много лет до этого. «Ступени в непостигнутое» — повесть о моем отце, талантливом ученом, прожившем короткую, но яркую жизнь. В том же году издательство «Библиотека» выпустило мой первый сборник рассказов и повестей «Ступени в непостигнутое».

В журнале «Юность» были опубликованы повести «Забытые мелодии Сальери» (1998), рассказ «Наследник верховного правителя России» (2000), повесть «Сулеймания» (2001), цикл рассказов опубликован в австрийско-чешском сборнике в издательстве Наука (2007). В 2009 году вышел в свет сборник повестей и рассказов в издательстве «Вагриус». Сейчас у меня много творческих замыслов. Мечтаю осуществить их, закончить роман «Икос».

Представляю на суд читателей новый рассказ «Звездный мальчик — потомок кочевников». Публикуюсь под псевдонимом Ариадна Сладкова.

Ирина Пестова

ЗВЕЗДНЫЙ МАЛЬЧИК — ПОТОМОК КОЧЕВНИКОВ

Старший сын Чингисхана Джучи возглавил два тумена, которые должны были соединиться с воинами Джебе-нояна на другой стороне Тянь-Шаня. Медленно двигалась орда через горные цепи и перевалы, ведя за собой стада. Ее численность составляла двести тысяч воинов. Это был славный поход. Переброска орды от озера Байкал через хребты Срединной Азии в Персию. Расстояние в две тысячи миль... Ставка Чингисхана располагалась в Каракоуме, в одном из городов пустыни, имеющем также название Черные Пески. Город, похожий на мираж, — мегаполис пустыни. Нечто вроде большого селения, обдуваемого ветрами и засыпаемого песками, и все же существующего и процветающего. Жилища из высушенного ила и соломы, разбросанные в беспорядке. Вокруг них — черные купола войлочных юрт. Двор Чингисхана располагался в высоком павильоне из белого войлока, украшенного шелковыми полосами. У входа стояла серебряная посуда с угощениями: кобыльим молоком, фруктами и мясом, так что каждый, кто приходил к хану, мог съесть столько, сколько пожелает. Этот белый павильон был олицетворением власти и богатства многие века. До начала похода Чингисхан выступил перед своей ордой и своими военачальниками с речью: «Вы идете со мной, чтобы нанести удар всей нашей силой по тому, кто отнесся к нам с презрением. Вы разделите со мной славу побед. Пусть десятник будет столь же бдительным и исполнительным, как и командир тумена. Если кто-либо из них не выполнит свой долг, он будет лишен жизни, так же как и его женщины и дети». Он обратился также к женщинам кочевой империи. Он держал речь перед женами и матерями тех, кто

шел с ним в поход: «Вам не пришлось носить оружие, у вас есть свои обязанности. Поддерживайте порядок в юртах, ожидайте возвращения мужчин, чтобы курьеры и утомленные тяжелой дорогой нояны могли найти подобающее им пристанище и еду, если останутся на ночь. Жена может отдать дань уважения воину...» В жизни ордынцев были свои порядки. Более знатные воины имели по несколько семей, каждая из которых размещалась в отдельной юрте.

Чингисхан направлял своих воинов против шаха Мухаммеда, властителя исламской империи, провозгласившего себя великим полководцем. В 1219 году владения шаха простирались от Индии до Багдада и от Аральского моря до Персидского залива. По словам очевидцев, шах отличался жестокостью и своенравием. Шпионы Чингисхана передавали ему, что шах Мухаммед подозрителен и вспыльчив, что он предает смерти даже верных ему людей, любит лесть и пиры. Ему нравится, когда его придворные превозносят его, как Александра Македонского...

Джегор был отмечен Джучи, сыном самого Чингисхана, и очень гордился этим. Он возглавлял отряд разведчиков. В его отряде были проверенные смельчаки. На этот раз орда была экипирована лучше, чем прежде. Ударные тумены были на лошадях, облаченных в доспехи из лакированной кожи красного или черного цвета. У Джегора, так же как и у каждого воина, было два лука и запасной колчан, укрытый от влаги. Шлем был легким, с кожаным забралом и железными кнопками, защищающими шею сзади. И все же Джегору казалось, что его голова слишком тяжелая и большая, он часто поправлял забрало. Полки ханской гвардии имели щиты.

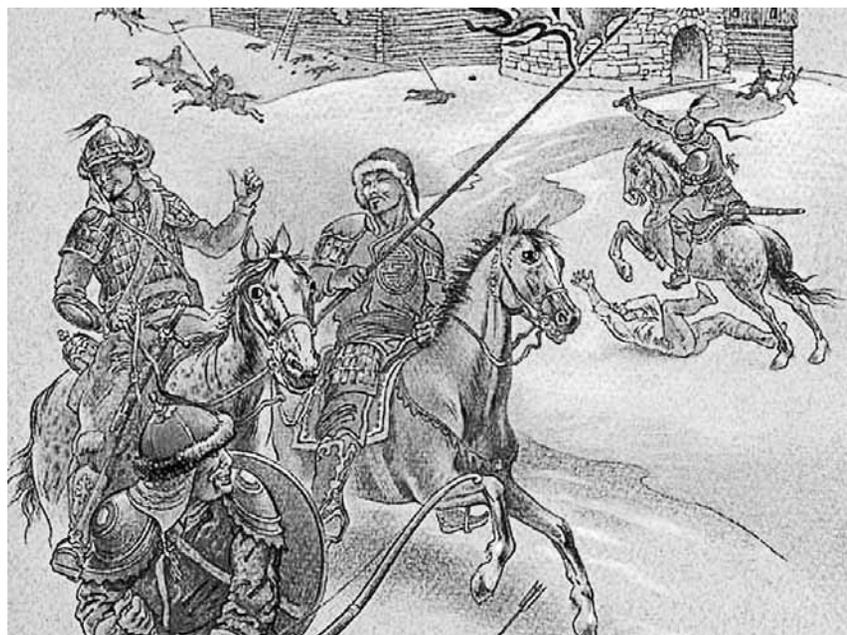
Кроме сабель у воинов тяжелой кавалерии были топоры, висевшие на поясах, и по мотку веревочного аркана или шнура для вытаскивания из грязи осадных машин. За спиной у Джегора висел кожаный мешок, вмещавший торбу для корма коней, котелок для всадника, воск и напильник для заточки наконечников стрел, а также запасные тетивы.

Главные силы ордынцев очень медленно продвигались в западном направлении, спускаясь по ущельям и переходя через замерзшие озера, выходя на обледенелую дорогу перевала, через которую все кочевые племена выходили из Северной Азии. Тумены Джучи отклонились от орды к югу, спускаясь с перевала высотой две тысячи метров на Пеллу — Великий Северный путь. Их было несколько сотен, нагруженных мешками с рисом, сопровождали их с полдюжины погонщиков с собаками. Внезапно коня воина, идущего следом за Джегором, начало сносить вперед. Каменная осыпь с шумом летела вниз, захватывая с собой коней, людей, мешки с рисом. Остановить это движение было невозможно. Лошади ржали, мешки срывались в пропасть. Трех лошадей с наездниками буквально сорвало с узкой тропы. Джегор летел вниз, теряя сознание, он смотрел в глаза бездны...

Игнат лежал с открытыми глазами в своей постели. На него смотрели удивленные зелено-серые глаза Глаши, его жены.

— Ты кричал, звал на помощь, напугал меня, — шептала она. — Может, выпьешь чаю с мятой или феназепамчику, видно, ты переутомился на работе, приходишь в одиннадцать, ничего не ешь. Я готовлю, готовлю — и все напрасно.

— Какого еще феназепамчику, джина с тоником не дала мне вчера

Нашествие монголов. Миниатюры из летописного свода

выпить, — недовольно ворчал он.

— И не дам, — чуть ль не закричала она.

— А я и слушать тебя не стану. — Он грубо оттолкнул ее и направился на кухню. Она тоже внезапно вскочила и бросилась к шкафчику-бару, загораживая его.

— Ты отвяжешься от меня, — кричал он, отстраняя ее. — Ну видишь, я заснуть не могу, я же не собираюсь напиваться, всего лишь полстаканчика.

— Сколько же это может продолжаться, не ешь ничего, а только пьешь, — чуть не плача причитала она.

— Не волнуйся, завтра в Мячково еду, тусовка интересная собирается, — уже более примирительно проговорил он, наливая в стакан свой любимый джин. — Ты же знаешь, у якутов не бывает похмелья...

Глаза Глаши были полны слез.

— Снова эти автогонки на всю ночь. А мне что прикажешь делать здесь, в пустой квартире? Ты так изменился с тех пор, как мы поженились. Столько лет встречались. Ты был другим семь лет назад, когда мы учились. Твоя мать всегда считала тебя инфантильным. Столько ждать,

когда ты окончишь институт. Зачем было затрачивать столько усилий на учебу? Высшая школа экономики, диплом в Лондоне, если все в конечном счете сводится к выпивке... Мне кажется, ты закрутился: работа до ночи, а чуть свободное время — пьянки, гулянки с непонятными друзьями... Нужно что-то менять.

Глаша готова была разрыдаться. Возникла тягостная пауза... Слова Игната зазвучали жестко и раздраженно:

— Ну что ты все ноешь, ноешь. Переночуй у родителей, если хочешь, только мне жить не мешай. Депрессия у меня, непонятно, что ли. Похоже, кое-кто на меня косится на работе, шепчутся за спиной, считают подхалимом, я это знаю, но мне все равно, я хочу и буду делать карьеру, — кричал он.

— Вот и хорошо, делай карьеру и пей поменьше, — уже более примирительно проговорила Глаша и отправилась в постель.

Он подошел к компьютеру, взял список участников завтрашнего заезда, и глаза его потеплели. Он знал, что первой будет Toyota-Supra, желтый металлик. Это была машина его приятеля по институту Антона

Максимова, того самого, чей отец взял его в свою фирму. Странно даже подумать, чем он должен заниматься — установкой и ремонтом нефтепроводов. И занесло же его... Конечно, он ничего в этом не смыслил, но взяли-то его потому, что лучше его никто в группе не знал английский. Он внезапно вспомнил ту жуткую школу-интернат в предместье Лондона, куда родители отправили его с сестрами учиться. Ни родных, ни близких. Он рос слабым и болезненным... Это были годы издевательств, где иначе как косоглазым его никто из ребят и не называл, и ни одного друга, все остались в Якутске. А чего стоили педагоги со своими комплексами, напоминающие говорящих роботов...

Впрочем, и Якутск теперь был таким далеким: сначала Лондон, потом Москва. Здесь замучил тотальный контроль родителей, а вот теперь Глашка. Какая-то беспросветность, но с ней-то, с Глашкой, он надеялся справиться... Он снова внимательно пробежал глазами список участников заезда: Honda-Prelude, белый перламутр с аэрографией — летящей кометой по бокам. Против этой машины значилось его имя — Игнат Новобутов. «Значит, мой заезд третий. Нельзя опаздывать, дай бог не задержаться на работе, а то все сорвется». Он подошел к окну, посмотрел на свою новенькую белую хонду под окном на стоянке и решил попытаться заснуть. Лег рядом с Глашей, потрогал ее за белесую прядь волос, погладил по спине, понял, что она то ли спит, то ли просто делает вид, закрыл глаза и решил сосредоточиться на чем-нибудь хорошем...

Тем временем Джучи и Джебеноян под Крышей Мира вступили в решительную схватку с мусульманами. Магометанский шах появился на поле раньше монголов. Одержав победы в Индии, он думал, что непобедим. Он имел под своим началом четыреста тысяч воинов. Он собрал своих атабеков и укрепил

свои тюркские войска отрядами из арабов и персов. Эту армию он повел на поиски монголов. Тактика монголов была выверенной. Долгий поиск утомил воинов шаха. Джегор оказался среди атакующих отрядов Джучи.

— Так значит, я не погиб, я выжил, но я ничего не помню, наверное, я долго был без сознания, на воспоминания не было времени...

В нем была необъяснимая ярость и сила: он с соратниками поджег несколько деревянных строений, от огня шел жар, истошно кричала скотина — шли напролом, громя все кругом изогнутыми острыми саблями. Его прекрасный конь гарцевал под ним. Он чувствовал себя завоевателем мира. Теперь он летел на своем скакуне, ветер бил в лицо. Казалось, только сейчас он ощутил свою мощь...

Игнат проснулся в бодром настроении. Он открыл глаза и не сразу понял, где находится. Эти странные сны-видения как будто преследовали его. И не то чтобы это раздражало. Порой он забывал их, но они повторялись снова и снова, и когда Игнат отрывочно что-то вспоминал, то ему казалось, что там, во сне, и была его настоящая жизнь.

Стрелки будильника показывали шесть часов. На работу Игнат обычно уходил в шесть тридцать, иначе из-за пробок он мог опоздать. Глаша спала. Он наскоро проглотил бутерброд, запил горячим чаем, надел отглаженную рубаху, натянул джинсы и выскочил за дверь, уже в лифте завязывая кроссовки. Кабина медленно, как бы нехотя, спускалась с шестнадцатого этажа. Он вежливо поздоровался с сонной консьержкой и выбежал в серое марево утренней Москвы. После прохладной квартиры с кондиционером московская дымка-смог, нависавшая над городом, казалось, проникала в каждую клетку тела. Дымовая завеса, прямо как в навязчивых снах. Он обогнул дом, весь двор — плат-

ная стоянка. Вот и его красавица хонда. В «Одноклассниках» он поместил несколько снимков своей ласточки, даже Глашка обиделась, приревновав его к ней. Он еще раз бросил взгляд на окна своей уютной светлой квартиры: три окна на шестнадцатом, после свадьбы родители оставили ее им, переехав в загородный дом в Тарасовку, недалеко от Москвы. На этот раз машин на дороге было мало, казалось, город пуст. Как будто люди бежали из душного марева... Снова возникла ассоциация со сном — опустевший город-мираж, занятый чужестранцами. Он сел в машину, и вскоре его хонда уже неслась по дороге. Пожалуй, скорость успокаивала его. Он включил кондиционер, стало легче дышать. Внезапно он подумал о какой-то беспроектной, навалившейся на него хронической усталости или скуке, когда хотелось покончить со всеми делами и что-то резко в жизни поменять. Скоро отпуск. Глашка мечтает всегда о чем-то экзотическом, например о Малайзии. Родители наверняка помогут с деньгами. Однако это тоже не особенно оживляло его. Ведь они уже неоднократно ездили отдыхать в Грецию, в Турцию. Но самое главное, что и Глашка его стала раздражать все больше и больше. Они знали друг друга целую вечность: в восьмом классе он был влюблен в нее, в девчонку со второй парты, зеленоглазую, да еще и с хорошим голосом, поющую в известном хоре, часто бывающую на гастролях за границей. Местная знаменитость. С ней все хотели дружить. Ему трудно было адаптироваться в чужом городе, в чужом классе, где у него не было друзей. Тотальный контроль родителей был невыносим, и она помогла ему, познакомила с ребятами, благодаря ей его жизнь стала веселее и интереснее. Но теперь все раздражало его в Глашке. Жизнь стала неразрешимой задачей.

Прохлада кондиционера действовала успокаивающе, и ему

вдруг вспомнилось детство. В семье Игнат был любимцем отца. Когда-то отец брал его на охоту, и это были лучшие воспоминания для него. Да и любовь к скорости, наверное, — тоже от отца. Они часто останавливались у друзей отца в устье Лены, в охотничьем домике. Разложив набухшую от влаги одежду на поленьях перед огнем, они грелись у очага. Вдоволь наевшись строганины нельмы, пили крепкий чай из жестяных кружек. Как любил он, Игнат, ездить на нартах, когда отец мог ухарски гикнуть, на ходу легко вспрыгнув на свое сиденье. Олени, несущиеся во всю прыть, забрасывали задние ноги, звучно щелкали копыта. Из ноздрей оленей вырывался пар. Влажный воздух от дыхания моментально густел, растягиваясь белым туманом. Голодные олени, почуяв, что дорога ведет к знакомым ягельникам, без понуканий бежали резво. Твердые снежные комочки, летящие от копыт, впивались в щеки, кололи их. И ему представилось, как он летит на нартах. Подавшись корпусом вперед, покачиваясь из стороны в сторону. Белые концы коротеньких оленьих хвостиков задорно подняты вверх, а небо озаряется сполохами северного сияния, как будто от заката до зенита пылает громаднейший сине-красный пожар. Игнат уверенно вел машину. Как давно это было... Вот, наконец, и Якиманка. Он приехал слишком рано, можно припарковаться и подремать.

«Вот здорово было бы съездить на охоту в следующем году», — мечтал он... Когда-то отец и его друг Арсен Бардыков показывали ему, как ориентироваться в тундре, определять нужное направление по редким кустарникам, мхам, лишайникам, по звездам... Проваливаясь выше колен в сугробы, они обходили ловушки на песца. Тяжелое бревно-гнеток, огороженное с боков заборчиками из тальниковых палок, висело над нетронутой приманкой. Это означало, что песец даже носа туда не

совал, может, потому, что приманка невкусно пахла... Охотники низко склонялись к земле. Он помнил, как отец впервые показал ему характерные отпечатки лапок зверька. Они то тянулись зигзагом, то описывали круг, то вытягивались в прямую линию. Так песец преследовал мышь. Игнат вспомнил, как впервые увидел зверька в ловушке. Зверек с маленькими округлыми ушками и черным носиком. Пока Игнат рассматривал его, отец заново заряжал «пасть», прилаживал свежий кусок рыбы...

Москва еще не проснулась, было тихо, и Игнат подумал о том, как же ему надоел этот грязный чужой громадный город, и сколько бы он в нем ни находился, все равно он никогда не сможет стать в нем своим... Он вспомнил английскую песенку о заблудившемся лягушонке. Возвратиться в Якутск — может, это было бы правильней, ведь у отца там уже была открыта сеть магазинов. Отец всегда был для него авторитетом, ему нравилось быть похожим на него. Удачливый, уважаемый в своем городе человек со связями, и бизнес у него был поставлен на широкую ногу: перепродавал партии стройматериалов, инструментов, ширпотреба. До сих пор его судьбу решали родители, ведь они не отправили его в Лондон, где отец также открыл два небольших вещевых магазинчика для старших сестер, купил им квартиру в пригороде. Он планировал, чтобы Игнат помогал ему здесь, в Москве и Якутске, а ему, Игнату, видите ли, захотелось самостоятельности, попробовать чего-нибудь добиться самому. Впрочем, Лондон тоже был чужд ему, и все же в глубине души была обида на отца, ведь в Лондоне больше перспектив. Хотя, с горечью думал Игнат, где бы он ни был, он никому не был бы нужен, везде драка за существование... Когда они учились в Лондоне, его старшая сестра уже решила во что бы то ни стало остаться там. Ее раннее неудачное замужество... Семья малазийца

Иванов С. В. Баскаки

Фарида имела дом в предместье Лондона, где она была третьей самой ненавистой невесткой в течение десяти лет. Она это выносила, лишь бы не возвращаться домой, но почему, зачем, ведь она была любимицей родителей, они звали ее назад... Откуда в ней было такое упорство? Это оставалось для него загадкой, с родителями ей было бы проще жить. После перестройки родители переехали из Якутска в Москву, купили под Москвой в элитном поселке красивый просторный дом, отделали его внутри белой плиткой под мрамор, настоящий белый чум, гордость каждого якута.

И снова перед глазами поплыли картинки из детства. Глубокий снег скрыл полноводную Лену, бесчисленные острова ее, песчаные косы и отмели. Прибрежные тальники застыли, покрытые инеем. Сюда вместе с отцом они приезжали к деду. Домашко — как две бытовки, за небольшой площадкой юрта, изгородь из жердей. Поодаль кучей навалены нарубленные для камелька сухие тальники. Из трубы над юртой сыплются редкие искры, которые быстро исчезают. Протяжно скрипит дверь. Бабушка достает с решетчатой полки, прилаженной возле камелька, железный лист с загнутыми краями. На листе

тонким слоем насыпаны зерна — ячмень, пересыпает их в ступку и толчет массивным пестом. Он, Игнат, помогает бабушке перемалывать ячмень на самодельных ручных жерновах. А какие вкусные и душистые получались у нее лепешки, они таяли во рту... Внезапно его разбудил будильник сотового телефона. Он звенел резко и назойливо. Игнат тотчас заглушил его, но сон не возвращался. Воспоминания исчезли, рассыпались... Пора на работу.

Теперь ему казалось, что он похож на китайскую марионетку, китайского болванчика. Приветливо улыбаться, быть услужливым со всеми, принимать и провожать гостей, исполнять поручения начальства, по совместительству работать переводчиком, отвечая то на английском, то на немецком на телефонные звонки, не иметь права расслабиться ни на минутку — такова цена хорошего места с карьерным ростом... А ведь он мог всего этого избежать, если бы согласился работать на отца, но тогда снова пришлось бы быть зависимым от родителей. Нет, он все сделал верно, ему необходимо было стать самостоятельным, испытать себя.

После пяти вечера напряжение на работе обычно спадало, если не

приезжали гости и не назначались совещания, где он неизменно был секретарем. В шесть часов его коллега и напарница Ольга обычно варила кофе для начальства, и ему порой перепадало, когда она звала его в маленький закуток-кухоньку, где на миниатюрном столике дымились аппетитные чашечки с китайскими дракончиками, а на блюдцах были разложены конфетки и печеньеца. До обеда Игнат бегал, как угорелый, вверх и вниз по лестницам офиса, собирая необходимые документы к составляемому договору. Однако после обеда начальство уехало, поручив ему готовить перевод договора на немецком языке. Задерживаться он не мог, ведь сегодня гонки, и он решил даже не ходить на обед, чтобы быстрее справиться с работой. Офис опустел, он почувствовал себя свободнее. Напротив его стола сидела Ольга и, достав зеркальце, пудрилась, собираясь на обед. В принципе, эта девочка с восточными чертами скрашивала его существование, он знал, что она недавно окончила институт и была на хорошем счету у начальства. Но вот и она ушла, теперь ничто не мешает ему поскорее закончить перевод. В мыслях он уже был в Мячково, похоже, заезд ожидался крутой, и ему виделось, как он мчит по трассе, вспомнились впадины и шероховатости дороги... Мысленно просматривал, прощупывал каждый ее метр, продумывал стратегию пробегания... Он открывал деловые письма, подбирал нужные слова, но от предвкушения предстоящего заезда все в нем напруглось, как будто стоило нажать на педаль — и он ощутит пьянящую радость скорости. Ему необходим был этот адреналин. Проклятые тяжеловесные фразы, дурацкая бессмыслица. Он не раз уже составлял подобные договоры. Какая-то тухлятина... Текст был практически шаблонный, и он размышлял, как отпроситься с работы хотя бы на часок пораньше, успеть проскочить до пробки. Внезапно он ощутил, что

сзади его обхватили горячие руки, почувствовал чье-то порывистое дыхание ему в затылок. Мелькнула догадка: неужели приехала Глаша... Он резко повернулся от неожиданности. Ольга радостно смотрела на него. Ее губы были влажные, чуть приоткрытые. Так близко он никогда их еще не видел... От внезапности происходящего он не успел прийти в себя, когда они очутились на кухне, между микроволновкой и столиком для чайных церемоний. Они целовались и не могли оторваться друг от друга. «Что же я делаю, что происходит», — стучало в голове. Как будто время остановилось... Забыть. Их отрезвил настойчивый телефонный звонок. Начальник спешил отдать распоряжение Ольге, заодно сообщая, что сегодня уже не появится, напоминая о необходимости встретить гостей в аэропорту. Им нужно было разбежаться... А за единственным кухонным окошком разбушевался настоящий ураган. Ветки дерева хлестали по стеклу. Дождь проливным потоком обрушивался на мостовую. «Это какое-то наваждение, — подумалось Игнату, — как я мог это допустить?» Ощутил еще большую пустоту и разочарование. Что же со всем этим делать? Служебный роман. Она сказала, что он давно нравится ей. Что ж, это льстило ему, он замечал уже не раз заинтересованные взгляды девушек на тусовке в Мячково. Но здесь, на работе, когда он все время под колпаком у начальства, быть еще и под наблюдением Ольги — это уж слишком для свободного гражданина. Он все время попадал в какие-то переделки, которые так тяготили его впоследствии...

Ему нужно было спешить в Мячково. Он еще раз взглянул в окно и подумал: так, значит, гонки будут проходить на мокрой трассе, что ж, это будет еще интересней.

С утра Игнату было поручено встречать немцев. Игнат разговаривал по-немецки так же свободно, как и по-английски. Делегация

состояла из трех человек: пожилого бизнесмена и двух его помощников — молодого немца с довольно резкими чертами лица и молодой женщины, подтянутой блондинки в квадратных очках. Сидя за столом переговоров, Игнат переводил речь начальника. Блондинка в очках так же была и секретарем, и переводчиком. Затем они корректировали договор. Обед с делегацией планировался в уютном ресторанчике «Гиацинт» напротив офиса, далее нужно было проводить гостей в отель в уже заказанные заранее Игнатом номера. День был расписан по минутам. После вкусного обеда он сопроводил делегацию в отель, затем отпустил машину с шофером, сославшись на то, что ему нужно выполнить поручения гостей, сходить в соседний супермаркет купить кофе, чтобы с раннего утра немцы были бодры. Он предупредил, что придет в офис через час, а попросту хотел остаться наедине с собой. Прошел по тенистой улочке, заглянул в близлежащий бар и заказал себе джин с тоником. Вскоре ему полегчало, напряжение прошло. Он практически не спал в эту ночь, не был дома, а сразу с гонок поехал на работу. Нужно было позвонить Глашке, но что он ей скажет? Впрочем, было и приятное в его жизни, удовлетворение от того, что показал хороший результат на трассе. Несколько раз подрезал рыжего выскочку, да и вообще теперь он был почти что мачо, он нравился женщинам, даже сегодняшняя немка-Эльза не хотела его отпускать. Все расспрашивала о Москве, о жизни... «Не хочу никакой семьи — это путы, которые тянут куда-то вниз», — говорил он сам себе. А ему хотелось двигаться вперед, побеждать...

На работу он в этот день так и не вышел, сказав начальнику, что нужен немцам, чтобы лучше разобраться с переводом текста договора, а сам еще долго сидел в баре, наблюдая за посетителями: за пожилым человеком, то ли артистом, то

ли художником, в вельветовом поношенном пиджаке, с платком на шее, листающим какой-то глянцевоый журнал; за безмятежной парочкой влюбленных... Ему подумалось, как давно он уже не безмятежен. Наконец, он решил, что пора ехать домой, нужно было отоспаться. Хорошо, если б Глашка была в институте, не хотелось ни о чем с ней сегодня спорить, тем более скандалить...

Ему повезло — он успел проскочить домой до пробки, и, к его неслезанной радости, Глашки не было дома. Он направился к бару, допил остатки джина и, едва добравшись до постели, отрубился.

Его удивили буйство красок, цветущие магнолии вокруг. На гнедом жеребце он мчался во всю прыть среди послов великого хана Хубилая, внука Чингисхана. Ветер бил ему в лицо. У правителя Персии, брата Хубилая, умерла жена-монголка. На смертном одре она разрешила мужу взять жену только из той же провинции, откуда сама была родом. Послы по приказу Хубилая торопились в Пекин, чтобы подыскать его брату подходящую невесту-принцессу, девицу семнадцати лет. Вот уже много дней и ночей они без устали скакали от провинции к провинции Персии, останавливаясь в «ямах», на промежуточных постах, которые порой состояли из нескольких юрт да навеса для сена. В каждом из них был табун сменных лошадей с юношами-пастухами и несколькими воинами-охранниками. Зычно вскрикивая, они оживляли взмысленных коней возле юрт, заставляя разбегаться враспынную других приезжих. Им немедленно выводили лучших коней на станциях как послам, исполняющим поручение хана. Путь казался бесконечно долгим, послов преследовала жара. «Зачем скакать так далеко, в Китай», — мелькало в голове у Александра, так звали его теперь. Почему столь знатный человек не мог взять в жены персианку с гибким станом, с огненными,

как уголь, очами, ведь выбор столь велик, а Китай уже давно покорен ордой. Здесь нет никакой политики, но рассуждать послам не разрешалось, нужно было исполнять приказ. Вот и теперь они скакали во всю прыть по дороге. Александр осадил ретивого — нужно было отъехать по нужде — и сделал знак товарищам. Он свернул с основной дороги и поспешил к придорожному кустарнику. Не успел он опомниться, как его конь в мгновение ока провалился в глубокий ров. Александр сообразил, что попал в засаду... Полет был недолгим, жеребец неестественно заржал, сломав ногу, а перед ним возникла громадная тигрица. Зверь, рыча, надвигался на него, готовый разорвать и коня, и всадника. Тигрица прыгнула. Александр увидел перед собой бешеные глаза голодного животного. Он похолодел от ужаса и оцепенел. Казалось, гибель неизбежна...

Игнат лежал на своей кровати, глядя в потолок. Эти наваждения-кошмары выматывали его. Для более крепкого сна нужно было опрокинуть пару стаканчиков джина, а теперь его мучила бессонница. Рядом лежала Глашка. На одно мгновение он залюбовался тонким профилем и разметающимися по подушке светлыми волосами, затем сел на кровать, зашарил ногами в поис-

ках тапок. Жажда мучила его. В это мгновение Глашка открыла глаза.

«Нет-нет, только не это», — подумалось ему.

— Ты куда это направляешься? — неестественно низким голосом спросонья заговорила она. — Снова выпивать? Ведь ты уже лег нетрезвый, сколько же это может продолжаться?

— Да спи ты, четыре часа только, ты что, меня караулишь, что ли? — пытался он успокоить ее.

— Тебе же на работу, — не унималась она, — ложись и ты, поспи еще.

— Не могу заснуть, бессонница замучила, кошмары какие-то, нужно немного опохмелиться.

— Не дам! — вдруг бешено закричала Глашка и кинулась к бару, заслоняя его.

— А я тебя и слушать не стану, — пытался он оттащить ее от буфета. — И вообще ты надоела мне со своими нравоучениями. Зачем пришла, оставалась бы у матери.

— И останусь, мне надоели твои пьянки и гулянки! — закричала Глашка не своим голосом. Она упиралась, как сумасшедшая, и хлестала его по голове каким-то журналом. Он приподнял ее и потащил на кровать, началась потасовка. В это время зазвонил будильник, который мгновенно отрезвил их обоих.

— Вот, дождалась, — зло заговорил он, — голодным приходится уходить на работу.

Васнецов В. М. Поединок Пересвета с Челубеем. 1914 г.

Монгольское нашествие. Миниатюры из летописного свода

— Зато трезвым, — отпаривала она.

Он наспех застегнул джинсы, набросил рубаху и, на ходу застегиваясь, выбежал за дверь. И снова он в хонде мчался по пустынным улицам каменного города. «Ели ноги унес из своей квартиры», — мелькнуло в голове. За полчаса он буквально вихрем донесся до Якиманки, где находился офис, запарковал машину, откинулся на сиденье. Ему почему-то вспомнилось, как после тяжелой детской болезни, кори, кажется, отец повез его в далекий поселок (улус), Крестиху, где жил известный шаман, чтобы он окончательно вылечил его, заговорил от болезней. Шамана звали Иэтэс Гуолу. Это имя отпечталось у него в мозгу. Он вспомнил человека в странном брэнчащем облачении, который бил в бубен, страшно завывая, произносил заклинания, прорицая что-то... Во время сеанса он, Игнат, заснул крепким сном, вот тогда-то и приснился ему первый страшный сон, будто он спасается от волков, бежит по краю поля по первому снегу, а волки преследуют его. Наверное, с тех пор и начались его странные сновидения, правда, поначалу они посещали его очень редко, но были яркими и запоминающимися.

Он внезапно услышал шум подъезжающего автомобиля, где-то рядом затормозила машина. Москва просыпалась, каменный город пробуждался. Из открытого окна доносился шум, и ему внезапно вспомнился другой шум, нарастающий, грандиозный, который бывал на реке, когда трещали льдины, громясь одна на другую, выползая на берега во время половодья Лены. Но в том шуме слышалось что-то радостное, весеннее пробуждение природы, а в этом шуме звучали монотонные, унылые нотки. Как хорошо было бы сейчас побывать в своем улусе, где они так часто в детстве бывали с отцом, куда и теперь частенько отец ездит на охоту, вдохнуть родной запах, пройти по лужкам, покрытым зеленой жесткой травой, но второй раз зазвонил будильник...

С утра начальник был не в своей тарелке, он сделал замечание Игнату по вопросу договора, велел закончить его до обеда, так как встреча была назначена на два часа. Игнат углубился в перевод, постоянно ощущая на себе испытующий взгляд Ольги. Это раздражало и отвлекало его. В двенадцать дня, когда договор был практически готов, он спустился на первый этаж и направился в соседнюю кафешку перекусить, созна-

тельно не заходя к Ольге. По дороге он решил позвонить Глашке: как-то плохо они расстались утром. К телефону долго никто не подходил, наконец в трубке что-то щелкнуло, раздался голос Глаши.

— Привет, — сказал Игнат.

— Привет, — с явным недовольством ответила она.

— Какие у тебя сегодня планы? — дружелюбно произнес он.

— Никаких планов, я собрала вещи и больше к тебе не вернусь, — резко ответила она. — Больше мне не звони, делай что хочешь, хоть упейся. — Она бросила трубку.

Игнат, зная ее взрывной характер, еще несколько раз пытался набрать ее номер, но телефон был отключен. На душе у Игната стало еще мрачнее, есть перехотелось вовсе. Внезапно его окликнули, Ольга нагоняла его.

— У тебя неприятности? — спросила она.

— Поссорились с Глашкой, она ушла к матери, — нехотя ответил он.

— Чего же грустить, мне кажется, вы с ней никогда не подходили друг другу.

— Может быть, ты и права, — промычал он, хотя хотелось наорать на нее, что не ее это собачье дело...

— Пойдем сегодня после работы в баре посидим, ты отвлечешься, — предложила она.

Он ничего не ответил, понимая, что нужно ехать домой, мириться с Глашкой, пока ссора не зашла слишком далеко.

День выдался напряженным. Начальник Игната сегодня явно встал не с той ноги, его все раздражало, он то и дело вызывал Игната к себе, отчитывая его. Как порой хотелось Игнату со всей силы заехать этому рыжему долговязому Вадиму Викторовичу за его железобетонность и непонимание, а тут еще вылезла неприятная ошибка в финансовой части, он ошибся на один ноль в итоговой стоимости. Это вообще вызвало у Вадима кучу негатива... И так весь день. Он даже не смог позвонить Глашке, только

написал короткую эсэмэску, что заедет за ней в институт для серьезного разговора. Игнат столько раз правил текст, что даже не заметил, как рабочий день подошел к концу. Ему напомнила об этом Ольга, об их договоренности отдохнуть и расслабиться, и все возражения Игната были бесполезны.

Бар «Пентагон» уже давно стал ночным клубом, и сегодня сюда в полночь должна была приехать известная группа. Игнат чувствовал себя не в своей тарелке, так как бар был довольно дорогим, правда, у него всегда была при себе небольшая заначка, но Ольга, почувствовав его смущение, сказала ему, что она все учла и заняла деньги из общественной копилки, которой сама и заведовала. Она заранее позвонила в бар, зарезервировав места, сама заказала себе и Игнату бутылку джина и тоник. Ощущение, что все происходит помимо его воли, не покидало Игната весь день. Ольга отлучалась в туалет, еще куда-то, к стойке бара, к ней подходили какие-то молодые парни, она пользовалась успехом, но ему это было безразлично. Он быстро хмелел, писал Глашке дурацкие эсэмэски, ноги его тяжелели, и он не мог сдвинуться с места. Глашка не отвечала, тоска все больше овладевала им... Веки его тяжелели. Тем временем на сцену поднимались музыканты. На фоне подвыпившей молодежи они выглядели инопланетянами с громадными ирокезами и боевым раскрасом... Зазвучали первые аккорды, и Игнату почудилось, что он в передних рядах войска. Невдалеке блестящей змейкой вьется река... «Где это я?» — будто спрашивает он себя, а зади ему слышится воинственный клич ордынцев. И впрямь, перед ним вырастает вражеский отряд. Передние ряды в кольчугах и шлемах, со

щитами, мечами и копьями. Стучат барабаны. Не успел он опомниться, как туча стрел пронеслась впереди него. Он слышит боевые призывы своих товарищей-ордынцев. Он чувствует прилив сил и ощущает боевой настрой, он готов к кровавой сече. Внезапно ему чудится что-то знакомое в облике врага: рыжеволосый, долговязый, он ранен, и Игнат понимает, что это князь Мстислав, его начальник. Он слышит, как он материт его. Мстислав в упор смотрит ему в глаза, замахиваясь секирой. Игнат в замешательстве. Внезапно он получает сильнейший удар по голове. Все темнеет в глазах... По лицу течет что-то вязкое, липкое, наверное, кровь, он открывает глаза. Это Ольга поливает его из какого-то кувшина.

— Что ты делаешь? — еле ворочая языком, спрашивает он.

— Пытаюсь тебя разбудить, — продолжая поливать его, весело говорит она.

— Кончай это, я же весь мокрый, голова раскалывается, — отмахивается он от нее.

— Вставай, пошли в машину, — угрожает она ему.

— Я никуда с тобой не поеду, — пытается он возразить ей...

Медленно из прилеска выезжал небольшой отряд баскаков. Несмотря на раннее время, княжий двор был уже на ногах. Ворота открыты. Вот уже несколько дней посланцы из окрестных деревень передавали страшную весть о приближении сборщиков дани, ханских наместников. Народ собрался на небольшой площадке близ колодца. На земле были расстелены ковры с медовой брагой, хлебом. На коврах лежали серебряная посуда, кубки, инкрустированные драгоценными камнями, женские головные уборы, украше-

ния, серебряные оклады икон. Но старший из отряда, Ыстапан, выехав на площадь, недовольно качал головой, выкрикивая что-то на гортанном языке. Вмиг на коврах появилось еще несколько горок утвари из серебристого металла, княжья песцовая шуба, но Ыстапан все еще недовольно мотал головой... Внезапно отворилась дверь близлежащей избы, откуда появились пять девиц в русских сарафанах с расписными платками на головах — красоты неопишуемой, с тяжелыми косами. Княжий слуга велел им низко кланяться ханским слугам. На лицах баскаков появились улыбки. К отряду подъезжали отставшие баскаки, и среди них Александр. Внезапно среди девушек он узнал Глашу. Его охватило смятение. Он прищипнул коня возле красавицы. «Моя, эта моя», — резко закричал Ыстапан, уловив желание Александра. Александр вглядывался в знакомое лицо, но внезапно вместо лица Глаши он увидел глаза Ольги. Александр отпрянул назад. А между тем народ на площади все прибывал. Явственно слышалось недовольство, народ роптал: «Когда уже эти поганые перестанут воевать русскую землю, убивать христиан, дадут нам отдохнуть и опочить от великой истомы и многотягости, от насилия татарского...» Кольцо вокруг баскаков начало сужаться... Откуда ни возьмись, как из-под земли, появилась княжеская дружина с мечами и секирами... «Да это бунт», — закричал грозно Ыстапан, ударив с силой нагайкой по земле. Грозный меч обрушился на голову баскака. Сборщиков дани обуял ужас, как по команде, они резко развернули коней, но дружина уже громила их...

г. Москва

РИЖСКИЙ НОКТЮРН МЕЧТЫ

ПОВЕСТЬ

Benedictus

— Я принадлежу к религиозной общине, о существовании которой ты никогда не слышал. Мы называем себя Benedictus — благословенные. — Анита сидит на кровати прямо, говорит тихо, уверенно, каждое слово ее весомо. — Не бойся, это не какая-нибудь страшная секта, — грустно улыбается она, поймав мой настороженный взгляд. — Община возникла после того, как в этот край пришла реформация. Лютеране устраивали погромы в церквях, жгли иконы. Люди вели себя по-разному. Многие примыкали к лютеранам, некоторые оставались католиками, подвергая себя опасности. — Анита прошла по комнате, села с ногами на широкий подоконник. — Несколько сотен человек, среди которых был и мой предок Артур Цандер, выбрали другой путь. Они отвергали реформацию, но считали также, что она — Божья кара католикам. Те утратили многие из молитв религии, которую когда-то принес на берега залива великий епископ Альберт фон Буксгевенд, ставший основателем Риги. По древним книгам они смогли восстановить утраченные особенности богослужения, нашли в старых свитках некоторые забытые молитвы, собрали проповеди первых епископов Риги.

Все это они не стали распространять среди других людей, поскольку опасались, что лютеране уничтожат их, а вместе с ними и собранное. Они решили вообще не допускать посторонних в свой круг. Внешне Benedictus перешли в лютеранство, но тайно продолжали совершать свои богослужения. Конечно, лишь ту часть службы, в которой не требуется участие священника, которого среди них не было.

Она говорит с почтением об общине. Только теперь я понимаю, почему для нее было так важно узнать, насколько религиозна наша семья. Неверующий ее бы просто не понял.

В номере полумрак. Горел лишь небольшой светильник над изголовьем двуспальной кровати. Я смотрю на точеные черты лица Аниты, ее силуэт. Он отчетливо виден в свете набирающей силу рижской луны.

— Почти так мы и живем до сих пор, — склонив голову, она пристально глядела на меня. — Ходим в другие христианские храмы, признавая их таинства, но самые главные богослужения проводим в своей среде. Мы не можем, к сожалению, совершать наши службы в древних храмах Риги. Мы очень любим ставшие кирхами Дом-

ский собор, который по-старому называем Domus Dei, церковь святого Петра. Чтим воздвигнутый некогда на территории замка меченосцев Виттеншайн храм святого Георгия — ecclesia st. Georgium. В нем уже пятьсот лет нет служб — лютеране устроили здесь склад. Все эти храмы даже более дороги нам, чем те, которые остались костелами. Все они воздвигнуты епископом Альбертом и его последователями. Мы очень чтим этого человека...

Я люблюсь ей, думаю о ней, об истории, которую она рассказывает. Думаю об этой горсти людей, пронесших свое сквозь войны и потрясения столетий...

— Можно сказать, что он создал общину Benedictus. — Я слышу благоговение в ее голосе. — Епископ являлся многим основателям общины. Помог им собрать, казалось, утраченные навсегда старые молитвы. Больше того, он дал им и новые молитвы. Их необходимо было читать для сохранения Риги. Ведь тогда созданное им государство рыцарского Ордена перестало существовать. Он хотел спасти хотя бы город. Мы до сих пор читаем данные им молитвы. И знаем, что он также делает это.

Анита говорит о епископе Альберте примерно так, как мы о своих святых.

— Он святой для вас?

— Мы почитаем его как святого... — Она долго молчит. — Он ближе нам, чем католические или православные святые. Епископ после завершения земной жизни не ушел из города, неведомым образом его душа продолжает жить здесь. На протяжении веков он много раз приходил к членам общины, помогал им своими советами, а действиями — ограждал от бед. И это не легенды прошлых веков. Моя мама видела его, они разговаривали, как мы с тобой сейчас. Епископ Альберт помогает общине сохраниться, а мы своими богослужениями храним вместе с епископом Ригу и само христианство в том виде, в каком оно пришло на эту землю.

Анита завораживает меня сейчас. Красива по-особенному. Она проповедует.

— Анита, а вы не думали поделить-ся своими молитвами с другими христианами?

— Мы боялись и боимся того, что они пренебрегут нашим опытом. Мы же можем раствориться среди них, и хранимое нами будет утрачено.

Вдруг Анита улыбается:

— Ты не думай только, что епископ Альберт защищает лишь Benedictus и здания города. Он заботится и обо всех других, живущих здесь. Вот только видим его только мы. Человек, не являющийся Benedictus, может увидеть епископа лишь в одном случае и лишь раз в жизни.

— Скажи, но почему ты говоришь обо всем этом мне, ведь ваша община — тайная?

— Я не должна тебе была этого говорить, мы даем обеты, но иначе мы с тобой не сможем сделать еще одну попытку быть вместе. Ты просто ничего не поймешь в моих действиях. Хотя, наверное, лучше эту попытку не предпринимать.

Она будто жалеет, что начала этот разговор.

Зато я не жалею и хорошо услышал все сказанные ею слова.

— Что за попытка? И почему еще одна?

Я ничего не понимаю, подхожу к Аните, беру ее за руку.

— Не понимаю, о каких попытках ты говоришь. Может, просто ты все усложняешь. Теперь, когда я все уже знаю, тебе надо успокоиться. Повинись в общине в том, что рассказала мне о вас, и оставим все как есть. Будем вместе, а ты, как и прежде, останешься Benedictus.

— Не торопись.

Ее взгляд печален.

— Боязнь впустить в свой круг новых людей привела к тому, что в Benedictus до сих пор остаются лишь потомки тех, кто создал общину, — продолжает она свой рассказ. — Первые века ее члены женились и выходили замуж только за своих. Потом стало ясно, что этот путь ведет к вырождению. Было много браков между дальними родственниками, рождались слабые дети. Benedictus поняли, что это путь к вырождению. Стали заключать браки с другими христианами. Сначала в общине были только немцы, но столетия разбавили их кровь. В нашей семье к общине принадлежит моя мама, она русская, но живущая в ней капля германской крови — от Benedictus, от Артура Цандера. А папа — латыш, лютеранин — до встречи с мамой он и не подозревал о существовании общины. Они тридцать лет вместе, но ее членом не стал и стать не может. Так и ходит изредка в свою кирху, меня в ней крестил. Я вместе с ним бываю в кирхе, а с мамой в церкви. Так что я и лютеранка, и православная. Но мое самое главное — это общие молитвы Benedictus.

— Вот и хорошо, — перебиваю ее я. — Твои родители живут вместе, чем мы хуже? Неужели ты думаешь, я запрещу тебе ходить в общину?

— Нет, конечно, не запретишь. — Анита грустно смотрит на

меня, дотрагивается рукой до моей шеи. — Все дело в том, что пока мы не можем быть вместе, как мои родители.

— Почему, объясни, наконец, — требую я.

— Какой ты нетерпеливый. — Она продолжает гладить мою шею. — Для того чтобы вступить в брак с человеком, не принадлежащим к Benedictus, женщина из общины должна прийти вместе с ним к Domus Dei и получить благословение епископа Альберта. Если он выходит к ним и благословляет, они могут быть вместе. Так было у моих родителей. И у всех других. Именно тогда мой папа единственный раз в жизни видел епископа.

Сказала и отвернулась от меня. Убрала руку с шеи, кажется, ей было очень трудно сделать это. Смотрит в окно.

А это еще что такое? Все то, что я узнал об общине, звучало, может, и необычно, но я воспринял это нормально, изучал много религиозных течений. Benedictus чем-то напомнили мне наших староверов. Я почувствовал искреннее уважение к этой общине, к почитанию ее членами епископа Альберта.

Но то, что Анита сказала о благословении... Никак не предполагал, что услышу нечто подобное. Я православный, и мы чтим своих святых, но мы же не ходим для того, чтобы заключить брак, к их иконам и не просим от них благословений.

— Послушай, Анита, я все понимаю, — стараюсь я проявить максимум деликатности. — Понимаю, что в вашей общине свои традиции. Но неужели без ее соблюдения нельзя обойтись?

— Я так и знала, что ты так прореагируешь... Я не смогу иначе. Давала обеты.

Она не отрывает своего взгляда от какой-то точки на ночном небе.

— Хорошо, я пойду с тобой к Домского собору, и мы будем вместе ждать благословения епископа.

Что я мог еще сказать, если у нее такая вера, если они так чтут епископа Альберта? Сейчас нельзя ее отпугнуть, когда только что нашел. Аниту, однако, совсем не радуют мои слова.

— У нас почти нет шансов, мы уже безуспешно попытались получить его.

Анита, наконец, отворачивается от окна, смотрит на меня. На глазах слезы.

— Первый день, когда встретились, когда целовались — да вспомни ты, как мы пришли к Domus Dei. Я сразу поняла, что ты вошел в мою жизнь навсегда, стояла, долго стояла и ждала. Ждала, что придет епископ и благословит нас. Но его не было...

Я вспомнил, как изменилась она тогда, как выглядела, после того как застыла в молитве возле собора.

— Поэтому я и решила оставить тебя. Дала неверный номер телефона, даже из экскурсионного бюро уволилась, попросив администраторов никому обо мне ничего не говорить.

Во взгляде ее появляется нечто новое — вина. И говорит, будто прощения просит:

— Знаешь, за те столетия, пока Benedictus жили обособленно, у некоторых из нас — может, это произошло из-за браков между родственниками, — развились не вполне обычные способности. В принципе, ничего особенного... Кто-то может снимать рукой боль. А я... Я могу внушать желания и нередко читаю мысли. Я хотела, чтобы ты забыл меня, и старалась внушить тебе это.

Я вспомнил те непонятные мне минуты, когда я желал вычеркнуть ее из своей памяти. Вспомнил и то, как отпустил меня сержант. Он даже документы не посмотрел. Ни мои, ни Аниты. Не проверил, женаты ли мы. Понимаю, почему — Анита постаралась.

— Не знаю, что ты внушила полицейскому... — У нее виноватый вид. — Но со мной у тебя ничего не получилось, и ты знаешь об этом.

Анита кивает мне, ей неловко сейчас смотреть на меня.

— Что ж, если нам не обойтись без благословения, если по-другому нельзя, нам надо сделать еще одну попытку, ты сама говорила о ней, — напоминаю я.

Понимаю, что мне не удастся уговорить ее обойтись без соблюдения этой традиции.

Анита отрицательно качает головой. Старается всем своим видом выразить одно слово — «нет». Но оно, как я вижу, не очень твердое.

— До сих пор, а я знаю все про Benedictus, если епископ Альберт и благословлял возлюбленных, то, за редчайшим исключением, только тогда, когда они в первый раз приходили за ним. Многие пары, не получив благословения сразу, продолжали делать новые попытки, но все их усилия, как правило, оказывались тщетными. Епископ явился лишь двум таким парам, а знаешь, сколько их было за столетия? Я верю в мудрость епископа Альберта, — продолжает она. — Большинство мужчин и женщин, которые не увидели его у Domus Dei, со временем просто забыли друг друга. Находили потом счастье с другими. Получается, что епископ был прав, когда не выходил к ним. Но все равно я бы пошла с тобой к собору снова и снова, если бы не один случай, он произошел с девушкой из нашей семьи и ее возлюбленными. Они не получили благословения, и их жизни оказались изломанными. Я боюсь, что с нами случится то же самое...

— Объясни, Анита, почему мы должны повторить их судьбу?

— Я почти уверена в этом.

У нее непреклонный вид. Застыла, как статуя.

Статуя...

И тут я вспоминаю, как, потеряв Аниту, подолгу смотрел на другое лицо, лицо каменной двойницы Аниты. История со статуей совершенно вылетела сегодня из моей головы. Впрочем, не удивительно, что я забыл ее, когда снова увидел как Аниту.

— Знаешь, видел в старом городе статую женщины. Она как две капли воды похожа на тебя. Чуть с ума не сошел... Даже фантазировал, что ты — это ожившая она, — говорю я ее глазам.

Рассказываю о том, как узнал в статуе ее, как казалось тогда, потерянную, о том, что рассказала мне кокетливая дама в кафе...

Анита слушает меня внимательно. Временами улыбается, иногда хмурится, но больше грустит. Потом спрыгивает с подоконника, теперь она стоит рядом со мной.

— Очень интересно было услышать от тебя историю сестры моей прабабушки. Она и есть та женщина из нашей семьи, чей союз с любимым там не благословил епископ Альберт. Мне очень не хотелось рассказывать тебе эту историю. Но пойдем теперь до конца. Твоя собеседница, конечно, не знала, что Эльза принадлежала к Benedictus. Не знала она и того, что любила она всю жизнь одного и того же человека. Он не был в общине. Она, как и я тебя, отвела его к Domus Dei. Епископ Альберт не пришел к ним. Тогда она открылась ему, они ходили к собору снова и снова. Напрасно. Мужчина не выдержал этого. Он был морским офицером и перевелся служить с Балтики на Черноморский флот. Больше он никогда не возвращался в Ригу. Через несколько лет после его отъезда его товарищ, также некогда служивший в Риге, написал Эльзе, что ее возлюбленный покончил с собой. Она отказалась поверить в это. Ждала его всю жизнь. До самой своей смерти она была готова принять его и снова идти с ним просить епископа Альберта соединить их. Этой статуей она, верно, хотела поставить памятник своей горестной жизни в ожидании любимого. Эльза приказала изваять себя обнаженной — всю жизнь оставалась открытой для него. Мне страшно, что мы повторим их судьбу, — продолжает Анита после паузы. — Поэтому и решила все прекратить как можно раньше.

— Ты полагаешь, что у нас будет так, как и у них, только потому, что вы так похожи? — догадываюсь я и добавляю твердо: — У нас все будет по-другому. Верь в это.

Я беру ее за руки.

— Не только я похожа на Эльзу. Ты тоже...

— Что я? — честно говоря, я не понимаю ее.

— Ты и тот офицер — вы как близнецы... Я боюсь за тебя.

Она крепко сжимает мои руки.

— И что из этого следует? Судьбы не обязательно повторяются, иначе все оказалось бы слишком просто.

Она будто не слышит меня.

— Ваше сходство заставило вздрогнуть меня, когда ты подошел ко мне в парке. Я испугалась. Сперва не хотела разговаривать с тобой. Сразу испугалась того, что с нами произойдет то же, что с Эльзой и ее офицером. Но это продолжалось лишь первые мгновения. Мне было с тобой так хорошо, как ни с кем. Я поверила, удивительно быстро поверила, что у нас все сложится хорошо. Я была счастлива и хотела сделать счастливым тебя. — Анита освобождает свои руки из моих, гладит мои плечи, шею.

Я знаю теперь, почему она скрылась, как тяжело ей было с того самого момента, когда мы ушли с Домской площади.

— Я люблю жизнь, секс, у меня были мужчины, но каждый раз все заканчивалось так же быстро, как и начиналось. Никого из них я не приводила к собору. Тебя привела, но епископ Альберт не вышел к нам. После того, как скрылась от тебя, долго убеждала себя, что лишь порыв страсти привел меня и тебя к собору... Напрасно...

— Напрасно другое, — твердо говорю я. — Ты должна была сразу, в тот же день рассказать мне все. — Смотрю ей прямо в глаза. — Подумай о том, сколько мы пережили, когда расстались. А если сейчас снова ни на что не решимся, будем

страдать еще больше. Кто мы друг без друга?

Кажется, я убеждаю ее.

— Хорошо, — еле слышно говорит наконец, — мы попробуем. Но если ты повторишь судьбу этого офицера, я не буду страдать всю жизнь. Покончу с собой... Я уже думала об этом, когда тебя не было.

Анита прижимается к моей груди, замирает. Я слышу ее частое дыхание.

— Мне страшно... Если не получим благословение, придется расстаться. Мы, конечно, сможем быть вместе, но недолго...

— А мы с тобой получим его. Будем среди тех немногих, кому это удалось не с первого раза, все будет хорошо, — уверенно говорю я.

В душе уверенности меньше. И это не связано с епископом Альбертом. Я очень стараюсь не думать о том, что сам еще не рассказал Аните все о себе. Всему свое время. Сегодня точно не надо — ей и без того нелегко.

Она будто спряталась в моем объятии.

— Вообще-то я тоже сегодня, когда тебя увидела, подумала, что, может быть, епископ все-таки благословит нас. Судьбы похожих внешне людей не обязательно повторяются, правда? — Она смотрит на меня с надеждой. — Посмотрела на тебя и подумала о том, что, возможно, стоит рассказать все. Очень трудно было на это решиться. Я пришла к тебе и пыталась заставить себя сделать это. Прости мои слезы. Ты помог мне справиться с собой, с моим страхом, уверенностью поделился. А я так боялась, что ты не поймешь.

Мы решаем идти к собору завтра. Ранним утром. Самое подходящее время, возле храма никого нет.

Она улыбается, кладет мне руки на плечи. Я обнимаю ее за талию.

Анита лукаво поглядывает на меня.

— Да, мы пойдем снова к собору.

Хотя ты этого и не заслуживаешь.

— Это почему? — не менее лукаво спрашиваю я.

— Ты был сегодня злой, пьяный, грязный, несносный и даже драться собирался, так на всех злился.

По мере перечисления этих слов она один за одним сгибает пальчики на руке. Одной руки не хватает.

Мой вид она описывает точно. Но как поняла, что я был зол не на этих молодых людей, а именно на все окружающее, на все вокруг меня?

— Мысли читала? — вспоминаю я о ее особенностях. Притягиваю ее к себе. Провожу губами по ее губам. — Я был злой из-за того, что не могу найти тебя.

Наши губы чувствуют друг друга.

— А мысли читать особенно и не требовалось. На лице у тебя злоба на весь мир была. Сразу пропала, когда меня увидел. — Ее руки ласкают мои плечи. — Вообще я не хочу и не буду читать твои мысли. Это я решила с самого начала. И внушать тебе больше ничего не буду, сама ругаю себя за то, что такое позволила. Мы должны быть на равных.

— Ты безобразница. И полицейского обманула, — обнимаю ее за талию.

Ее лицо совсем близко, люблюсь каждой черточкой.

— Больше не буду. — Она старается говорить с интонациями нашальной девочки. Ее голубые глаза смеются.

— Хорошо, я тебя прощаю, но только потому, что у тебя такие честные глаза и такой красивый хвостик. — Я глажу ее волосы. Затем слегка отстраняю от себя. — А еще у тебя очень симпатичная желтая майка. Больше всего мне в ней нравится то, что под ней ничего нет.

Она притворяется, что не слышит последней реплики.

— Желтый цвет любят, к твоему сведению, выдающиеся люди. Маяковский, например, любил надевать желтую кофту.

Она кладет руки на мою грудь.

— Сейчас я очень хочу ее снять, ее и все остальное.

Мы берем друг друга. Я слышу музыку любви в каждом ее стоне.

Анита, казалось, заснула. Впервые рядом со мной. Я смотрю на нее.

Не знаю, поверил ли я Аните, всем ее словам о необходимости получить знак епископа Альберта.

С одной стороны, наши святые являлись и являются множеству людей. Как знать, может, и епископ Альберт святой человек для этой земли? Может, он и правда является к Benedictus? Тем не менее одно дело — услышать и поверить во что-либо прочитанное, услышанное, тебя не касающееся, и совсем другое — нынешние события.

А что если Анита просто-напросто больна? Ведь и такое может быть. Нет, я не сомневался в том, что каждое ее слово — правда. Но это могла быть правда расстроенного разума. Твердо знал лишь одно — к собору я с ней пойду.

Я так ничего и не сказал Аните в этот вечер, почему мы уже из-за меня, возможно, не сможем быть вместе. Убедил себя, что если откроюсь, нанесу ей еще один удар, а вынесет ли она его сейчас? Если же она действительно невменяема и вся эта история — лишь полет ее больной души, то в объяснении необходимости не будет. В таком случае я просто не отпущу ее от себя, познакомлюсь с ее родителями, скажу, что люблю ее и буду заботиться о ней. Буду стараться вылечить ее — если удастся, тогда и объяснимся. Если нет — все равно не оставлю.

Постепенно я начал засыпать.

— Если почувствуешь или увидишь опасность, подумай о епископе Альберте или о петухах кирх, — вдруг прошептала Анита. Она приподнимает голову, которая так уютно лежала на моей руке. — Прошу, сделай это ради меня, это защищает от беды, есть у Benedictus такая примета.

— Хорошо, хорошо, — я глажу ее плечи, затем кладу руку на голову Аниты, возвращаю ее на место.

Релаксация

Будильник звонит в назначенное ему время. Решение принимается без слов.

Не сговариваясь, мы игнорируем его.

Сегодня мы не идем к собору. Целый день проводим в номере и на улицу не выходим. Мы даже не одеваемся, просто проводим день вместе.

Для нашего похода нужны силы, нужно быть собранными. Особо Аните — она готовится воззвать к епископу, просить его благословить нас. Так заведено у Benedictus. Я не уверен, существует ли епископ вообще, но разделю с ней все, что суждено.

У нас пока нет сил... Есть лишь решимость, но ее мало. И меня, и Аниту слишком обессилила разлука. До встречи мы еще как-то держались, лишь теперь ощущаем, какой удар нанесло нам обоим расставание.

Вдруг я замечаю небольшие шрамы на ее левой руке — на запястье, там, где вены. Я знаю, что они означают — мой знакомый когда-то вскрывал вены. Летом у Аниты шрамов не было, не мог я такого не заметить.

Она замечает, что я увидел их.

— Анита, как это произошло?

— Около месяца тому назад. Никогда о таком даже не думала. Но тогда все вокруг казалось таким черным, и выхода из этой черноты я не видела. Вот и... Потом справилась с собой, вызвала скорую.

Я понимаю ее, и еще я понимаю, что накануне она не преувеличила, когда сказала, что может покончить с собой из-за меня.

Ничего не говорю Аните. Просто опускаюсь на колени и целую ее ноги.

Когда поднимаю голову, пугаюсь боли, которую встречаю в ее глазах.

— С тобой могло произойти несчастье, когда ты напился, я весь день чувствовала это вчера.

Больше этой темы мы не касаемся.

Мы счастливы сегодня и обессилены последними месяцами. В этот день мы лечим друг друга, даем друг другу силы. Делаем это взаимосозерцанием, ласковыми прикосновениями.

Я долго глажу ее волосы. Анита развязала накануне желтый шнурок,

собирающий их в хвост. Теперь они лежат свободно. Потом я закрываю глаза, а она ласково скользит пальцами по моим губам, шее, груди. Мы не занимаемся любовью, мало разговариваем. Просто помогаем друг другу.

Анита читает несколько, всего несколько своих стихотворений. Короткие, без сложных конструкций, они очень разные. Есть философские, есть с сильным зарядом эротики. Еще в одном я вижу такой срез Риги, который сам прежде не замечал. Плачущий в дожде город.

Спокойные часы вместе помогают собрать силы для завтрашнего, а возможно, и для следующих походов к собору.

Мы ложимся, она крепко прижимается ко мне. Я чувствую ее губы на своем плече, чувствую ее всю — ее груди, бедра, пальчики ног.

Прежде, когда спал не один, всегда немного отодвигался от женщины. Так было удобнее. А теперь, когда Анита так близко, захотелось, чтобы она была еще ближе, чем сейчас, почувствовать ее полнее. Я еще крепче обнимаю ее, сам прижимаюсь к ней.

В итоге мы принимаем, наверное, не самую удобную позу для сна. Но впервые за последние месяцы я отключаюсь быстро и без снотворного. Перед самым сном вспоминаю о Белом всаднике. Потом как-нибудь расскажу ей. Не к спеху. Я боялся, что его появление — плохое предзнаменование в моих поисках. Но Анита теперь рядом. И она спит.

«Долгая дорога в дюнах»

Будильник разбудил меня сразу. Я проснулся легко, как после отпуска. И тут же заметил, что Аниты рядом нет. Неужели... снова ушла?

В страхе вскочил с кровати.

Анита стоит у окна полностью обнаженная. В комнате не жарко. Вечером оставили форточку приоткрытой.

— Тебе не холодно? — обнимаю ее за плечи.

— Нет, мне хорошо, я так лучше чувствую все вокруг, я открыта, не замкнута в себе. Иногда это помогает расслабиться, иногда, как сейчас — сосредоточиться.

— Ты поэтому и босиком любишь ходить?

— Очень люблю, ощущения более полные. И тебя приучу. — Она прижимается спиной ко мне.

Еще не рассвело, но мы хорошо видим дорогу, в Риге выпал первый очищающий снег. Еще осенний. Я и Анита решили идти пешком — ходьба помогает собраться.

Мы прошли по улице Вольдемара мимо еще неоткрывшихся магазинов «Ригас Бальзамс» и «Оптима», миновали темные окна здания поликлиники. Свернули на площадь святой Гертруды. Скоро были уже на центральном проспекте города — улице Бривибас. Оставив позади себя здания правительства, православный собор Рождества Христова, памятник Свободе, вошли в пустынный еще старый город.

Убранный снегом Домский собор красив по-особенному. Он более величественный. Снег украшает его, оттеняя те грани, которые менее заметны в другое время года.

Мы прошли по белой скатерти площади и вскоре были возле собора, рядом с его башней, с той стороны, где храм смыкается с пристроенной к нему галереей бывшего монастыря и музеем. Возле собора Анита остановилась, сложила руки, как делают это католики на своих службах. Шептала молитвы на латыни.

Площадь осталась пустынной.

Мы уходим ни с чем. Она была очень бледна. Очень крепко сжимала мою руку. Дорогой до гостиницы мы почти не разговаривали.

Несколько следующих дней также не принесли успеха. Каждый день в надежде мы приходили к собору. И каждый день этой надежды у меня оставалось все меньше и меньше.

Анита почти ничего не ела в эти дни. Изредка мне удавалось уго-

ворить ее не заставляя меня есть одного, и она брала кусочек хлеба или йогурт. Она еще больше похудела. Но она не отчаивалась, я чувствовал, что Анита собирает в себе силы для наших походов, укрепляется внутренней уверенностью. Она стала выглядеть более собранной, решительной и оттого даже суровой.

Это была суровость человека, поставившего себе цель. Примечательно, что эту суровость я много раз замечал во всем облике Риги, корабля, плывущего через испытания. Да, это одна из черт этого города, который может быть и игрушечно милым, и солнечно жизнерадостным, но может и часто — суровым. Эта суровость есть в древних кирхах. И в амбарах, и в более новых зданиях, во всем духе города на Даугаве. Что ж, Анита — истинная его дочь — суровая и собранная в своем стремлении к цели.

Ее собранность помогает ей сдерживать эмоции, которыми она полна. Мне это не всегда удается. Я устал от бесполезных походов к собору, раздражен. Несколько раз срывался, был груб с Анитой. Хорошо, грань не переходил. Когда повышал голос, не затрагивал тему Benedictus, необходимости благословения.

Я придираюсь к каким-то мелочам. Она не говорит в ответ ни слова. Просто сидит на кровати в своей любимой позе — положив голову на сложенные на коленях руки. Изредка смотрит на меня — взглядом просит остановиться. Пламя ссоры не вспыхивает.

Я выхожу из номера, выкуривая несколько сигарет в подвале гостиницы — только здесь разрешено курить. Успокаиваюсь. Мне становится стыдно перед ней. Я возвращаюсь в номер. Сажусь на кровать рядом с ней. Обнимаю, прошу прощения. Она прощает, кладет голову мне на плечо. В эти минуты я понимаю, что в чем-то она сильнее меня.

К счастью, я срывался редко, в остальное время как мог подерживал Аниту, но сам очень пере-

живал за нас, наше будущее. Меня не оставляла мысль, что, может быть, Анита все-таки больна, и тогда мы так и будем ходить к собору, пока она не истощит свои духовные и физические силы. Если же все обстоит так, как она говорит, то вдруг у нас ничего не получится, епископ не благословит нас.

Меня пугала и влекла день ото дня растущая страсть Аниты, когда ночами мы любили друг друга. Я чувствовал, что она страшно боится того, что скоро нам придется расстаться, и хочет впитать часть меня навсегда, чтобы хранить ее, как память. Я видел отчаяние в ее неистовых ласках.

Может, Анита, предчувствуя разлуку, хочет забеременеть? Я гнал от себя эту мысль. От нее становилось очень горько на душе.

Несколько раз она снова напоминает мне о том, что в случае какой-либо угрозы необходимо подумать о епископе или о петухах.

Домой к себе в эти дни она меня не зовет, не уверена в нашем будущем, оно зависит не только от нас.

Ранение

В очередной раз, усталые и разочарованные, мы возвращались из старого города. Очень хотелось спать. К тому же было трудно идти: накануне вечером был долгий дождь поздней осени, везде стояли лужи, а к утру подморозило, улицы стали сплошным катком.

На одном из перекрестков я на несколько шагов отстал от Аниты, пытаюсь закурить на ветру. Пряча зажигалку от порывов ветра, я прикурил, поднял голову.

На перекрестке как раз включился зеленый свет. Анита пошла по переходу. Единственный подъезжающий к нему автомобиль, старенький Volvo, не смог остановиться перед зеброй... То ли водитель поздно затормозил, забыв про лед на улице, то ли просто не сменил шины на зимние, но машину заносит, и она,

вращаясь, выезжает на переход. Анита видит машину, но она уже слишком близко к ней.

Я рванулс вперед, поскользнулся, начал падать, но в этом падении постарался прыгнуть вперед. Не знаю, как мне это удалось, но я оттолкнул Аниту от машины. А сам увернуться от нее уже не смог. Она ударила меня по руке и боку. Правда, водитель тормозил и одновременно крутил руль, поэтому, видно, удар и не имел роковых последствий.

В итоге Анита полетела в одну сторону, я, стукнутый машиной, — в другую, сам автомобиль замедлил свое зигзагообразное движение и наконец остановился.

Упал я как раз на руку, по которой стукнула машина. Боли сперва не почувствовал, не до того было. Вскочил и бросился к Аните. Вроде с ней ничего страшного. Она уже встала и сама с испугом смотрела на меня, переживая, все ли в порядке.

Высокий мужчина выскочил из машины и бросился к нам. Этот пожилой человек испуган, мечется вокруг нас, извиняется на очень плохом русском. У него длинные усы, одет в старенькую, модную когда-то, наверное, годах в восьмидесятых, кожаную курточку, узкие джинсы.

Кажется, однако, что худшего удалось избежать... Поэтому и еще оттого, что слишком измучены неудачным походом, мы не очень ругаем его. Полицию не вызываем. Так и расходимся с этим законсервированным в восьмидесятых годах модником. Оставляем его возле Volvo, который теперь категорически не заводится.

Через квартал я понимаю, что не все так хорошо, как казалось сначала, в самой горячке происшествия. Бок практически не болит. А рука распухла, плохо слушается меня. И болит к тому же. Боль почище зубной. На красивейшей площади Гертруды я чуть не теряю сознание. Мне кажется, что стоящая на площади кирха покачивается,

плывут куда-то здания с роскошными фасадами...

Анита почти на себе тащит меня в травмпункт. Дежурный врач, строгого вида женщина с аккуратной прической, мгновенно делает мне обезболивающий укол, руке становится лучше, а она ее внимательно осматривает.

Анита сидит в уголке кабинета, с тревогой наблюдая за происходящим. Врач неожиданно и резко дергает мою руку. Укол лишь смягчает рванувшуюся из локтя боль, я вскрикиваю.

— Все-все, — успокаивает меня и побледневшую Аниту врач, — больше уже больно не будет. Я устранила вывих, — объясняет она. Затем, когда я немного прихожу в себя, строго продолжает: — Теперь вам надо идти в больницу. Не бойтесь, ничего страшного, скорее всего, нет. Но, кажется, серьезно поврежден сустав и еще очень сильный ушиб. Есть и открытая ранка — кожа немного содрана, сейчас перевяжу. А что касается сустава, это самое плохое, вам придется сделать небольшую операцию. Под местным наркозом.

— Можно подождать несколько дней? — Я не хочу терять время на лечение.

— Можно, но придется терпеть боль, таблетки не очень помогают в таких случаях, как ваш. Но медлить с операцией нельзя, могут быть очень серьезные последствия. Не исключено развитие опухоли. Надеюсь, вы понимаете, что это значит.

Я спрашиваю, сколько стоит операция. Выясняется, очень приличную сумму, характер повреждения редкий, объясняет врач, потребуется сложное оборудование. Что ж, моя страховка покроет расходы. На всякий случай всегда делаю дорогой полис. Я благодарю доктора за помощь и консультацию, ишу сначала в нагрудном, а потом и во всех других карманах медицинскую страховку. Ее нет. Что ж, о худшем лучше не думать, наверное, выложил

из пиджака, и она где-нибудь в гостинице.

Расплачиваюсь наличными. На это их хватает.

— Обязательно на ночь сделайте перевязку, иначе может быть нагноение! — наказывает врач.

Страховки мы в номере не находим. Телефона страховой компании я не знаю, и название, как на грех, вылетело из головы.

К вечеру боль в руке снова становится невыносимой. Таблетки облегчения не приносят. По-хорошему, надо идти в больницу, но этого без страховки я сделать не могу. Денег осталось очень мало. Можно было бы позвонить в Москву, попросить прислать их, но к кому обратиться?

Родители мои — люди очень пожилые, они просто не знают, как сейчас это делается. В Москве завтра начинаются праздники — на четыре дня. Но все уже разъехались. Брат с женой улетел в Черногорию. Троюродная сестра два дня как в Италии. Роман на даче в Ярославской области, его мобильный там не работает. Второй друг тоже уехал. Еще один приятель, правда, в городе, но он сам в больнице. В общем, пока праздники не пройдут, просить в Москве не у кого.

К Аните обратиться я и не думаю, не сможет она помочь, я знаю, что ее семья живет более чем скромно... Остается терпеть боль, что я и пытаюсь сделать.

— Поезжай в Москву, — просит меня Анита.

Я сижу в кресле, откинув голову на спинку, она стоит рядом на коленях, гладит мою руку.

— Об этом не может быть и речи, — отрезаю я. — Никуда не поеду, пока не увидим епископа Альберта. Потерплю как-нибудь.

На самом деле очень боюсь, что если уеду, то она снова пропадет, как уже было. Ведь епископ так и не благословил нас. Что если она, оставшись одна, решит смириться с этим, спрячется от меня? Если же все эти знаки и благословения — ее фан-

тазии, тем более уезжать нельзя. Нельзя мне ее оставлять. Остается одно — терпеть боль, а завтра утром раненько отправляться на Домскую площадь...

Потерплю несколько дней, если ничего не изменится, то и правда в Москву придется ехать. Только ее заберу с собой. Так и решаю про себя.

Решил терпеть несколько дней, но сил делать это нет уже сейчас. Боль от руки отдает в каждой точке тела.

Анита снова и снова уговаривает меня ехать. Я с трудом сдерживаю стоны — так хочется хоть стонать, когда так больно, — но упорно отказываюсь.

Чтобы убедить ее, напоминаю ей историю Эльзы и офицера.

— Вспомни, он уехал. И уехал навсегда. Покончил с собой. Ты об этом не подумала?

Говорю нарочно жестко. Мне надо убедить ее. Анита вздрагивает, будто я ее ударил. Садится на кровать. Закрывает глаза. Не плачет. Просто молчит. Я пытаюсь, как могу, разговорить ее. Понимаю, что не следовало бы мне этого говорить. Хочу погладить ее волосы. Она резким движением руки отталкивает меня. Стремительно встает.

Не предполагал, что она может быть такой разъяренной.

— Я никого не любила и не люблю так, как люблю тебя, — тихо, еле сдерживая гнев, говорит Анита. — Я безумно боюсь за тебя. Как же ты мог допустить, что я об этом не подумала?

Кажется, еще немного — и даст пощечину. Не буду уворачиваться. Заслужил.

— Если ты уедешь и покинешь меня навсегда, если с тобой что-нибудь случится, я обязательно сделаю то, о чем говорила тебе. — Анита четко произносит каждое слово. — Но я верю тебе, я знаю, что ты обязательно вернешься. А вот подумал ли ты сам, о чем нам сказал врач? — Гнев ее лишь усиливается. — Ты слово «опухоль» слышал? Ты не

боишься покинуть меня действительно навсегда, если останешься без операции? Тебе надо ехать. У меня нет денег. И богатых знакомых нет.

У нее дрожат губы. Я хочу обнять ее. Она сопротивляется, но я сильнее. Кончается дело тем, что она прекращает злиться, но снова и снова просит меня уехать.

— Я буду ждать тебя, — говорит она.

Я снова отказываюсь обсуждать саму идею отъезда в Москву. Наконец, не выдерживаю и предлагаю уехать вместе через несколько дней, а потом вернуться в Ригу.

Теперь уже непреклонна Анита.

— Оттягивать отъезд нельзя, что, если врач ошибается? Знаешь, как иногда быстро развиваются такие заболевания?

Я сердито напоминаю ей, что вряд ли она знает это намного лучше меня, все-таки учится в институте на окулиста.

Каждый из нас стоит на своем. Мы стоим друг против друга и ругаемся.

Неожиданно Анита отходит в сторону. Несколько минут молча смотрит в окно. Затем оборачивается. У нее решительный, собранный, как во время похода к собору, вид.

— Кажется, я знаю, что делать. Достану деньги. Только потерпи несколько часов.

Она обувается, надевает свое драповое пальто. Целует меня. Затем подходит к столику, быстро пишет что-то на листке бумаге, протягивает его мне.

— Позвони, если станет хуже, сразу приеду.

Хорошо, что вспомнила. Ведь у меня в мобильном телефоне записан ее неверный номер. После того, как мы встретились снова, в звонках нужды не было — я и Анита практически не разлучались.

— Я с тобой, — говорю так решительно, как могу в своем состоянии.

— Об этом и не думай, — отрезает Анита.

Продолжать разговор, спрашивать, куда она направляется,

не могу. Всякая беседа требует сил, а я... Я даже не уверен, жив ли я или во мне живет только боль. Даже Аниту вижу как в тумане. Нет, все-таки я жив. Я вижу, как она идет к двери.

— И если что плохое — подумай о епископе Альберте или о петухе с кирхи, — напоминает она, обращившись к дверям. — И не забудь перевязать руку.

Потом я слышу ее шаги в гостиничном коридоре.

Я остаюсь один. На столике она забыла свой фиолетовый шарфик. Он изящный и легкий. Без нее номер кажется мне совсем чужим.

Аниты нет довольно долго. Сначала я успокаиваю себя, что Рига — город немаленький, может, поехала далеко. Но ее все нет и нет.

Со мной лишь моя боль, ее шарфик и листок с номером телефона. И еще со мной теперь волнение за нее. Я не знаю, где Анита, что с ней. Что она решила предпринять, чтобы достать деньги, вдруг попала в какую-то историю?

Мне намного хуже, чем прежде, когда Анита была рядом. Боль по-прежнему хозяйничает во мне, но добавилась тревога за нее, которая растет с каждой секундой.

Я должен все узнать, и если нужно, соберу все силы и поеду к ней. Для этого я сейчас позвоню. Беру листок. Хочу набрать номер. И вдруг мысль, от которой страшно... А что если и этот номер телефона неверный, что если она сочла бесполезными наши попытки получить благословение и теперь просто ушла? Знает, что я позвоню и не дозвонюсь, все пойму и уеду в Москву лечить руку.

Я так и не нажимаю зеленую клавишу вызова. Теперь во мне не только боль и волнение, но и страх снова потерять ее. Мои эмоции, как ни странно, даже слегка заглушают боль. Но, право слово, когда была только она, я чувствовал себя много лучше.

Нет, пока не буду звонить. Смотрю на часы. Оказывается, времени

прошло не так много, просто тянется оно для меня слишком медленно. Выпью я, пожалуй, снотворного, может, подремлю немного, забудусь от всего, поставлю будильник так, чтобы проснуться часа через два, тогда и позвоню.

Запиваю таблетку водой, ложусь. Лекарство сильное, ложусь поперек двуспальной кровати, боль и тревожные мысли отступают в сторону, я засыпаю. Впервые один за последние дни.

Встаю намного раньше, чем хотел. И четверти часа не прошло. Аниты в номере нет. Я должен что-то предпринять.

Vietas Gars¹

Нет, не буду пока пользоваться мобильным, не хочу делать этого, пойду в город, найду ее, как уже нашел когда-то, неожиданно решаю неожиданно для себя самого. Я смогу — рука болит намного меньше, чем до сна.

Я кладу в карман пальто листочек с номером телефона, мобильный, может, потом на улице позвоню. Выхожу на улицу. Обычно в это позднее время здесь хоть и мало людей, но изредка кого-нибудь можно встретить, иногда едут машины. Сейчас же на улице Вольдемара удивительно пустынно. Фонари почему-то не горят. Только лунный свет. В нем еле видны готические очертания зданий. Они кажутся мне напряженными и мрачными.

Город сам на себя не похож. Очень тихо. Даже ветра нет. Только скользко по-прежнему. Мне не по себе — но я продолжаю путь, у меня есть цель — Анита. Я ищу ее.

Долго иду по улицам, не встречая живой души. Вспоминаю, что руку я так и не перевязал заново, хотя Анита, уходя, напомнила мне об этом. Ну да ладно — обойдется, мне надо идти.

Я продолжаю свой одинокий путь. Хотя нет, я не один! Кто-то

идет навстречу. Да это же старый знакомый — Аполлон Яковлевич, с которым я напился в кафе! Но как же он выглядит! На голове — высокий парик с широкими буклями, сам в зеленоватом старинного вида камзоле с жабо и серебряными пуговицами, обтягивающих белых чулках, ботинках с массивными пряжками. Одной рукой искусствовед прижимает к своему боку массивную книгу. В другой держит длиннее птичье перо. Для письма. Будто ученый или писатель восемнадцатого века в нынешней Риге заблудился. Костюм — прямо как у одной статуи в подвале дома Черноголовых. Видел ее на экскурсии. Этаким философ-просветитель.

Шествует Аполлон Яковлевич важно, несет себя с великим почтением к собственной особе. В его маленьких глазах неподдельная радость, когда, приблизившись, он узнает меня.

— Я иду с костюмированного бала, представлял на нем философа! — поясняет искусствовед, перехватывая мой удивленный взгляд. — Я член общества любителей старины Курземского района². — Он засовывает перо под мышку, удовлетворенно потирает руки. — Как приятно окунуться в атмосферу старины! После бала решил продлить себе праздник — пройтись пешком через центр города в этом костюме. Как будто в прошлом захожусь, дивное ощущение!

Мне трудно сейчас разделить его восторг. Он внимательно смотрит на меня.

— Да что с вами такое, вы какой-то измученный, бледный?

Мне сначала не очень хочется рассказывать что-либо даже этому симпатичному человеку. Но весь вид его выражает такую искреннюю заинтересованность во мне, он кажется настолько чутким и деликатным, что я открываюсь ему.

Конечно, я не говорю ему об общине Benedictus, о наших похो-

дах к собору. Просто рассказываю продолжение того, что ему уже известно. О том, что случайно нашел Аниту, мы были вместе, а теперь она ушла, и я волнуюсь, ищу ее.

— Так, значит, вашу темноволосую красавицу Анитой зовут, — констатирует Аполлон Яковлевич.

Затем берет меня под руку, пристраивая перо между страницами книги, и долго, терпеливо успокаивает. Дескать, все образуется, Анита снова найдется.

— Не стоит так переживать, — убеждает меня искусствовед. Вдруг он резко останавливается. Сердито смотрит на меня. — Вы мне слишком симпатичны, чтобы говорить вам пустые слова. Не буду, не хочу делать этого, скажу, что думаю. Я вижу вас второй раз, и все время вы страдаете из-за этой женщины. Почему это происходит? Либо она неврастеничка и не будет у вас с ней никогда счастья, изведет она вас, плакать будете, — говорит Аполлон Яковлевич с неподдельной страстью. — Либо, что еще хуже, она просто играет с вами. Сколько вы ее знаете? Несколько дней, недель? Да это же обычно самое начало, самое зарождение любви, когда у людей самые счастливые дни. А у вас что происходит? Вы все время переживаете, она все постоянно куда-то пропадает. Очнитесь же. — Он встряхивает меня за плечи.

Его слова звучат убедительно. Насчет того, что Анита, возможно, больна, я сам думал. А вот в то, что играет, нет. И все-таки Аполлон Яковлевич прав в одном — слишком много грустных страниц в повести нашей любви. Многовато для начала.

— Я ни в чем не обвиняю Аниту, — продолжает Аполлон Яковлевич, — но будете ли вы с ней счастливы? Очень сомневаюсь. Посмотрите вокруг себя, — страстно говорит искусствовед, — вы зациклены на Аните, она привязала вас к себе. Будьте же мужчиной, не давайте играть собой.

— Она любит меня, я и смотреть на других не хочу. — Я сам чувствую,

¹ Vietas Gars — дух места (латышск.).

² Курземский район — часть Риги.

что говорю без сильной внутренней убежденности.

— Может, и любит, но по-своему, — парирует Аполлон Яковлевич. — Так любит, что уже почти извела, на вас лица нет. А я знаю женщину, которая вас хоть и видела один раз, но забыть не может, — неожиданно добавляет он.

— Кто это? — Я вдруг чувствую, что мне действительно интересно это знать.

— Помните девушку, с которой вы были в массажном салоне?

— Помню, но уже смутно.

— А она с тех пор только вас и думает. Я точно знаю. — Аполлон Яковлевич ненадолго замолкает, потом смущенно смотрит на меня. — Я в этом салоне частенько бываю, такова холостяцкая жизнь, все девушки в нем мне знакомы, много общаюсь с ними. Так вот, Илзе — та, с которой вы были, — до сих пор надеется, что вы снова придете. Даже внешность свою изменила, чтобы вам понравиться. Ждет вас и ждет. Кстати, сегодня она как раз работает. Пойдем туда? — по-дружески он кладет руку на мое плечо.

Я соглашаюсь. Да, я счастлив, когда Анита рядом, но как я страдал, когда она исчезла, как измучили меня — теперь я почти убежден в этом — бесполезные походы к собору. Придумала бог знает что, сама в это верит и меня заставляет следовать за ней. Надоело!

Мы вскоре мы сворачиваем на улицу Дзирнаву, где и находится салон.

— Вы только не думайте о ней плохого, — замечает он. — Илзе серьезная женщина, профессиональная массажистка. В основном работает в SPA-центре, делает лечебный массаж. Здесь подрабатывает. Что делать, кризис, каждый лат на счету.

На ходу Аполлон Яковлевич звонит по мобильному.

— Дал ей весточку, что веду вас в гости, — подмигивает он, закончив короткий разговор на латышском.

Вскоре мы оказываемся у знакомого заведения. В гостиной салона пусто. Искусствовед садится в кресло, извлекает из кармана камзола старинного вида трубку.

— Побуду здесь, скоро еще одна девушка придет, дома, мой друг, увы, меня никто не ждет.

Открывая дверь комнаты, в которой должна ждать меня Илзе, я оглядываюсь на него.

Аполлон Яковлевич уже закурил, открыл свой фолиант, читает. Он чувствует мой взгляд, поднимает глаза:

— Удачи!

Я оказываюсь в комнате, где уже был когда-то. Илзе в ней нет.

Та же огромная кровать, те же обои. Но комната выглядит совсем не так, как прежде.

Цвет в ней другой. Раньше возле кровати стоял торшер с желтым абажуром. Теперь из нескольких миниатюрных светильников, расположенных здесь, льется цвет красноватый, приглушенный. Он делает атмосферу более эротичной, создает ожидание чего-то неожиданного, волнующего. Я слышу музыку. Ритм ее не похож на все, что слышал раньше. В этой музыке — что-то древнее, возбуждающее. Я присаживаюсь на кровать, слушаю музыку и чувствую, что все сильнее жду появления Илзе. Где она, когда наконец придет?

Она появляется из-за шторы, на которую я в тот первый раз не обратил внимания и которая, видимо, разделяет смежные комнаты.

Она очень изменилась. Первое, что бросается в глаза, — с головы исчезли светлые волосы, которые так понравились мне тогда. Она побрилась наголо, и как это идет ей. Она поработала не только над головой, на всем ее теле сейчас совсем нет волос!

Одега Илзе в коротенький прозрачный пеньюар красного цвета. Больше ничего на ней нет. Если не считать узкого, золотистого цвета ошейника, плотно прилегающего к ее шее, и такого же цвета узких

цепочек, туго обтягивающих ее кисти и щиколотки. Но главное — ее взгляд. Она хочет меня. Кажется... нет, я уверен, это взаимно. Мне хочется подойти к ней, сорвать с нее пеньюар...

— Здравствуй, — говорит Илзе, она уже сама приближается ко мне. Останавливается где-то в полуметре.

— Как ты? — произношу дежурное. Не знаю, что еще сказать, слов никаких нет, только растущее желание.

— Знаешь... — Она присаживается на кровать. Очень близко ко мне, но не касаясь. — Когда ты был здесь, я, откровенно говоря, почти не выделила тебя среди других. А потом... Потом стала все думать о тебе. Чем дальше, тем больше. Даже другие девушки это заметили. Да что они, завсегда-таки салона говорят, что у меня какой-то мечтательный вид.

«Одному из этих завсегда-таев ты, видно, и рассказала о своих чувствах», — отмечаю я про себя.

— Как наивная девочка, верила, что ты снова придешь, даже внешность свою изменила, очень хотела тебе на этот раз понравиться. — Илзе искоса смотрит на меня. — Кстати, как выгляжу?

— Ты мне очень нравишься такой, — признаюсь я.

— Ты устал. Я напою тебя кофе, потом сделаю массаж, расслабишься, отдохнешь.

Илзе идет в угол комнаты, к крошечному столику, на котором стоят электрический чайник и чашки. Разливает кофе, возвращается.

Пеньюар она сбросила с себя там же, возле столика.

Она украсила свое тело. В сошках — крошечные золотистые колечки, украшенные подвесками. Они подчеркивают формы ее больших грудей. Она необычна, обворожительна. Я не свожу с нее глаз, вижу, она довольна произведенным эффектом. Садится теперь совсем близко ко мне, дает чашку, пальцы ее руки слегка задерживаются на моей. Обнимает за талию.

Я очень хочу пить, правда, чуть меньше, чем хочу ее. И я знаю — она чувствует мое желание. Будто какие искорки между нами.

Я не люблю очень горячий кофе, но сейчас пью его быстро, хочу покончить с ним побыстрее.

— Вот уже и дно видно, — воркует Илзе, — еще немного — и сделаем массаж. А потом... Потом делай со мной все что хочешь, я все твои силы заберу, но и новых дам, буду ласкать, как никто не ласкал. И потом всюду за тобой пойду, ты только меня не прогоняй... Первый раз такие слова говорю. — Она играет пальчиком с подвеской на соске. — Давай раздевайся, я тебя очень жду...

Я хочу раздеться. Но только не для массажа, этим, может быть, мы займемся потом. Сначала другое — я хочу ее.

Я сбрасываю пиджак, он падает на самый краешек кровати. Бросаюсь к ней, мы обнимаем друг друга. Ласкаю ее украшенные колечками с подвесками груди, рука спускается вниз... Она уже мокрая...

Вдруг слышу что-то, оглядываюсь. Пиджак сползал, сползал потихоньку с края кровати и упал наконец, а в нем кошелек, ключи, мобильный. Он вывалился из маленького нагрудного кармана. Отсюда хоть и слабый, но заметный звук. Он помогает мне, как в прошлый раз петушинный крик. Я прихожу в себя, будто от приятного, затягивающего, но и тяжелого дурмана освобождаюсь. Возбуждения как не бывало.

Смотрю по сторонам. Теперь вижу все другими глазами. Обыкновенная комната массажного салона. Нет в ней ничего необычного. Мне неприятен этот красноватый свет.

А Илзе... Да, она необычно и очень эротично выглядит. Но она мне даже не очень нравится, не говоря уж о большем. Теперь, когда Илзе побрилась наголо, она менее приятна мне, чем прежде.

Я отступаю от нее. Она видит произошедшую во мне перемену,

смотрит на меня. Сначала с сильным желанием, потом оно постепенно исчезает, сменяется удивлением. Илзе, в свою очередь, отступает от меня.

— Извини, я не знаю, что на меня нашло, ты мне очень симпатична, но я не хочу тебя, я, наверное, пойду, — говорю я.

Она кивает головой и... чуть ли не с испугом смотрит на меня.

— Я сама не знаю, что со мной происходит. Ведь, правда, мечтала о тебе, эти мысли просто не покидали меня, как наваждение какое-то, все ждала, очень хотела тебя, когда ты появился сегодня. А сейчас... Сейчас чувствую, все это куда-то ушло. Ты интересный, добрый, я поняла это еще тогда, и понимаю теперь, но уже нет во мне того, что было лишь несколько минут назад... Не знаю, что происходит, со мной такое впервые. Ты, верно, лучше иди.

— Да, — коротко отвечаю я.

Надеваю пиджак. Наклоняюсь, чтобы взять с пола телефон. Тот самый телефон, по которому я давно уже должен был позвонить Аните. А я не то что не звоню, даже не ищу ее. Безумие какое-то.

— Прощай, — говорю я Илзе.

— Прощай, — растерянно откликается она

Илзе сидит на кровати, ссутулилась. Ей, кажется, хочется забыть все, что только что было.

Аполлон Яковлевич в том же самом кресле, где я оставил его. Книжку отложил. Курит трубку, наслаждаясь этим процессом. Он доволен и спокоен.

Его лицо становится тревожным, когда я стремительно вхожу в гостиную.

— Что-то не так? — участливо интересуется он.

Мне некогда рассказывать ему в подробностях все обстоятельства нашего общения с Илзе. Я должен позвонить как можно быстрее, но не хочу делать это при посторонних. И так слишком много времени потерял — сначала боялся, что не

ответит, потом — эта безумная история в салоне, где я про Аниту, к стыду своему, забыл. Впрочем, оставить без объяснения этого приятного человека, который утешал меня, привел сюда, желая помочь, я не мог.

Говорю лаконично:

— С Илзе у нас ничего не получится. Поговорив, мы выяснили, что не походим друг к другу. Признателен вам за желание помочь. Сейчас, извините, тороплюсь. С удовольствием запишу ваш номер телефона.

На мгновение мне показалось, что глаза искусствоведа сверкнули злобой. Я подчеркиваю слово «показалось» — в гостиной салона горел искусственный камин, отблеск от него мог создать такой эффект. Но это было лишь мгновение. Когда оно прошло, Аполлон Яковлевич, как и прежде, глядел на меня с теплотой и участием.

— Я пойду с вами, — сказал он, — вам сейчас плохо, может быть, смогу быть вам полезен.

— Не надо, спасибо, — ответил я, торопливо закрывая дверь массажного салона.

Пройдя несколько метров, я услышал, как она вновь открылась. Знакомая фигура в костюме восемнадцатого века последовала за мной.

— Что у вас произошло с Илзе? Что собираетесь сейчас делать? — засыпал меня вопросами искусствовед, едва нагнав меня.

— С Илзе мы расстались как друзья. Больше ничего добавить не могу, это касается нас двоих, — ответил я полуправдой на первый вопрос. Ответ на второй был честен: — Я люблю Аниту и сейчас позвоню ей. Мне не хотелось бы делать это в чьем-либо присутствии.

Аполлон Яковлевич будто не слышит последнюю фразу, продолжает идти рядом.

— Не торопитесь, — говорит он, — подождите, постоитесь здесь, покурите, а я схожу к Илзе. Может, вы просто сразу не смогли найти общий язык? Так бывает. Успокойтесь, а я тем временем побеседую с ней. —

Аполлон Яковлевич говорит часто, дружелюбно улыбается. — А потом, когда я вернусь, посоветуемся, глядишь, снова к ней зайдете. Еще спасибо мне скажете! — Улыбка становится еще более дружелюбной.

Она почти пропадает, когда я отвергаю этот план, едва выслушав его.

— Ну что с вами поделаешь? — искусствовед останавливается. В замешательстве разводит руками. Но тут же выдвигает новую идею: — Ладно, воля ваша. Тогда вот что... Пойдем посидим в каком-нибудь уютном местечке. Вы расслабитесь. Придете в себя... Главное, поверьте мне, вы встретите еще свою женщину. Только Аниту забудьте, она мучает вас — со стороны виднее!

— Именно ей мне надо срочно позвонить.

— Не делайте этого, не надо. — Его уговоры становятся все более настойчивыми.

Я чувствую его давление. Но нет, один раз я уже позволил уговорить себя, когда отправился к Илзе.

— Пожалуйста, отойдите немного в сторону, иначе вы будете мешать мне разговаривать.

Я вообще не люблю разговаривать по мобильному с близкими при посторонних, а сейчас — тем более.

— Глупец, — вдруг срывается Аполлон Яковлевич.

Вся его доброжелательность исчезает. Будто пружина в нем распрямляется. Исчезло то, что ее сдерживало. Он сердито смотрит на меня. Отходит на шаг в сторону. Не дальше. В глазах злорадность.

Нет, он не оставит меня в покое! Черт с ним, с искусствоведом, позвоню прямо сейчас. Пусть слушает, если так и не хватает деликатности в сторону отойти. Я должен услышать голос Аниты, а может... Может, узнать, что она снова пропала... Нет, я верю, не будет такого, меня больше тревожит, где она, что с ней. Не обращая внимания на него, достаю из кармана пиджака телефон, начинаю набирать номер Аниты.

Неожиданно Аполлон Яковлевич сильно бьет меня по руке, в которой лежит телефон. Мне не удается удержать его, аппарат падает на обледеневшую плиту мостовой. Я слышу слабый треск. От телефона отлетают какие-то маленькие части. Я потом разберусь с этим искусствоведом, быстро наклоняюсь, поднимаю телефон. Он поврежден, дисплей не горит, клавиши не работают.

Я не смогу им воспользоваться. Именно теперь, когда он мне так нужен. Мне кажется, что разбилось что-то очень дорогое для меня, что я уже никогда не смогу собрать воедино. Оборвалась нить, соединяющая меня с Анитой. Осознание этого — единственное, что есть в моей голове в этот миг. Оно рождает злость на человека, который только что был приятен мне.

Мне трудно оторвать взгляд от телефона, он притягивает меня, как раненое дорогое существо, но я делаю это, смотрю на Аполлона Яковлевича. Ему придется объясниться со мной прямо сейчас.

Я гляжу на него — в его глазах непонятная мне торжествующая злость. И эта злость во много раз больше, чем та, что во мне. Нет теперь в его лице сочувствия, доброжелательного участия. Одна лишь злорадность в маленьких глазах. Злорадность и угроза.

— Ты не позвонишь Аните, — от ярости он почти шипит, куда только делась прежняя интонация. — И в гостиницу не вернешься.

Сначала на какую-то долю мгновения мне кажется, что он просто спятил, сошел с ума. Такую вспышку трудно объяснить иначе. Но в его глазах нет безумия. Это человек, который отдает себе отчет в том, что делает. И он полон ненависти, он ликует оттого, что разбил телефон. И я понимаю, что угроза в его глазах — это не просто эмоции, он только начал действовать.

Выходит, он лишь сейчас по каким-то непонятным мне причинам

открыл свое истинное отношение ко мне. Мне некогда думать, почему так произошло и откуда такая злорадность ко мне. В мыслях у меня лишь Анита, которой я теперь из-за него не могу позвонить.

Его злость торжествует, в этом упоении он не видит, как растет моя.

Прежде мне приходилось бить человека — очень давно, на занятиях по боксу в институте. Я недолго на них ходил. Это дело не по мне. Но кое-что все-таки запомнил. Теперь я применяю все, что знаю, я вкладываю всю свою силу и навыки в этот удар. Бью по этой торжествующей злости, по этой угрозе, которые, как чувствую я, относятся не только ко мне, но и к Аните...

Я бы непременно разбил пальцы, если бы не надел новые плотные перчатки. Удар получился сильным. Настолько, что, видимо, не ожидавший его Аполлон Яковлевич валится, как мешок, на мостовую. Падает спиной. Не удерживаюсь на ногах и я — поскользнулся в своем стремительном движении.

Я быстро встаю. Меня настигает резкая боль в щиколотке. Похоже на растяжение. Что ж, буду терпеть. Мне надо в гостиницу. Раз позвонить не могу отсюда — надо добраться до нее, вдруг Анита уже там и ждет меня. Если еще не пришла, воспользуюсь вторым телефоном. Он в номере. Всегда вожу с собой два мобильного.

С трудом делаю несколько шагов. Каждый отдает болью в ногу. Еще и скользко. Так я не скоро доберусь. А тут еще откуда ни возьмись — метель. Зданий почти не видно. Мое передвижение еще больше осложняется. Останавливаюсь передохнуть. Переведу дух, двинусь дальше.

Нет, рановато мне в гостиницу. Я совсем забыл про Аполлона Яковлевича, этого взбесившегося искусствоведа, черт бы его побрал. На улице холодно, а он после моего нокдауна валяется на мостовой. Может, без сознания, не спортсмен

все-таки. Каков бы он ни был, не оставляю его в таком положении. Надо посмотреть, что с ним, привести его в чувство, может, скорую вызывать.

Я оборачиваюсь. Аполлон Яковлевич не в нокдауне. Он уже поднялся. Но выглядит, кажется, по-другому. Одежда другая на нем, в руке что-то длинное. Я все это смутно вижу из-за снежинок, норовящих попасть в глаза. Я даже сомневаюсь, он ли это вообще. Где его характерный костюм, который так ему нравился?

Вдруг ветер затихает так же неожиданно, как поднялся. И снег почти сразу перестает идти. Теперь я могу хорошо разглядеть Аполлона Яковлевича. Да, это он, но изменилась не только его одежда. Лицо его, но оно другое теперь. Те же черты, ошибиться невозможно, только постарел он на много лет. Морщины. Длинные прямые волосы вместо аккуратной, с молодежным оттенком прически. Седые борода, усы. И фигура — он выше, массивнее.

Да что лицо, фигура... На искусствоведе больше нет этого комично выглядящего костюма восемнадцатого века. Его новое одеяние тоже не современное, но комично оно не смотрится. На нем меховой плащ, скрепленный на шее массивной серебряной подковообразной фибулой. Плащ слегка расходится, открывая белую рубаху. Ее стягивает пояс из кожи, также украшенный серебром. На ногах — кожаные сапоги. Теперь я хорошо вижу, что в руке у этого человека — длинное массивное копьё. Его наконечник широкий, наточен, он блестит.

Я всегда интересовался историей, уже в детстве читал много книг с иллюстрациями. Гляжу на изменившегося Аполлона Яковлевича, и в памяти всплывает одна такая картинка. Одежда человека, изображенного на ней, была почти такой, в какой предстал сейчас искусствовед. Я, разумеется, вспоминаю и подпись под той иллюстрацией. «Древний воин-балт».

Искусствовед исчез, оставив этому воину свое лицо и... душу. Одежды другие, но продолжает смотреть на меня с той же ненавистью, что и прежде.

Мне некуда размышлять над тем, как это произошло и не сплю ли я вообще. Главное сейчас — противник снова передо мной, и он, кажется, намного сильнее, чем прежде. Не только физически. Энергии больше во взгляде. Я вижу это. Как и то, что в этом своем древнем одеянии Аполлон Яковлевич более естественен, органичен. Он будто сбросил карнавальный костюм.

После этой метели весь город кажется далеким. Я понимаю, что жизнь Риги продолжается, но протекает в каком-то другом измерении. Я выброшен из нее. Из нее меня вырвал этот таинственный древний воин-балт. Теперь лишь он близко ко мне. Остальное все очень далеко.

Кажется, Аполлон Яковлевич, или уж не знаю, кем он обернулся, прекрасно понимает, о чем я думаю.

— Я собрал всю свою волю, призвал бурю, она помогла мне ненадолго вернуть мой изначальный облик. А вместе с ним и прежнюю силу, которой я сейчас так часто оказываюсь лишенным.

Голос этого человека стал более жестким. В нем звучит сильный акцент. Что странно само по себе, ведь Аполлон Яковлевич хотя и рижанин, но русский. И это даже не латышский акцент, он другой, незнакомый мне. Кажется, даже слова на русском этот воин с трудом подбирает.

— Теперь я смогу завершить начатое. — Он улыбается, в улыбке та же жесткость, что и в каждом слове. — Ты навсегда останешься здесь, никогда не придешь в гостиницу.

Откуда у него такая ненависть ко мне? Если я задам ему этот вопрос, то мой противник обязательно воспримет это как проявление слабости, я интуитивно понимаю это. Да и что изменится, если он снизойдет до того, что объяснит причины

своего поведения? Не думаю, что они заурядны, как незауряден он сам.

Нас разделяет около десяти метров. Он поднимает копьё, готовится метнуть его. Нет, я встречу его, не буду убегать, прихрамывая на больную ногу. Лихорадочно достаю из пальто карманный нож — все-таки лучше, чем ничего...

Вдруг воин-балт опускает копьё. В глазах его уже не только злоба, но и что-то другое.

— Жаль, что ты не смог быть с Илзе. — Он произносит эту фразу, как будто думает вслух. — Что ж, я даю тебе последний шанс. Покинь город навсегда.

— Этого не будет.

— Ты не оставляешь мне выбора, — говорит тихо, но отчетливо, все с тем же чудным акцентом.

Воин заносит копьё над плечом и начинает медленно, очень медленно, карауля глазами каждое мое малейшее движение, приближаться. Теперь в его злобе лишь холодная уверенность. Колебания, если они у него действительно были, отброшены.

Он мог бы просто метнуть копьё, вряд ли бы я увернулся, нога не позволит. Нет, он хочет нанизать меня на его острие, почувствовать лучше, как уходит моя жизнь.

У меня очень мало шансов. Из-за растяжения еле передвигаюсь. На нож надежда крайне мала. На боксерские навыки — еще меньше.

Он идет медленно, но мне кажется, что расстояние между нами уменьшается очень быстро. В эти мгновения мысль работает стремительно. Я успеваю подумать о родителях, о маме — она ведь даже плакать не сможет, настолько ей будет больно, если со мной что-нибудь произойдет. Думаю о рассказах и повестях, которые уже не напишу. И, конечно же, вспоминаю Аниту. Каждый день, проведенный с ней. Как мало их оказалось, таких дней.

Он уже очень близко. Я выставляю вперед руку с ножом. Аполлон

Яковлевич видит это, снисходительно улыбаясь.

«Господи, помоги», — думаю я. И тут... вспоминаю совет Аниты подумать о епископе Альберте или о петухах кирх, если попаду в беду. Много раз она повторяла это, будто крепко-накрепко в меня заложить хотела. А я запомнил эти ее слова сразу. Они были сказаны в первую нашу общую ночь. Я и запомнил их вместе с ощущением ее обнаженного тела, вместе с ее запахом. Все это вошло в меня навсегда.

Но нет, про епископа думать я не буду, это уж точно. Если он и есть,

живет где-то таинственно в Риге, прячется в ней, то он просто измучил нас с Анитой, не дав своего благословения.

А вот петухи — совсем другое дело. Сколько раз я любовался этими петухами на вершинах шпилей кирхи святого Петра, Домского собора, костела святого Екаба... Они мне всегда нравились. Они не просто одни из символов Евангелия, в них есть что-то сказочное, доброе.

Разумом я понимаю, конечно, что это наивно — думать о петухе. Как он может помочь? Но с другой

стороны, как мог искусствовед стать древним воином?

Я следую совету любимой, мое сердце верит ему. Думаю о петухе. Представляю его силуэт высоко-высоко, в небе, рядом с облаками. Ничего не происходит. Ставший древним воином Аполлон Яковлевич приблизился настолько, что уже может убить меня ударом копья. Однако он, кажется, медлит.

— Ты крепкий, настоящий. — Злоба его никуда не ушла, но теперь в ней — оттенок уважения. — Что ж, чему быть, того не миновать.

Продолжение следует.

г. Москва

Зулкар ХАСАНОВ

БРОЖЕНИЕ В УМАХ

ТРАГИКОМИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

1.

Деревня Воропаево — российская глубинка, каких много на Руси, — особенно ничем не отличалась от других деревень.

Жили в этой деревне люди злые и скупердяи, крикуны и драчуны, простак и жмоты, попробуй ты их не возлюби! Конечно, основная масса людей — это трудовой народ, который рожал и растил детей, сеял хлеба золотистые и проявлял заботу о ближних.

В деревне Воропаево жили не тужили супруги Ахинеевы, Семен Григорьевич и Антонина Васильевна, семейная пара средних лет, бес-

покойного характера. Сын их Саша учился в городе и проживал у тетки Нади, сестры Антонины. Старшая дочь Сильвия только окончила десять классов и тоже захотела жить в городе, подумав, что раз она Сильвия, враз выскочит замуж: имя диковинное, «иностранный». Старалась походить на богатую девушку: навешала на себя золотых цацек, неизвестно кем дареных. Так и ходила там, где больше всего водятся иностранцев. Работала в обычном ресторане под названием «Добро пожаловать, леди и джентльмены», мыла посуду, а хорохорилась, как

известная танцовщица. Сильвия выучилась танцевать по-испански. Да так ладно, что хозяин ресторана ее выпускал, когда другие танцовщицы уже лыка не вязали, угостившись крохами с барского стола.

Когда дети испытывали какой-то недостаток, особенно в питании или средствах, то приезжали к родителям на побывку, чтобы чем-нибудь поживиться.

Семен Григорьевич, бывший колхозный бригадир, раньше драл глотку на колхозников: мол, бездельники, не дозовешься до колхозной работы. А колхозная работа не

очень-то кормила. Поэтому многие старались изо всех сил больше уделять внимание своему домашнему хозяйству, помня одну истину: «Что вырастил дома — это твое, оно тебя греет и кормит».

Антонина Васильевна — женщина не робкого десятка, здоровьем бог ее не обидел, успевала везде — в колхозе и дома.

Но вот пришли новые времена, как жить, как быть? Надо проявлять свои способности, искать пути выживания.

Семен Григорьевич — он коллективист, жилки буржуа в себе не сумел выработать. Ходил по деревне по друзьям — поговорить, посудачить о том о сем, охал и вздыхал: «Надо же, какое могучее государство разрушили, неужели нельзя было все делать продуманно и спокойно?»

Дали ему земельную долю, но далеко от дома, орудий труда нет, чтобы обработать такой большой земельный участок. Долго он думал, чесал в затылке, а потом продал приезжему бизнесмену его за так, за дешево, за копейки. Поработал в наймах у перекупщика, нанимавшего к себе на работу тех же колхозных механизаторов, у которых купил землю. Механизаторы старались, работали, а зарплату хозяин платил изредка, ссылаясь на отсутствие денег да на то, что солярка подорожала, что много еще надо запчастей закупить.

Новоявленный хозяин земли Иван Борисович Ядреный — крепко сбитый мужик, черная борода и губы навькате, как красные помидоры, густые брови, а под ними поблескивали безжалостным светом мироеда небольшие глазки.

В детстве Ядреный пострадал из-за своей бесшабашности, вседозволенности. И потому, когда шагал, правая нога не успевала за левой, довольно сильно прихрамывал. Из-за этого его односельчане прозвали Кидай-нога. Трактористы на стоянке техники моментально испарялись,

когда кто-нибудь говорил: «Спасайтесь, идет Кидай-нога».

— Иван Борисович, когда вы нам будете платить зарплату? — спрашивали наемные рабочие.

Кидай-нога только бычился, делал кислый вид и говорил:

— Как соберу урожай, тогда и буду платить. — Пыхтел, сверкал глазами, как леший. — Засеяли зерно плохо, кругом плешины незасеянные, аж поле мое родное теперь рыдает! Вы думаете так, за спасибо, и нате-ка вам денежки. Дудки, так не бывает. Надо лучше работать.

— Иван Борисович, клянемся Богом, мы работаем от зари и до зари! А чем прикажите кормить своих карапузов? Ведь это для вас растет будущая рабочая сила смена!

— С такими работниками, как вы, какое у меня будущее, никому неизвестно. Вы молодые да нахрапистые, вам только дай — и все тут!

— Прошлогоднего запаса в ваших амбарах хватит на несколько лет вперед, Иван Борисович. Сейчас зерно в спросе, продайте — вот вам и зарплата для нас.

— Хорошо быть добреньким за чужой счет, вам бы только сегодня все было, а мне нужно наперед все предвидеть, вы, головы, бестолковые, понимаете это или нет?!

— А вы — шкура, только о себе и думаете.

Кидай-нога, заскрипев зубами и скорчив рожу, смывался с места сходки.

После продажи своего земельного участка Семен надолго ушел в глухой запой со своими бывшими деревенскими друганами. Антонина Васильевна мало уже надеялась на непутевого мужика, но совсем от него не отказывалась: как-никак в доме есть хозяин, хотя и паршивый. В трезвом виде он мелкие домашние поручения своей Васильевны исполнял исправно. Глядишь, бычка напоит, а он уже большой, почти годовалый. Да, жалко Антонине гнать его в табун. Теперь пастухи не напрягались: в жару

стадо стояло на постое в болоте, там жрать скотине нечего. Бычок совсем отошал, придя вечером, кидался на стог сена, заготовленный на зиму, как крокодил на буйвола. Поэтому дома за бычком приходилось здорово приглядывать, как бы чего лишнего не сожрал. Пищевые отходы тоже шли бычку, словом, дома ему было лучше, чем в поле. У бычка шерсть залоснилась, стал вечерами заигрывать с пуховыми козами, коих у Антонины было немало. Козы приносили ей тоже большой доход.

Козы — дело нехитрое, только все делать надо вовремя и чистенько, а то твой пух и задарма не возьмут. Охочие до пуха цыганки заходили к ней в избу табором, и так каждый год. Нужно сказать, что с цыганками надо торговаться умечти, иначе по миру пустят.

Семен каждое утро уводил бычка в свой загон рядом с домом. Загон большой, выросла уже высокая трава после покоса. Привязывал его к железному колышку. Бычок привык к этому мероприятию и набирал жирку. Семен иной раз встречал скотину из стада, но тверезым бывал редко, скотина шарахалась от него, как от шального.

Будучи подошфе, Семен страдал от голода, особенно когда жена работала и есть было нечего. Тогда Семен, углядев дымок из печной трубы тетки Аграфены Матвеевны, младшей сестры своей мамы, уже пожилой женщины, навевался к ней домой. Тетка Аграфена была добрая, жалела его, мать-то Семена давно померла. А вот муж Аграфены Матвеевны, дед Савва Митрофанович — мужик скупой и жадный. Правда, он явно свою жадность старался не показывать, но она перла наружу по природной его расположенности к ней.

Голодный Семен заходил на огонек к своей тетушке, рассчитывая, что Саввы Митрофановича нет дома. Ан нет, Савва Митрофанович сидел у печи и уплетал горячие блины, которые пекла Аграфена

Матвеевна, глядя на чужих сычом. Семен смиренно открывал дверь, здоровался, запах блинов заворачивал, невозможно даже выразить, слюнки текли, аж голова у Семена кружилась. Тетка Аграфена хотела по обыкновению пригласить Семёна: «Семен, небось голодный, иди садись, блинков покушай!», но Савва Митрофанович не давал ей даже рта раскрыть: «Да Семен сытый, он блинов не хочет!»

А у Семена в животе все ворочит, желудочного сока много, а погасить его нечем.

— Семен, — кличет Аграфена Матвеевна, — иди сядь, покушай блинков.

— Аграфена, что привязалась к Семену: покушай блинков, покушай блинков! Да сытый он, не хочет он блинков, правда, Семен?

Семен, сжавшись в кулак, думал, как бы обмануть этого жмота, который вот-вот лопнет, а блинов не даст. Ну, думает Семен, если еще раз позовет меня тетя, то, пожалуй, не упущу шанса. Только раздался голос тети: «Семен!», Семен стрелой бросился за стол. Савве Митрофановичу только что и осталось, как разинуть рот и смотреть с крайним изумлением на происходящее. От злости он даже бросил нож с вилкой на тарелку и в гневе отскочил от стола, не преминув воскликнуть: «Ну и голодранцы!»

Иногда Антонина Васильевна поручала Семену что-нибудь продать перекупщикам из своего хозяйства. Но когда начинался запой, Семен обо всех поручениях помнил смутно.

Суровый, словно судьба, деревенский крепач-самогон брал его в оборот с дружками, и тогда не только дела домашние, но и все было Семёну трын-трава. Поэтому Антонина Васильевна боялась оставлять его одного дома.

Да вот случилась беда: ее сестра Надя просила срочно приехать — сын Антонины Васильевны, Саша, который жил на квартире у Нади и учился в институте, по-

пал в переделку. Пьяный рулевой маломерного судна на большой скорости наскочил на лодку, в которой сидели и любовались красотами набережной Волги две девчонки-студентки и сыновья Антонины и Надежды, Саша и Андрей.

А как же? Надо было шикануть пьяному рулевому перед девушками, сидящими в лодке, показать им, какой он мореход, как может лихо вираж заложить! Удар был такой силы, что ребята даже не поняли, что с ними произошло. Лодка разлетелась в щепки, а дети оказались в воде, сильно изуродованные и покалеченные. Девчата-то спаслись, их подобрала проходящая быстроходная моторная лодка. Старший в лодке так суетился, что даже не заметил барахтающихся среди обломков лодки Андрея и Сашу. Они были сильно изранены. Саша поддерживал Андрея, схватившись за обломки лодки. У Андрея голова была сильно разбита. Они едва не потонули. Их подобрало спасательное судно «Вдохновение». Команда «Вдохновения» тут же стала оказывать помощь обоим пострадавшим, а Андрею сумели поставить капельницу. На берегу их ждала скорая помощь.

В больнице начались трудные испытания. Антонина Васильевна была в шоке от происшедшего. Сестры постоянно дежурили у ребят. Но ничего быстро не делается, тем более в нашей больнице. Хотя вскоре сделали операции обоим ребятам, состояние их было тяжелое. Приходили к ним вместе и врозь их любимые девушки Варя и Катя, глубоко переживали, сами едва оправившись от произошедшего. Мелкие раны, ссадины постепенно заживали, а вот психологически они никак не могли восстановиться. Психотерапевты говорили, что у них от малейшего волнения, беспокойства начинает колотиться сердце, нужно им делать инъекции сердечные, в крайнем случае, быстро принимать психотропные таблетки, потому что у них

возникла кардиофобия, которая требует длительного лечения.

Словом, загостевалась у сестры Антонина Васильевна. Что только на руку Семёну и его дружку Селивану.

2.

А в деревне работа кипела полным ходом: друзья гнали первач, чтобы он на тарелке горел синим пламенем, как газ на газовой горелке. Семен только улыбался, пребывая сутки напролет под градусом:

— Селиван, вот, кажись, обыкновенная свекла, а какую силу таит в себе, сколько радости приносит человеку!

Пребывавший постоянно при Семёне его дружок Селиван лепетал заплетающимся языком:

— Это мы так д-ду-умаем, Семёен, потому что мы с тобой, козлы пог-г-ганые, тратим силы и здоровье на изготовление зелья! Посмотри кругом: дом у тебя запущен, грязно, рыло твое, что задница кобылы, все красуешься и радуешься такому запустению в доме. А тебе ведь Антонина Васильевна велела приглядывать за бычком. Я давеча шел мимо двора: бычок твой, по-моему, сдох!

— Типун тебе на язык. Что ты говоришь такое, Селиван, не может быть такого.

Как ошпаренный кипятком, побежал Семен, спотыкаясь, посмотреть на бычка. Телок лежал бездыханно, отошав до крайней степени.

— Селиванушка, родимый, я помню, что привязывал веревку к кольшку, а что надо поить и загонять на ночь в сарай, я совершенно забыл, произошла отключка. Какой позор, что будет теперь мне от Антонины Васильевны, не меньше как казнь египетская. Черт бы его побрал этого бычка: надо же не пил, не курил, а сдох!

— Не юмори, Семен, это наше с тобой разгильдяйство и пьянство. Приедет супруга — ниц голову и проси пощады, иначе тебя убьет и мне достанется!

— Смилуйся, Селиван, я ведь, видит бог, смерти родному бычку не хотел.

— Хе-хе-хе, — широко откряв и скривив губы, Селиван смеялся и гримасничал, — работали, говоришь? Да какую работу работали — все гнали его, стервеца, а он только мелкими капельками: кап-кап. И все для нашего ненасытного горла. Нам с тобой весело и мухи не кусают, едрёна вошь, выливали в свою глотку ненасытную. Придется тебе, Семен, каяться и кланяться!

— А ты, Селиван, сволочь! Живешь на моих дармовых харчах, еще и паясничаешь. Ты даже дома не бываешь. Хоронишься от своей Груни. На халяву у тебя всегда рот открытый, байбак ты сонный!

— Семен, это ты брось! Я кто угодно, но не халявщик! Всегда выполняю самую грязную работу: мою, чищу свеклу, готовлю посуду. Посуда для самогона должна быта готова, как самолет к полету, иначе твои дрожжи и сахар — пустая затея.

— Подумаешь, явился новгородский дворянин, чистит он свеклу, моет посуду! А чья свекла, чья посуда? Согласовал ты со своей головой, что ты говоришь? Бестолковый ты человек, Селиван!

— А ты бурбон самодовольный, процельга!

— Это я бурбон самодовольный, несчастный шаромыжник?!

Не выдержали нервы у Семена, он, молниеносно схватив полено в правую руку, хотел треснуть по голове Селивана, но споткнулся сам и покатился кубарем под лавку. Селиван пал, как подкошенный, ударившись о кочергу. Тут-то Семен и завыл, как баба при родах:

— Убил я тебя, убил, Селиван! Прости Христа ради, я не хотел, ну ты сам, бивень, лез на рожон.

Селиван пыхтел и сопел, как буйвол. Живее всех живых. Только морда краснее обыкновенного.

— Селиванушка, прости меня, это я горяча. Небось башка-то болит, давай приложим холодненького.

— Сейчас я тебе приложу, дай мне только немного просохнуть.

Селиван перевернулся на другой бок и неожиданно глубоко, со знанием дела, захрапел, а потом и вовсе заснул глубоким сном.

Неизвестно, сколько он спал. Только встал поутру, глядь — рядом с ним Семен. Не стал он трогать бедолагу, сняв с себя рубаху и брюки, направился на речку и нырнул в осеннюю холодную воду. Кряхтя, вылез из воды, рубашкой вытер тело и вернулся к Семену.

Семен проснувшись, протер глаза, а перед ним без рубашки воссиял с небольшой шишкой на голове Селиван.

— Селиван, как башка? Небось, болит?

— Болит, не болит? Что спрашиваешь? Знамо, болит! Ведь надо было тебе, дураку, так меня треснуть, хорошо еще, голова цела.

— Прости меня, Селиван, это я погорячился.

— Семен, ты же меня мог убить.

— Селиван, это не я, это ты об кочергу споткнулся. Полено — это так, для остратки.

— Не убил — и на том спасибо!

— Но, Селиван, силен спать-то!

— А что? Наша родня любит поспать не только на полу дома, к тому же с похмелья! Я со своим родным братаном Васей, когда еду в электричке... Иной раз не то что сидеть, поставить ноги некуда. А мы ничего, народ привычный, можем ехать и спать хоть стоя.

— Ладно тебе шутить, шут ты из циркового балагана.

— Я не шучу, ей-богу, так!

— Селиван, пойдем по маленькой и помиримся. Мы с тобой же давние друзья. Мы друг без друга не сможем.

— Семен, мы с тобой-то помиримся, а как ты уладишь дела со своей бабой? Ведь грех-то большой — загубил почти годовалого бычка.

3.

А в городе дела у ребят шли на поправку, швы стали заживать, только страх все еще не проходил. Саша успокаивал своего дружка Андрея.

— Не волнуйся, Андрюха, мы не на Волге, горе-судоводитель теперь отбывает наказание в тюрьме за свою «отвагу».

А рядом всегда их любимые девушки, Варя и Катя, но на всякий случай с успокоительным.

Сестры Тоня и Надя так напереживались за эти дни, что толком не успели поговорить о своей жизни. Какой разговор может быть о себе, когда дети в беде. Дети выросли хорошие, да вот только муж Тони оказался алкашом.

— Надя, раньше он не пил, да на что и пить-то, самогон под запретом, участковый милиционер Ваня Арбузов приглядывал за самогонщиками. Самогонные аппараты велено было конфисковать. А теперь как-то стало посвободнее, разрешить не разрешили, но и запретов строгих нет, правда, страшают штрафами. Мужикам делать нечего, вот они и жрут самогонку.

— А что же, Тоня, Семен на земле не работает?

— Шут его знает, продал свой земельный участок, говорит, у меня нет денег, чтобы приобрести автомобиль и трактор, что я, лопатой землю буду ковырять? Понаехали перекупщики земли, обещали золотые горы, проходимцы. Зарплату не платили месяцами, хотя Семен горбился дено и ночью. После этого плюнул на все и ушел, сейчас сидит дома, гонит самогонку, зарабатывает мелочишко на хлеб, а то и на хлеб не хватает. Я уже давно не была дома, что он там натворил, не знаю. Ведь, паразит, ни разу не позвонил, звонила только я. Говорил, что все нормально. А ты-то как живешь, Надюша?

— Я живу сейчас ничего. Мой Павел работает на заводе, пока платят, на жизнь хватает.

— Андрею-то, Надя, я буду помогать, пусть учится. На зиму зарежу

бычка, пришлю вам мяса, картошки со своего огорода. Мы с Семеном проживем, лишь бы он не пил. Вот только за Сильвию переживаю, ошивается вокруг иностранцев, как бы ее совсем не испортили. Говорит: «Я завела испанца, выйду за него замуж». Я говорю: «Смотри, может, он к себе тебя и возьмет, а потом выкинет на помойку с ребенком». О таких случаях много сейчас пишут в газетах. Не дай бог, ну и времена пошли. Ну ладно, Надюша, спасибо тебе большое за встречу, за провода. Вместе все-таки легче. Дал бы Бог им, детям нашим, здоровья! Надя, ты еще поговори с Сильвией, может быть, совесть ее заест и тебя послушает, расспроси ее получше. Мне ведь она не рассказала, кто ей дал эти украшения. Сохрани нас всех Господь!

Обнялись и с грустью попрощались сестры. Антонина поехала домой.

Семен и Селиван всю старались заправить самогонный аппарат очередным сырьем, как тут явилась супруга Антонина Васильевна.

— Здравствуйте, единовверные сердешные! Наверно, сильно умялись от своей «работы»? Смотрю, дома полный кавардак, да и вы сами на кого похожи? Окаянные вы люди, свалились на мою голову! Неужели можно себя так распустать? Семен, у тебя есть понимание, что в наш дом пришла паскудная жизнь? Брось эту гадость, иначе я могу не совладать с собой и могу совершить что-нибудь страшное. Паразиты, уродила вас ваша мама, что не примет и яма.

Вспомнила Антонина про своего бычка, побежала в загон, а там только железная труба-кол. Рассвирепела Антонина, зашла в дом и кинулась на Семена:

— Где бычок? Говори быстро! Продал или пропил, подонок ты несчастный, родитель моих детей!

— Нет, Тоня, не продал и не пропил! Сдох бычок!

— Тоня, бычок сдох, — залепетал Селиван. — Он же забывал его поить и не загонял в сарай на ночь, вот он и уморился.

— А ты, Селиван, козел с чужого огорода, сидел бы и закрыл свое хайло, оно у тебя всегда открыто, смотри, залетят мухи, — смачно выругался Семен.

— Негодяй ты, Семен, выбил из-под меня опору, на которую я рассчитывала: хотела немного получше одеть детей, свезти им немного на зиму мяса. А теперь, скот ты бесчувственный, уходи из моего дома на все четыре стороны, и ты уходи, Селиван. Получилось, как в поговорке: «Да, держалась я, как кобыла за оглобли, да упала», — сквозь слезы зарыдала Тоня.

Семен, вращая глазами, пробовал было утихомирить супружницу:

— Тоня, прости, мы нагнали много самогона, продадим, долги покроем, а там толкнем еще пуха козьего, глядишь, опять заживем, как люди.

— Ты, шалопут несчастный, молчи! Ты уже напродавал пух козый. Знаю, как ты предлагал покупателям свой пух. Это было в прошлом году. Селиван же мне сам рассказывал: ввалились, значит, целой толпой цыганки. Старая цыганка поворошила в мешке пух, подержала перед твоим носом и сказала: «Хозяин, пух-то плохой!» А ты, Семен, как курица мокрая, рядом стоял и лепетал: «Правда, все говорят, что пух плохой».

Хватило у тебя, Семен, ума сказать такое цыганкам! Ты что, перед встречей с цыганками был обухом ударенный? Решил был честным? Что, они глупее тебя? Между прочим, пух тогда был самый хороший, как никогда! У тебя, Семен, башка с мозгами или мякина? Какой продавец свой товар хулит?! Семен, ты, видать, совсем свихнулся с сивухи. Вот, Селиван, коротай свою жизнь с таким мужиком. Идол ты этакий.

Вот что, мужики! Идите вы с глаз моих долой, пока я руки на вас от гнева не наложила. Куда хотите, хотите в лес, может быть, грибов на-

собираете, если нет грибов, немного отдохнете от сивухи. Берите палатку на двоих, еду и воду, спички и теплую одежду — и вон отсюда! В буреломы, где речные перекаты, может быть, вам там понравится, поживете подольше. Может быть, ума наберетесь наконец.

— Антонина, у меня ведь нет теплой одежды, а ночью будет холодно.

— Бессовестный ты, Семен, человек, где я тебе возьму теплую одежду? Вон бери пальто на рыбьем меху, что висит в коридоре, в нем ходишь ты летом на рыбалку.

— Хватит, Тоня, разговаривать со мной издевательски, неужто я совсем чужой тебе?

— Да, была душой, полюбила голяка-гуляку!

Семен поглядел на Тоню, любимую когда-то, как-то стыдливо, жалеючи. Нелегко ей!

Но делать нечего. Отправились Семен и Селиван в лес.

Антонина после ухода мужчин привела дом в порядок, проветрила избу. И решила лечь спать пораньше, отдохнуть как следует.

И вот спит она и видит сон. Стоит на крыше высокой башни глава сельской администрации и произносит речь перед бабским сельским сходом: «Дорогие женщины, кончилась жизнь загулявших алкашей. Сегодня мы на нашей сходке решим, что с сегодняшнего дня запрещаем категорически производить и продавать самогонку, самогонные аппараты конфискуем. Водка будет продаваться только бабам и только по случаю свадьбы, или по случаю похорон, или для лечения по справке врача».

«Правильно! Давно пора! — запричитали бабы. — Алкаши несчастные, достали нас вконец!»

Антонина проснулась вся мокрая, надо же, такой сон приснился, как наяву. После этого она не могла заснуть. Пошли думки, мысли в голове...

Семен и Селиван вернулись из леса через два дня замерзшие, голодные, заела мошка, и грязные, как черти.

— Здесь тоже вас ждут неудобства, — сказала Антонина. Сон подсказал Антонине самые верные слова. — Слушайте, вы, самогонщики несчастные. Ходят слухи, что самогонные аппараты конфискуют в обязательном порядке, спрячешь — большой штраф, а то и в тюрьму. Водку будут продавать только бабам и то только по уважительной причине: свадьба там, встреча после долгой разлуки или для лечения по справке врача.

— Убила, ты нас, Антонина, голу-бушка. Неужели мужики такую кару заслужили? — разрыдался Селиван.

Антонина раздухарилась, сделала лицом как вареная красная свекла:

— Слушайте меня внимательно, изверги! Решение о продаже водки могут менять только на бабьей сходке по необходимости. Лавочку самогонную прикроют. Ну, магазин, может, и не прикроют, но ходят слухи, что водку будут продавать только бабам, у которых мужики работают, а не Семенам и Селиванам. У вас холопская психология, куда вас пошлют, туда вы и идете. В вас нету силы самовывживания. Такой холопской психологией нигде ничего вы не добьетесь.

— Пришла жизнь никудышная, Селиван, что теперь будем делать, а?

— Семен, надо нам с тобой идти работать на кирпичный завод, там, говорят, берут всех!

— Во-во, идите на кирпичный завод, кирпича требуется много, — заключила Антонина. — Да и по вашим лицам видно, что они давно просят кирпича.

И пошли Семен и Селиван работать на кирпичный завод. Делать нечего.

Долго ли, коротко ли работали. Но все же добились некоторых успехов. Теперь ни водки, ни самогонки. Вечерами считали штабеля сложенных кирпичей. Семен рассчитал, что Антонина не устоит без своего любимого мужика. А Селиван, человек добродушный, вполне согласился с тем, что теперь не гонит самогонку, да и водочки нет. Он про себя давно решил, что он вернется к Груне. Хорошо помнил, что она за ним всегда приглядывала. Только вот родимая самогонка, которую потреблял Селиван, отталкивала от него.

— Семен, слышишь, Семен! По моему, твоя Тоня все нам набрехала насчет продажи водки. Нет-нет, этого не может быть! — заключил Селиван. — Изготавливать самогонку, наверное, запретят, а вот водку — вряд ли. Как же, братцы, жить без водки, это немислимо, да и дохода

нет государству! Семен, твоя Тоня точно взяла нас на пушку, а мы и поверили.

— Что ты, Селиван, все твердишь: поверили, поверили. Хорошо, что поверили и пошли работать, разум свой очистили от скверны. Я ходил, узнавал, нам с тобой начислили в этом месяце по десять тысяч рублей, разве это мало? Так что будем с тобой работать, да и Тоне и с Груней будет легче. Считай, если мы с тобой пить бросим — эта же целая революция в доме, в нашем семейном бюджете. Моя Тоня теперь смотрит на меня ласково.

— А ты, Семен, Тоне отдашь все деньги или прижилишь?

— Отдам все до копейки. Чай, чекушечку принесет по случаю зарплаты. Пить я теперь не буду, не-не. Я так, для проформы, положено ведь.

— Я тоже пойду к Груне, Семен, принесу ей деньги, расскажу, как мы работаем доблестно. У нас на заводе применяется много техники, так что мы и технику уже почти освоили. Все расскажу, пусть возрадуется, что теперь на нашей улице тоже праздник. Я тебе, Семен, прямо скажу, что каждая женщина хочет любви и мужской ласки.

— Дурак ты, Селиван, как будто ты сам не любишь женскую ласку!

г. Калуга

Павел ТИМЧЕНКО

Добрый день! Увидел призыв присылать «хоть несколько строк» и решил прислать! Спасибо вам за предоставленную возможность!

Посылаю два рассказа, которые, возможно, смогут заинтересовать вас.

Меня зовут Павел Тимченко. Публикаций ранее не было.

Родился в 1991 году в Москве, ныне живу в Московской области, г. Раменское. Учусь на четвертом курсе Московского гуманитарного университета по специальности «социально-культурный сервис и туризм». Писать рассказы и «книжки» начал классе в шестом. Сперва детские детективы, потом немного стихов. В период бурного увлечения всей планетой «Гарри Поттером» никак не мог дождаться выхода пятой книги этой серии. Ну и что же? Пришлось написать ее самому!

Помимо «писательства» своим увлечением могу назвать активное чтение книг зарубежных авторов, таких как Моэм, Кизи и др.

Еще раз огромное спасибо вам и вашему изданию за предоставленную возможность и отклик!

СОТАЯ МОДЕЛЬ

Заметка в газете «Вайлд Ньюс» от 1906 года:

Сенсационные новости из штата Орегон! Обнаружен крупнейший метеорит в США

История обнаружения «небесного гостя» кровава и необычна. По словам тех, кто его нашел, они отобрали камень у племени индейцев, которые поклонялись ему, как божеству. Коренные жители не захотели отдавать «гостя с Луны», и завязалась кровавая схватка.

Победили огнестрельное оружие и удалять молодых-кавалеристов.

Метеор, названный Уилламетом в честь долины, где его нашли, сейчас является собственностью Орегонской сталелитейной компании. Небесное тело представляет крайне интересным и любопытным предметом для сталелитейщиков, поскольку целиком сделано из железа.

Майк Давенпорт

Заметка в «Нью-Йорк Дэйли Мэгазин»:

Кровавые жертвы для «Небесного гостя». Уилламет убивает людей!

В прошлом номере нашей газеты мы рассказали о найденном метеорите в Орегоне.

Сообщалось, что метеор находится в собственности Сталелитейной компании штата и никаких проблем в отношении индейцев, желающих вернуть его, нет.

Однако поступила информация, что был совершен набег на склад, в котором находился камень.

Атаку удалось отбить, в плен взяты два коренных жителя.

То, что удалось узнать, многие восприняли как шутку. Пленники рассказали, что камень звал их, чтобы те освободили его. Индейцы, путаясь в словах, рассказывали, что в их голове звучали голоса, которые велели им отобрать «гостя».

Когда же полиция штата спросила, зачем им нужен камень, те ответили, что это их Бог, прибывший с «Черного Полотна», и что они поклоняются ему. Также выяснилось, что индейцы приносили камню в жертву своих соплеменников и пленных «белых людей», после чего было принято решение повесить коренных жителей.

Питер Саасгард

* * *

В 1911 году Генри Фордом была осуществлена его заветная мечта — стали выпускать автомобили, доступные большинству американских граждан. Цена машины составляла всего 260 долларов.

Одной из счастливых обладателей «Жестяной Лиззи», как любовно называли автомобиль сами американцы, оказалась женщина по имени Джейн Форд, родная сестра Генри.

Новенькую «Лиззи» брат подарил женщине на ее день рождения. Этот

подарок имел для мужчины особое значение: сотая модель самой популярной на данный момент машины олицетворяла собой первый преодоленный рубеж, первую взятую высоту на пути к процветанию компании «Форд Моторс Компани».

На дворе стоял обычный июньский день, когда Джейн работала в своем саду. Услышав звук клаксона, она с недоумением подошла к воротам и открыла их. Раздалось шуршание гравия, и мисс Форд не поверила своим глазам, когда увидела Генри, улыбающегося и машущего ей рукой из шикарного черного автомобиля.

Седые волосы брата трепало ветром, глаза светились радостью и задором. Он остановил красавец автомобиль перед домом и, выйдя из него, направился к Джейн:

— Сестра, я надеюсь, что эта машина принесет тебе столько же радости, надежности и пользы, сколько принесет она их в будущем мне и всей нашей стране!

* * *

Джейн часто ездила на «Лиззи» по дорогам города Дирборн с улыбкой на лице. Навстречу ей иногда попадались такие же шустрые красивые машинки, но мисс Форд знала — ее машина особая, не похожая на другие.

И машина это доказала.

Джейн проснулась рано утром от стука в ворота. Женщина потянулась, оделась и пошла открывать столь раннему гостю.

Это оказался молодой полицейский. Он слегка поклонился и сказал:

— Мисс Форд? Здравствуйте. Я сержант Диксон, приехал поговорить по поводу происшествия с вашим автомобилем.

Джейн оглянулась на машину, мирно стоящую в тени рядом с домом, и с недоумением переспросила:

— Происшествия?

— Да. Видите ли, есть свидетели наезда вашего автомобиля на человека. Недалеко отсюда мистер Коллинз

возвращался из бара в не самом трезвом виде. Шел он по обочине дороги и, увидев впереди свою тень в свете фар, обернулся. Машина на полной скорости сбита его. К счастью, он остался жив. Свидетель всего этого — миссис Уилкс. Она видела происшествие из окон своего дома, расположенного недалеко от вашего.

Коллинза Джейн знала. Странно. Кому это понадобилось связываться с этим несчастным алкоголиком? Однако больше ее удивило другое:

— Но почему вы пришли разбираться именно ко мне?!

— Уилкс видела, что автомобиль, сбивший этого человека, подъезжал к вашему дому. Старушка не уверена, но вроде бы ей показалось, что авто скрылось во дворе вашего дома, а потом раздался звук хлопнувших ворот. Как объясните это, мисс Форд?

Джейн стояла в немом удивлении, а потом сказала:

— Мне нечего сообщить вам, сержант. Я легла вчера спать рано, около девяти вечера, и машина стояла во дворе. Проснулась сегодня от вашего стука в ворота. Это все.

Диксон, все это время смотревший на автомобиль, стоявший позади хозяйки, взглянул на женщину и, слегка покраснев, спросил:

— Вы не возражаете, если я осмотрю вашу «Лиззи»?

— Да, пожалуйста.

Сержант так быстро направился к черной автомашине, что Джейн и не подумала о том, чтобы догнать его. Поведение сержанта было сродни типичной реакции многих жителей города на новую модель машины «Форд».

Диксон остановился возле красавицы «Лиззи», опустил на одно колено и стал с восхищением рассматривать одно из четырех больших колес, потом вскочил, ступил на подножку и заглянул в салон.

Когда сержант принялся обходить машину вокруг в четвертый раз, Джейн тактично кашлянула и спросила:

— Вы достаточно осмотрели «улику», мистер Диксон?

Молодой человек восторженно, взглянул на женщину и вновь покраснел:

— Да-да, все в порядке! Благодарю вас за помощь, мисс Форд. Я к вам еще загляну, буду держать вас в курсе дела.

Когда ворота за сержантом закрылись, Джейн оглянулась на машину. Что же все это значит?

Женщина зашла в дом, приделалась для выхода в город и вышла обратно во двор. Заперев дверь, она направилась к «Лиззи».

Вскоре раздался рык мотора, и мисс Форд уехала.

Необходимо было узнать, как чувствует себя Коллинз. Может, он видел, кто сидел за рулем той машины? Джейн катила по шоссе, в открытое окно задувал ветер и шевелил золотистые волосы женщины. «Форд» проезжал маленькие двухэтажные домики, деревья, ухоженные сады.

Когда мисс Форд выехала из пригорода, где находился ее дом, и оказалась в Дирборне, на широких улицах города, которому суждено было прославиться благодаря Генри, она увидела того, кого искала.

Мистер Коллинз сидел на лавке на своем привычном месте, возле бара «Семь быков». Правая его нога была до колена загипсована, а рядом стояли деревянные костыли.

Джейн остановила автомобиль возле тротуара, хлопнула дверцей и направилась к пострадавшему.

Старик не был рад женщине и не стал этого скрывать:

— Совсем спятила, Форд?

Чем я виноват-то перед тобой?

Теперь вот маюсь с ногой по твоей милости. Думаешь, если брат богатей, то и тебе все можно?

Джейн взглянула в глаза Коллинза, оглядела его ногу, заметила пару синяков на руках. Потом женщина сказала:

— Мистер Коллинз, что бы там кто ни говорил и ни видел, я не причастна к этому происшествию с вами.

— Что?! — отшатнулся мужчина и чуть не упал с лавки. — Как ты смеешь, девчонка?! Я же своими глазами видел тебя за рулем этой ночью, когда эта коробка на колесах сбила меня!

Мисс Форд сглотнула. Что еще за новые подробности?

— То есть как это вы меня видели? Это невозможно! Ночью я спала у себя дома!

— Плевать мне на все это! Я не успокоюсь, пока не засажу тебя за решетку!

Женщина отступила на шаг от вопящего Коллинза и, развернувшись, направилась к машине. В спину ей неслась брань. Села за руль, завела мотор и тронулась с места.

* * *

Всю обратную дорогу Джейн думала о словах мистера Коллинза.

— Да просто померещилось старому пьянице, — сказала она шепотом, — или завидует. Ему-то такой машины никогда не купить.

Но как же быть с тем, что миссис Уилкс видела «Лиззи», заезжавшую к сестре Генри Форда во двор?

Необходимо было навестить старушку и узнать у нее подробности...

Миссис Уилкс, женщина лет семидесяти, с выпученными карими глазами и длинным носом, проговорила:

— Так все и было, дорогуша. Я как раз пила чай, это было около 22:00 часов, и выглянула в окно. Оно у меня выходит на шоссе. Еще было не так темно, когда я заметила идущего по обочине дороги этого пьяницу, Коллинза. Мое внимание привлекла вспышка света позади него, и я увидела новую модель автомашины вашего брата Генри. Она катила по дороге с приличной скоростью, а когда Коллинз внезапно оглянулся, машина сбила его на полном ходу! Это было так ужасно!

Автомобиль даже не остановился, а понесся дальше. Доехав до развилки, он свернул к вашему дому,

Джейн, и остановился возле ворот. Дальше я ни в чем не уверена, подвели мои глаза, но мне кажется, что из машины вышел человек. Потом я услышала стук ворот, и все... Я даже не знаю, что думать, дорогуша! Это все так странно и пугающе!

Женщина, все это время молча сидевшая напротив старушки, слушала ее рассказ, а сама думала о том, что этому может быть только одно объяснение: конкуренты Генри решили устроить скандал вокруг новой модели и растоптать репутацию брата.

«Непременно поговорю с ним о том, что случилось», — подумала мисс Форд.

Поблагодарив миссис Уилкс, женщина спустилась с крыльца и, сев в машину, завела мотор.

* * *

Остаток дня она провела, работая в саду. Сажала новые цветы, полола, удобряла. Под вечер, чувствуя себя вконец уставшей, Джейн вспомнила о своем намерении поговорить с братом, но сил уже не оказалось. Женщина заснула и проспала почти до полудня следующего дня. Чувствовала себя разбитой, едва встала и, спустившись на кухню, стала готовить завтрак. Когда закипел чайник, она принялась делать кофе, но, случайно бросив взгляд в окно на кухне, выронила кружку. «Лиззи», которую Джейн всегда ставила напротив кухонного окна, сейчас на привычном месте не было.

Женщина бросилась к входной двери, рывком открыла ее и выбежала на крыльцо. Машина стояла прямо перед входом в дом.

Мисс Форд сразу представилась собака, которую хозяин забыл впустить с вечера домой, и та с неммым укором ждала его во дворе до утра.

Она спустилась с крыльца, обошла машину вокруг. Все вроде бы в порядке. Но Джейн точно помнила, что, когда уходила вчера в дом, машина стояла в другом месте!

— Что за чертовщина?! — вырвалось у нее.

«Нет, так больше продолжаться не может, нужно немедленно поговорить с Генри», — думала она, поднимаясь по лестнице в свою комнату.

* * *

Когда Джейн подъезжала к штаб-квартире компании «Форд Моторс Компани», ее в который раз удивило то, как много денег брат тратит на обустройство завода и города и как мало требует в ответ.

— Истинный филантроп, — произнесла она, глядя на гигантское здание с большим жестяным щитом, на котором красовалась надпись «Форд».

Джейн Форд вышла из авто и направилась к входу в небольшой трехэтажный дом, стоявший рядом с заводом. Это был главный офис, в котором Генри пока устроился вместе со своими друзьями, помогавшими ему при открытии компании.

Женщина открыла дверь, зашла внутрь. Охраннику по имени Дэйв она кивнула и направилась вверх по лестнице, на второй этаж, где находился кабинет Генри Форда.

Постучавшись в дверь, женщина заглянула внутрь. Брат сидел за столом и заполнял какие-то бланки. На стук он поднял голову и улыбнулся неожиданной гостье:

— Джейн! Почему не предупредила о своем приезде? Я бы подготовился получше! — засмеялся он и показал рукой на заваленный бумагами стол.

— Как-то внезапно пришло это желание навестить тебя... Прости, Генри.

— Да что там! Проходи и садись скорее! Что привело тебя ко мне? Как машина? Нравится?

— Очень нравится, Генри! Но мне кажется, что я должна кое-что тебе рассказать...

— И что же? Ты даже в детстве со мной ничем не делилась, так что твоя фраза очень интригует.

Женщина рассказала брату обо всех событиях, случившихся за вче-

рашний день, а также про открытие, которое она сделала сегодня утром.

Рассказ сестры очень обеспокоил Генри Форда. Он встал из-за стола и начал расхаживать по своему кабинету взад-вперед, перебирая вслух имена возможных конкурентов.

Женщина не имела понятия, о ком говорил ее брат, но тот обещал все уладить и сообщить, когда разберется с этой проблемой. Перед тем, как Джейн ушла, он сказал ей:

— Будь осторожнее, пожалуйста. Ты же знаешь, как дорога мне моя репутация и твоё благополучие...

Мисс Форд лишь покачала головой: в этой фразе был весь Генри.

* * *

«Жестяная Лиззи» Джейн заехала во двор и остановилась. Женщина вышла из машины и пошла навстречу гостю, который уже ожидал ее, сидя на крыльце дома.

Это вновь был молодой сержант. Хозяйка дома даже не стала спрашивать, как он очутился на крыльце. Вероятно, перелез через забор.

Молодой человек, завидев ее, вскочил, разгладил брюки, отряхнулся от невидимой пыли и стремительно направился в сторону остановившейся машины.

— Сержант Диксон? Что-то случилось?

Молодой человек выглядел серьезнее, чем в прошлый раз, и даже не улыбнулся.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, мисс Форд.

Сердце Джейн забилося быстрее. Что еще?!

— Миссис Уилкс погибла вчера вечером около своего дома.

— Что?!

— Ее сбили на машине около десяти часов вечера. От бедняжки мало что осталось. Удар был настолько силен, что... о боже, что с вами, Джейн?!

Женщина упала без чувств, но сержант вовремя среагировал и поймал ее.

* * *

Очнувшись она у себя дома на диване в гостиной. Сержант Диксон сидел напротив в кресле и с тревогой смотрел на бледное лицо хозяйки.

— Мисс Форд, как вы чувствуете себя?

Женщина с трудом поднялась и села на диване.

— Принесите стакан воды, пожалуйста.

Диксон вскочил и кинулся на кухню. Его не было всего пару минут. Вскоре сержант вернулся и протянул женщине кружку с водой.

Сделав пару глотков, Джейн почувствовала себя лучше. Затем взглянула на Диксона и спросила:

— Вам известно, кто виновен в происшествии с миссис Уилкс?

— Это еще одна проблема. Следы от колес, найденные нами на месте трагедии, соответствуют машинам новой серии «Т», автомобилям, произведенным на заводе вашего брата.

Мисс Форд опустила голову и закрыла глаза. Ее худшие страхи оправдались.

— Сержант, я должна вам кое-что рассказать...

Женщина передала полицейскому свой разговор с братом и без сил откинулась на спинку дивана.

Диксон задумчиво подпер кулаком подбородок и через несколько минут, все хорошенько обдумав, сказал:

— Возможно, вы правы. Конкуренция может толкнуть людей на серьезные и страшные поступки. Я постараюсь что-нибудь предпринять, а вам пока советую никуда не выходить из дома. Тем более вечером. Не хотелось, чтобы с вами... что-то произошло.

Сержант взглянул Джейн в глаза, затем поднялся, слегка поклонился в знак прощания и вышел из дома.

Женщина еще немного посидела на диване, затем встала и медленно вышла во двор. Она заперла ворота на ключ и, придя в дом, закрылась в своей комнате.

Ей было страшно. Мисс Форд вздрагивала от каждого шоро-

ха и постороннего шума. Когда за окном стало темнеть, женщине стало еще тревожней. Несколько раз ей казалось, что во дворе рычит мотор «Лиззи», но, выглянув в окно, она не видела автомобиля.

В конце концов, измучившись, женщина провалилась в сон.

* * *

Солнце освещало комнату Джейн, а когда она повернулась на другой бок, луч попал ей на лицо и она, поморщившись, открыла глаза. За окном был очередной жаркий июньский день, было ясно, на улице слышались крики птиц.

Женщина поднялась с кровати и оглядела свою комнату. Кругом царил непонятный беспорядок, повсюду валялись вещи. Джейн сделала шаг в направлении двери и вскрикнула от боли, наступив на что-то острое.

Она посмотрела под ноги и увидела, что из-под кровати торчит кусок черной ткани с маленькой металлической полоской. Мисс Форд нагнулась, подняла находку и, внезапно вскрикнув, уронила часть полицейской формы.

На металлической полоске было выбито — «Сержант М. Диксон».

* * *

Генри Форд осматривал «Жестяную Лиззи», принадлежавшую его сестре, и постоянно повторял одну и ту же фразу, как только у женщины на глазах появлялись слезы:

— Джейн, не плачь. Я со всем разберусь.

На машине он не обнаружил никаких вмятин или иных следов, указывающих на причастность авто к загадочным случаям в пригороде Дирборна.

Генри вызвал полицию и, когда та прибыла, объяснил всю ситуацию.

— Мистер Форд, мы знаем, какая у вас репутация в городе, и признательны вам за все, что было сделано для Дирборна, но пропажа сержанта полиции — это не шут-

ки. А ваша сестра, возможно, имеет к этому отношение, иначе откуда взяться в ее доме клочку одежды полицейского? Боюсь, что мы вынуждены взять под стражу мисс Форд до конца расследования.

Генри побледнел, но резко возразил:

— Я прошу прощения, но не могли бы оставить мою сестру на свободе? Под мою ответственность, разумеется. Заверяю вас, что она и близко не подойдет к автомашине. Проследую за этим лично.

— Как вы представляете себе это? Пропадает сотрудник полиции, а я оставляю виновницу преступления на свободе?!

— Прошу вас не забываться, мистер Марсден, — ледяным голосом произнес Форд, — вина моей сестры еще не доказана. Воздержитесь впредь так называть ее без должных на то оснований.

— Без оснований?! А прапажа сержанта?!

— Мистер Марсден, насколько я могу предположить, вы уже знаете про версию о моих конкурентах, которые могли затеять все это?

Начальник полиции мрачно кивнул.

— Тогда почему вы продолжаете подозревать мою родную сестру?

— У нас свои методы расследования, мистер Форд! И нам решать, кого подозревать, а кого нет. Прощайте.

Марсден кивнул Генри Форду и направился к полицейскому автомобилю.

Брат проводил взглядом уезжающие машины и повернулся к сестре:

— Как это понимать, Джейн?

— Сама не знаю. С сержантом Диксоном мы распрощались примерно в обед. Я вернулась из города после разговора с тобой и обнаружила, что Диксон сидит на крыльце моего дома. Он сообщил мне о миссис Уилкс и, кажется, я потеряла сознание. Очнувшись дома, в гостиной. Мы еще немного поговорили, и сержант ушел. Потом, заперев ворота, я легла спать. Проснувшись утром, обнару-

жила клочок формы сержанта под своей кроватью.

Генри задумчиво чертил носком ботинка на земле круги, а потом произнес:

— Это крайне странно. Я сейчас же поеду и встречу с несколькими людьми, которые могут нам помочь. А ты сиди дома и никуда не выходи. Приеду как только смогу!

Когда Джейн закрыла ворота за машиной брата, на улице было уже очень жарко. Женщина подошла к своей «Лиззи» и задумчиво провела рукой по ровной, прохладной поверхности капота. Прохладной?

Мисс Форд подняла лежавшую на земле лопату и дотронулась до металла. Он оказался раскаленным, и женщина сразу отдернула руку.

«Что за чудеса?!» — подумала Джейн, вновь посмотрев на свой автомобиль.

Что-то тут не так. Не так с этой сотой моделью.

* * *

Раздался раскат грома, и мисс Форд проснулась... во дворе своего дома.

Лил дождь, пространство вокруг озарили вспышки молний, а женщина продолжала лежать на грязной земле, не понимая, что происходит. Потом она поднялась и с трудом пошла к входной двери. Дождь заливал ей глаза, грязь растекалась по лицу, однако женщина этого не замечала и продолжала идти. На крыльце Джейн остановилась и оглянулась как раз в тот момент, когда ночное небо пронзила молния. В момент вспышки мисс Форд успела заметить, что двор пуст. Машины не было.

* * *

Генри Форд опустил на стул рядом с кроватью своей сестры и произнес, глядя на бледную женщину:

— Милая Джейн... Что же с тобой сделали эти ублюдки? Я клянусь тебе, что найду их всех и засажу за решетку!

Когда Форд приехал проведать сестру и обнаружил ее всю в ссадинах, царапинах и синяках, то у него чуть не случился сердечный приступ. Он уложил ее в кровать, приготовил завтрак и вызвал врача.

Тот строго приказал брату не разрешать ей вставать с постели и перегружать себя какой-либо работой:

— Ее физическое состояние не вызывает у меня опасений. Все эти царапины и ссадины скоро заживут. Я больше беспокоюсь о психическом здоровье. Создайте вокруг вашей сестры обстановку, в которой ее ничто не будет волновать.

Уже после того, как доктор отбыл, Генри сидел напротив Джейн и наблюдал за ее сном.

Губы женщины шевельнулись, и Форд услышал:

— Я не понимаю, что происходит. Мне кажется, что с машиной что-то не так... Она какая-то странная. С того момента, как она появилась, стали происходить эти происшествия... Генри, я боюсь, что она и меня убьет!

— Ну-ну-ну, — проговорил брат и погладил сестру по голове, — все будет хорошо.

А затем произнес совсем непонятную фразу:

— Нет-нет, немыслимо....

Но Джейн снова провалилась в сон, не успев спросить, что он имел в виду.

* * *

Ночью раздался страшный шум внизу, на первом этаже. Генри встрепетнулся и с недоумением прислушался. Ему показалось, что он слышит рык мотора. Мужчина взглянул на Джейн: не разбудил ли ее этот грохот? Но нет — женщина крепко спала.

Генри открыл дверь комнаты и начал спускаться по лестнице вниз. Когда последняя ступенька осталась позади, Форд увидел, что вместо входной двери зияет огромная дыра, сквозь которую видно улицу. Генри осторожно подошел к гигантскому

проходу, осмотрел его. Он услышал стук дверцы авто, а в следующий момент его ослепил свет фар.

Брат Джейн едва успел отскокить от дыры, когда рядом снова рыкнул мотор, и в дом въехала «Лиззи».

Форд, пораженно уставившись на автомобиль, стал подниматься с грязного пола.

— Какого черта?! — прокричал он, обращаясь к фигуре, сидевшей на водительском месте. — Вы хоть представляете себе, кто я такой?!

Мужчина выхватил револьвер, который взял с собой, отправляясь к сестре, и направил его в сторону машины:

— Вылезай из «Лиззи», негодяй! Быстро! Иначе... — пригрозил он и, направив оружие в потолок, выстрелил.

Фигура стала медленно выбираться из автомобиля. Наконец дверца захлопнулась, и человек показался в свете фар. Генри опустил револьвер от удивления, когда разглядел, кто это был.

«Невозможно...» — пронеслось у него в голове.

Он вновь направил оружие на неожиданного гостя.

— Что вам нужно от меня и моей сестры?

Фигура не ответила, а села обратно в машину. Рыкнул мотор, и водитель направил «Лиззи» в сторону Генри. Медленно, но неотвратимо автомобиль стал приближаться к Форду. Тот попятился и стал подниматься по лестнице вверх, на второй этаж. С последней ступени он увидел, что «Жестянка» остановилась, а затем дала задний ход и скрылась. Только по удаляющемуся звуку двигателя мужчина понял, что авто выкатило наружу.

Форд ворвался в комнату сестры, схватил телефон и позвонил в полицию:

— Быстрее! Это Генри Форд! Срочно приезжайте к дому моей сестры! Похоже, тот, кто стоит за этими наездами на жителей, сейчас рядом с Бэйкерс Роуд. Поторопитесь!

Джейн проснулась еще от выстрела, а теперь приподнялась на локте и слабым голосом спросила:

— Что происходит?

— Потом! Все потом! Оставайся на месте!

Генри стремительно подошел к окну, располагавшемуся в комнате сестры, и выглянул в него. Ничего не было видно. Форд открыл окно и прислушался. Ему показалось, что мотор «Лиззи» рычит где-то неподалеку.

Когда он вновь спустился вниз, тихо ступая по обломкам выбитой двери и стены, машина была по-прежнему во дворе. Генри показался в свете фар и направил револьвер в то место, где должна была находиться фигура за рулем. «Лиззи» резко рванула с места и стала стремительно приближаться к смельчаку. В этот момент раздались выстрелы, и авто остановилось в нескольких футах от поломанного крыльца.

* * *

Полиция прибыла через пятнадцать минут. Когда полицейские оказались во дворе дома Джейн Форд, они увидели поразительную картину: вместо входной двери зияла чудовищная дыра с неровными краями, а почти рядом с входом в дом стояло шикарное авто, разрезающее ночь светом фар.

Сотрудники полиции обступили «Жестяную Лиззи», и когда один из них дернул ручку дверцы, из салона авто выпало тело.

Начальник полиции Марсден приказал расступиться своим подчиненным, а сам опустился на корточки рядом с телом. Затем перевернул человека, и все услышали его удивленный вскрик. «Телом» оказался сержант Диксон.

— Какого?! — произнес Марсден.

Он осмотрел тело сержанта, а потом взглянул на стоявшую рядом машину.

Внезапно в своей голове начальник полиции услышал голос. И одновре-

менно с этим событием он ощутил непреодолимое желание сесть за руль «Лиззи». Он поднялся, провел рукой по гладкой поверхности автомобиля и изменившимся голосом сказал:

— Норман и Сандерс! Отнести тело сержанта в дом. Вэйстоу! Объясните Форду, что я отправляюсь доставить авто в полицейский участок. Теперь эта машина — важная улика.

Один из подчиненных внезапно выступил вперед и робко произнес:

— Сэр, простите, но не лучше ли будет вам самому поговорить с мистером Фордом, пока кто-нибудь из нас поедет на автомобиле в участок?

— Вам дорога ваша работа, Сандерс?

— Так точно.

— Если не хотите ее потерять — делайте то, что я приказал.

Полицейские принялись исполнять приказ начальника, а сам Марсден медленно залез в салон, сел на место водителя, провел рукой по рулю и произнес:

— Слушаюсь.

Зарычал заведенный мотор, и машина, тронувшись с места, выехала со двора и скрылась в темноте.

* * *

Генри Форд устало опустился на стул возле кровати сестры и сказал:

— Напоследок «Лиззи» решила забрать еще одного человека.

— О чем это вы? — спросили полицейские, только что передавшие слова начальника полиции самому известному человеку в городе.

— Дело в том, что с этой машиной не все в порядке. Я смотрел мимо очевидных фактов и несу заслуженное наказание.

Он встал со стула и остановился посреди комнаты, обводя взглядом присутствующих:

— Я полагаю, вы читали в газетах несколько лет назад статьи о том, что в штате Орегон был найден крупнейший метеорит в США?

— Ах да, — медленно произнес один из полицейских, — я что-то такое слышал. Ну а при чем тут он?

Генри прикрыл лицо рукой и глубоко вздохнул.

— Боюсь, что он имеет непосредственное отношение к произошедшему... Если вы действительно читали сообщения о метеоре, то должны помнить, что он уникальный. Представляет собой гигантский кусок железа весом в пятнадцать с половиной тонн.

— И?

— Железо, из которого мой завод делал автомобили, поставляла мне Орегонская сталелитейная компания. Однажды мне пришло письмо от компании о том, что с добычей железа случилась заминка, но в нем также сообщалось о том, что есть альтернативный вариант. Они обещали прислать мне кусок этого метеорита, Уилламета. Разумеется, я не поверил в эти байки о жертвоприношениях и индейцах и согласился.

Когда он прибыл, я распорядился, чтобы из метеоритного железа был создан только один автомобиль. Для меня было огромным сюрпризом, что это авто будет сотым по счету, юбилейным. Остальное железо ваш покорный слуга приказал уничтожить, так как решил, что такой автомобиль должен быть только в единственном экземпляре.

Он сделал паузу и, вздохнув, продолжил:

— Этот уникальный автомобиль я решил подарить своей сестре Джейн. И повод достойный нашлся: ее день рождения. Когда стали происходить известные нам события, я сперва подумал на своих конкурентов. Когда произошло убийство, а затем пропал сержант, во мне зародились сомнения.

Джейн приподнялась на кровати и слабым голосом произнесла:

— Генри?! Как понимать твои слова?

— Твоя машина необыкновенна! Во всех смыслах. Но я не хотел всего этого! Кто мог подумать, что вся эта чушь — правда!

— Подумать только, — почесал затылок полицейский, — история, достойная детективного романа!

— В этот нет ничего забавного! — произнес Генри Форд, — я не могу простить себе то, что произошло! Как мне теперь смотреть в глаза людям? Как говорить, что «Лиззи» — лучшая машина, если она виновна в гибели двух людей?!

Он опустился на кровать рядом с сестрой и, взъерошив волосы, спрятал лицо в ладонях.

— Генри... — Джейн дотронулась до его плеча. — Откуда ты мог знать, что с этим железом что-то не так? Не казни себя...

Форд посмотрел на сестру, а затем обнял ее:

— Джейн, прости меня. Я ничтожный глупец...

— Мистер Форд, — сказал один из полицейских, — как поступить с «Лиззи» и начальником Марсденом?

Генри удивленно посмотрел на говорившего, словно уже успел забыть о происшествии:

— Организовать погоню, полагаю. Я как можно скорее сообщу вам номер авто и выделю средства для организации поисков. Номер следует разослать по всем ближайшим полицейским постам. Возможно, кто-то заметит «нашу» «Лиззи».

* * *

Часть статьи в газете «Дирборн Крониклс»:

Начальник полиции Марсден отправлен в психиатрическую лечебницу!

Недалеко от Дирборна полиция города и помощники Генри Форда провели совместную операцию, истинная суть которой пока остается в тайне. Вот то, что нам известно: начальник полиции Дирборна Сэмюэль Марсден был найден на пустынном отрезке дороги, ведущей из города. Что с ним произошло — неизвестно, но, по имеющимся данным, он совершенно потерял рассудок.

Наш источник сообщил, что Марсден все время твердил что-то про голоса, звучащие в голове. Когда его спросили, как он очутился на обочине дороги, Марсден ответил, что «Бог бросил его здесь». Бывшего начальника полиции доставили в «Дирборн Олд-Хоспитал».

Полиция и сотрудники «Форд Моторс Компани» произошедшие события комментировать отказались. Ричард Ломар

Заметка в газете «Дэйли Пост»:

Обманутый покупатель заявил в полицию на своего приятеля

Любопытный случай произошел недавно в Детройте. Мэтт Уандерс заявил на своего друга в полицию за то, что тот не выполнил часть заключенной сделки. Сделка — покупка Уандерсом автомобиля у приятеля, Саймона Мерелла. Мерелл же, по сообщению неудавшегося покупателя, недавно нашел это авто и решил продать его.

Деньги за нее Мерелл получил, но машину покупатель не увидел. Уандерс заявляет, что его «приятель» просто смылся с деньгами, хотя сумма не такая уж и большая.

Если кто-либо из наших читателей увидит Саймона Мерелла, просьба незамедлительно сообщить в полицию или в редакцию газеты о его местонахождении.

Курт Магнес

Московская область, г. Раменское

ПОХОЖДЕНИЯ «ПОДМИГИВАЮЩЕГО ПРИЗРАКА»

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА VI. «В бананово-лимонном Сингапуре»

Войдя в класс, Нина увидела крепкую широкоплечую рыжеволосую девчонку, рисующую на доске искривленную рожицу. Нина сказала как можно независимее:

— Я буду учиться в вашей школе. Где тут свободное место?

Девчонка пренебрежительно окинула взглядом стройную фигуру новенькой, и Нина сразу поняла, что успела в одно мгновение приобрести себе непримиримого врага. Пауза затянулась, и в разговор поспешила вмешаться школьница с двумя косичками, по-смешному торчащими в разные стороны:

— Садись со мной, здесь свободно.

Нина сделала шаг, и тут рыжая девчонка загородила ей дорогу:

— Обойди с другой стороны. Тут проход только для блатных.

«Уступать нельзя. Надо сразу ставить ее на место. Девчонка крепкая, но она не знает, что я перворазрядница по гимнастике».

И Нина сильными руками, при выкшими к упражнениям на турнике, схватила противницу за плечи и резко отбросила в сторону, освобождая себе путь. Ошеломленная столь резким отпором, девчонка невольно погладила ушибленный о парту бок. Уже в следующий момент она сделала шаг вперед, чтобы продолжить схватку. Но

тут в класс вошла учительница и строго прикрикнула:

— Копылова, опять ты воду мутишь, свое главенство показываешь. Помяни мое слово, плохо кончишь.

— А я еще и не начинала, Любовь Борисовна. Когда я начну, то сразу узнаете.

— Не пугай. Я пуганая. Когда в детской колонии воспитанникам преподавала, мне шпана финки из-под парты показывала. Так что ты другим угрозы посылай. Месяц назад умер наш вождь Иосиф Виссарионович Сталин. Мы все должны сплотиться, а не кидаться друг на друга, как голодные волчата. Иди, Копылова, на свое место. А ты, новенькая, расскажи нам о себе. Вкратце, конечно. Изучение истории еще никто не отменял.

На Нину смотрело двадцать пар любопытных девчоночьих глаз, и она сухо пояснила:

— Я Нина Лугина. Из Ленинграда сюда, в Москву, переехала. Определили учиться в вашу школу.

— Чем увлекаешься?

— Имею первый юношеский разряд по спортивной гимнастике, люблю музыку слушать.

— Комсомолка?

— Не успела.

Любовь Борисовна успокаивающе кивнула:

— Ничего, покажешь себя — и примем, если достойна. Сейчас, после смерти вождя, нам надо укреплять ряды комсомола. Еще вопросы к новенькой есть?

— По каким причинам переехала из Ленинграда?

— Мама вышла замуж, а он москвич, живет здесь, на Арбате.

Девчонки в классе возбужденно зашумели:

— А сколько лет маме?

— Тридцать восемь.

— Ого, в таком преклонном возрасте — и свадьбу играть не побоялась. Отчаянная она у тебя.

Любовь Борисовна громко стукнула журналом о стол:

— А ну хватит гоготать без особой причины. Ну-ка, вспомним домашнее задание. Кто расскажет мне о причинах поражения восстания декабристов? А, сразу затихли! Придется самой вызывать к доске. Посмотрим по журналу, кто давно отмалчивается. Пусть голос свой подает при ответе, а не в бесполезном гвалте.

Учительница склонила голову над журналом, и Копылова, воспользовавшись моментом, резко повернулась и угрожающе прошипела:

— Ты, новенькая, после уроков не сбегай. Разговор продолжить надо.

- Если один на один, то я не против.
- Договорились.

С этого момента Нинка плохо воспринимала происходящее на уроках. Ее ум занимала предстоящая схватка. Она выросла на Лиговке среди заблатненных ребят, оставшихся сиротами после войны. Дружила в основном с мальчишками, уважавшими отчаянную девчонку, не боявшуюся вскакивать на ходу на трамвайную подножку и прыгать с перил моста в воду. При уличных драках Нинка присутствовала, но сама никогда не участвовала. И предстоящая схватка ее волновала. Она не хотела огорчать болезненную мать разбитым лицом после первого же дня пребывания в новой школе. Но отступить было некуда. «Если стычка по-честному, один на один, то спуску не дам. Васька-сосед обучил кое-каким приемчикам. Да и сила в руках есть. А вот если гурьбой налетят, то портфелями задолбят. Придется потом по одной отлавливать для расправы. Возьму с собой чернильницу-непроливайку и первой нападавшей закатаю в лоб, а там видно будет».

Прозвевший звонок прозвучал, словно гонг. Нинка вышла из школы. У выхода из двора ее догнали пять девчонок во главе с Копыловой:

- Куда бежишь, новенькая? Ведь договорились поговорить.
- Вот уж не думала бежать. Да и от кого, от тебя, что ли?
- А хоть бы и от меня. Пойдем с нами на соседнюю улицу. Там есть удобный тихий дворик, чтобы никто не мешал нам выяснять отношения.
- Ладно, а как драться будем: до первой кровинки или до первой слезинки?
- Это у пацанов так дерутся. А мы будем биться до тех пор, пока ты у меня пощады не попросишь.
- Или ты у меня. Только пусть никто не вздумает вмешаться. Потом хуже будет.

Нинка с дерзким вызовом окинула взглядом взволнованные лица стоявших вокруг девчонок: «Трое из них

здорово напуганы. Сами не рады, что вязались в опасную передрагу. Хотя по приказу Копыловой станут меня бить, если упаду. А вот приятельница Копыловой, высокая и худая, со злыми глазами, явно любит пустить в ход кулаки. Вот этой глисте первой и влеплю чернильницей по морде для остротки остальных, если полезут. Пока в себя приходиться будить, с Копыловой схлестнусь. А там видно будет».

Нинка, стараясь выглядеть уверенно, направилась в сопровождении взволнованных предстоящей схваткой девчонок на соседнюю улицу. Идя рядом, Копылова безудержно болтала, осыпая противницу угрозами. Это, наоборот, успокоило Нинку. «Она почувствовала силу в моих руках и боится предстоящей схватки. А потому нарушит правила, постарается организовать налет на меня оравой в пустынном месте. Надо ускорить события и провести схватку здесь, на улице, где в крайнем случае могут вмешаться прохожие».

В этот момент злобно ругающаяся Копылова грубо толкнула Нинку в спину, и та, воспользовавшись моментом, с размаху ударила портфелем обидчицу по голове. И тут же, юркнув между опеших девчонками, прижалась спиной к забору. Достав из кармана пальто чернильницу, грозно спросила:

- Ну, кто из вас первый хочет заливаться кровью?

Взъяренная отпором Копылова сделала шаг вперед:

- Ах ты гнида тифозная! Сейчас получишь у меня облом.

Нинка подняла руку с чернильницей над головой, приготовившись бросить ее в лицо сопернице. Копылова в нерешительности замерла на мгновение. И тут сбоку раздался насмешливый голос:

- Что за шум, а драки нет? Вы чего это, девчонки, пятеро на одну? На тебя, Тамарка, это не похоже.

К месту предстоящей схватки неторопливо направился высокий крепкий парень в кепке, длинном пальто, изпод которого видна была тельняшка.

Увидев его, Копылова охотно воспользовалась передышкой:

- А тебе, Боцман, какое собачье дело до нашей кошачьей жизни?

— Ну ты, Рыжуха, прикуси язык. В нашем районе смуту затеяла. К тому же девчонка эта из моего двора. А я своих в обиду не даю. Так что бери своих кошелок и вали отсюда. И запомни: девчонка эта под моей защитой. Если что не так пойдет, с тебя спрошу.

- Ладно, Боцман, не шуми зря. Я же не знала, что ты за нее марку держишь.

Тамарка с явным облегчением откатилась от схватки и вместе с другими девчонками направилась в сторону. Отойдя немного, повернулась и, стараясь оставить последнее слово за собой, как можно небрежнее процедила:

- Повезло тебе сегодня, новенькая.

Нинка ничего не ответила, а когда гурьба девчонок удалась, повернулась к своему спасителю:

- Наврал про соседство по дому?

— Нет, я видел, как вы въезжали в наш дом на третий этаж дней десять назад. Я знаю, теперь у тебя отчим — профессор. А мать твоя — бухгалтер.

- Надо же, ты все знаешь о своих соседях?

— Немудрено. Моя мать — дворничиха. Ежедневно приносит со двора сплетни.

- Но обо мне ты все сказал верно. А откуда эту рыжую Тамарку знаешь?

— А кто ее здесь не знает? Девка отчаянная, да мозгов маловато. С ней вечно в дерьмо вляпаешься. Где она, там и драка. Обязательно пацанов стравит между собой. Да и мой брат Грош с ее отцом Бараном подельники. За гоп-стоп вместе в лагере срок мотают.

- Ого, а я думала, тебя уважают самого, а за тебя, оказывается, страх перед братом работает.

— Ну, это ты загнула. Я и сам кое-что стою.

- А чем занимаешься?

— Учусь в соседней школе в седьмом

классе. Последний год мыкаюсь. По-еду летом в мореходку поступать.

— Потому тебя и Боцманом кличут?

— Не только. Зовут меня Борисом. А тебя?

— Нинка я, Лугина. Остальное уже знаешь.

— У вас в Ленинграде пацаны голубей гоняют?

— У нас на Лиговке даже парня завалили за то, что двух почтарей у своих же украл и загнал спекулянтам.

— За это стоит. А ты свистеть умеешь?

Нинка поставила на асфальт портфель и, засунув по два пальца каждой руки в рот, оглушительно свистнула. Боцман одобрительно кивнул:

— Ты своя девчонка. Айда со мной на чердак, покажу свое хозяйство.

И Нинка, не колеблясь, подхватила с тротуара портфель:

— Пойдем.

Шагая по узкому переулку, она с удовольствием шурилась от щедро-го весеннего солнца. Рядом с ней шел симпатичный сильный парень, защитивший ее в страшную минуту от расправы. Что еще нужно пятнадцатилетней девчонке в незнакомом и пока враждебном городе?

Войдя во двор своего дома, Боцман уверенно повел ее мимо зловонной помойки к черному ходу. Легко отодрал едва державшиеся для видимости на гвоздях доски, и они направились по грязной лестнице в таинственной полутьме на последний этаж. Дверь на чердак еле держалась на ржавых петлях. Не оглядываясь, Боцман быстро пересек посыпанный песком пол чердака и, подойдя к оконному проему, проворно вылез на крышу. Нинка, не задумываясь о последствиях, поднялась следом. Под их ногами железная кровля прогибалась и отзывалась натужными вздохами, пружинисто выправляясь после каждого шага. Боцман направился к краю крыши, и тут Нинка заметила длинную доску, перекинутую на перила каменного балкона другого, более высокого дома с вылепленными на стенах барельефами людей и животных. Боцман

уверенно, словно по ровной земле, прошел над бездной пятиэтажной высоты и спрыгнул на балкон. Нинка поняла: «Устроил проверку мальчик. Он не знает, что я тысячу раз проходила по бревну на тренировках и соревнованиях. Надо только не смотреть вниз на опасно манящую бездну и убедить себя, что под ногами привычное гимнастическое бревно».

Нинка легко преодолела путь по устрашающе пружинистой доске и спрыгнула вслед за спутником.

Боцман повернулся к девушке:

— Молодчина, я сразу в тебя поверил, когда увидел, как ты держишься против Рыжухи с кодлой.

— Ничего особенного. У меня разряд по гимнастике.

— Ну не скажи! Когда под тобою метров десять глубины, надо характер иметь.

— Ладно, давай веди дальше. Еще много таких проверок?

— Еще одна: познакомиться с нашими пацанами и завоевать их доверие. Я за тебя поручусь. Ну а дальше все зависит от тебя. Не приглянешься — извини-подвинься, распрощаемся.

— Я не подведу.

— Знаю, потому и взял с собой. Надо подняться на девятый этаж, а там и на чердак. Напрямую туда не попадешь: одно начальство живет, и в подъезде внизу охранник в штатском дежурит. Мои ребята уже там. Пошли.

В этом доме чердак был закрыт на навесной замок. Но Боцман уверенно вынул дужку и открыл дверь:

— Одна видимость. Наши знают. Теперь и ты будешь в курсе дела.

Идя вслед за Боцманом, Нина услышала голоса. Возле оборудованной у чердачного окна голубятни она увидела пятерых незнакомых подростков. Они замолчали, заметив незнакомку, приведенную Боцманом. Тот сразу снял лишние вопросы.

— Это Нинка Лугина. В наш дом переехала из Ленинграда.

— А как сюда попала?

— Как и вы — через доску.

— Значит, своя в доску девка.

— Ты, Сверчок, попридержи язык, а то Нинка его быстро укоротит. Она перед Тамаркой Рыжухой сегодня не спасовала.

— А я что? Я ничего особенного и не сказал.

— Вот и помолчи! Я за нее, пацаны, отвечаю.

— Да ты ее только узнал.

— Мне хватило. Вот тебя с детства знаю, а ручаться не стану.

— Ладно, Боцман, я же не против.

— Еще бы, да за нее и питерские пацаны слово сказать могут. Как их, Нинка, кличут?

— Лиговские.

— Вот видите! Все, кончайте лишний разговор. Еще раз повторяю, я головой за нее отвечаю. И ее никому не трогать. Всем ясно?

— Да ладно, Боцман. Это твое дело. Пусть ходит с нами.

И Нинка, почувствовав переломный момент в настроении компании, решила поддержать Боцмана:

— А теперь представь мне своих фатовых друзей.

— Зря смешки строишь. Вот Сверчок, не смотри, что мал ростом, он великий щипач: марку второго номера троллейбуса по Арбату гоняет. А вот это Угол. Он на Киевском вокзале у зазевавшихся фраеров чемоданы из-под носа выносит. Вот тот, Шкелет, через любую форточку проскочить может. Вон на корточках Мустафа отдыхает. Он любой замок вскрыть может. Это Мустафа чердак в нашем доме отомкнул и создал видимость, что все в порядке. И обрати особое внимание на Зяму. Не смотри, что сын училки и одет прилично. Он у нас умач. Без его придумок давно могли загреметь в уголовку. Да и в драку первый всегда кидается, чтобы показать свою смелость. Правда, и получает по сопатке больше всех. Ты не думай, что нос у него крючком по наследству от нации достался. Это ему в драке перебили.

— Ты обо всех рассказал, а сам чем промышляешь?

— А я живу по принципу: люблю блатную жизнь, но воровать боюсь.

В разговор поспешил вмешаться Зяма:

— Не слушай его, Нинка.

Он у нас ударная сила: боксер-разрядник. В «Трудовых резервах» по Москве среди юношей в призерах ходит.

— И все?

— Он на сманивании и продаже на Птичьем рынке чужих голубей иной раз больше всех имеет.

Боцман решительно махнул рукой:

— Все, пацаны, замолкли. И так сказали достаточно. Сейчас своих почтарей погоняю.

Боцман открыл клетку и вылез на край крыши. Доставая и подкидывая вверх птиц, заставил их взмывать вверх. Размахивая шестом с привязанной к концу тряпкой, кивнул Нинке:

— Свистни от души.

Нинка с удовольствием продемонстрировала свое искусство. И по восхищенным взглядам всей компании поняла, что ее авторитет стал намного выше, чем упоминание о неведомой пацанам легендарной Лиговке.

Заставив голубей вернуться в клетку, Боцман кивнул пацанам:

— Теперь можно и расслабиться.

И тут же на опрокинутом вверх дном ящике появились бутылка портвейна и пакетик со скромными конфетами-подушечками. Пили все по очереди из одного грязного граненого стакана, передавая посуду по кругу. Боцман пить отказался:

— Я режимлю, и Нинке не наливайте.

Она тоже спортсменка-разрядница по гимнастике. Вам же больше достанется.

Было видно, что ребятам не очень нравится выпивать, но они с бравадой держали фасон. В бутылке еще оставалось вино, когда Шкелет достал из угла чердака завернутую в тряпку гитару. При явном одобрении окружающих Шкелет под однообразный простенький аккомпанемент затянул старую блатную песню с однообразным припевом: «Парень в кепке и зуб золотой». И окончившая шесть классов музыкальной школы Нинка, страдая от фальшивых нот, не выдержала. Как только Шкелет закончил

петь про расстрелянного сотрудницей Губчека осужденного парня в кепке, она протянула руку:

— Дай-ка сюда. Я что-нибудь сыграю. Ну что вам исполнить? Хотите «Гоп со смычком», а если желаете, то «Мурку».

Боцман покачал головой:

— Надоел блатняк. А можешь такое сбацать, что мы не знаем?

— Могу. Только не знаю, понравится вам или нет. Эту мелодию я с пластинки выучила. Только слова не все разобрала. Ладно, слушайте.

Взяв первые аккорды, Нинка на высокой ноте протяжно запела: «В бананово-лимонном Сингапуре...» Ребята зачарованно слушали о далекой, кажущейся им сказочной стране, где люди живут среди редких фруктовых плодов, дивно щекочущих ноздри людей душистым ароматом. И слушавшие ее пацаны на мгновение унеслись в воображении с пыльного полутемного московского чердака в невиданную ими дальнюю страну, где даже под грустную мелодию люди живут светло и вольготно. Едва мелодия закончилась, Нинка, угадав желание мальчишек, запела «Мадам, уже падают листья». И вновь слушатели погрузились в волшебный мир объяснения в любви на берегу океана. Всем стало немного жаль мужика, страдающего от несчастной любви. Хотя и было непонятно, почему ему так и не удалось склеить эту капризную мадам. А Угол басовито попросил:

— А что-нибудь веселенькое знаешь?

Нинка пожалала плечами и в быстром вызывающем темпе исполнила песенку про маленькую балерину, которая хотя и утверждала, что всегда нема, но словами сыпала без остановки. Правда, подкачал последний куплет о мокрой от слез подушке. И опять было непонятно, что этой маленькой балерине не хватает, что она рыдает по ночам. Решив, что девка просто с жиру бесится, пацаны в целом одобрили музыкальное мастерство появившейся в их компании девчонки. И Нинка, поняв, что окончательно завоевала авторитет и принята в ком-

панию, с удовлетворением отложила гитару в сторону:

— Ладно, ребята, на сегодня хватит Вертинского. А то нечем будет вас удивлять в следующий раз. Я пошла: у меня еще дел полон рот, а я тут с вами прохлаждаюсь. Провожать меня не надо. Сама дорогу найду.

Нинке очень хотелось, чтобы Боцман все же последовал за ней, но тот, не желая терять свое достоинство перед пацанами, лишь небрежно кивнул светловолосой головой:

— Пока. Приходи сюда к нам завтра после школы. Напоешь еще что-нибудь.

Нинка, не оглядываясь, направилась к выходу с чердака. Сейчас все ее мысли занимал опасный переход с перил балкона на крышу своего дома по узкой, пружинящей над бездной доске. Но все прошло благополучно, и, пройдя по гулким листам кровли, она нырнула в проем чердака собственного дома. Спустившись на два этажа, позвонила. Дверь открыла мама Софья Ивановна.

В квартире остро пахло валерьянкой. Нина обеспокоилась:

— Опять плохо с сердцем? Может быть, послушаешь отчима и все-таки ляжешь в больницу?

— Нет, дочка, это я просто переутомилась в последнее время. Надо меньше заниматься репетиторством. У меня скоро все пройдет. Вот увидишь. Ты сегодня что-то задержалась. Как тебя приняли в новой школе? Учителя тебе понравились?

— Ой, мама, зря беспокоишься. С девчонками познакомилась. Учительницы, как везде, обычные: уроки объясняют и домашние задания дают. Ничего особенного. Да не беспокойся ты так. Я уже взрослая.

— Вот я и вижу, что совсем выросла. Ничего толком рассказать матери не хочешь. Есть-то будешь?

— Чуть попозже, когда уроки сделаю.

Нинка закрыла за собой дверь в комнату, где был ее собственный мирок, в котором она чувствовала себя в безопасности. Мать по негласной договоренности сюда не заглядывала.

вала. Нинка, сев в кресло, задумалась. Данный ею сегодня на чердаке концерт разбудил детские воспоминания. Она достала с комода коричневый футляр и, раскрыв, начала перебирать оставшиеся от отца пластинки. Через год после ее рождения, в 1940 году, он, занимающий высокое должностное положение, был отправлен в командировку в Западную Украину устанавливать там советскую власть. Нинка об этом времени, естественно, не помнила, а отец никогда не рассказывал, что ему пришлось делать. Единственное, что напоминало о его полугодовой командировке, — это привезенный комплект пластинок певцов-эмигрантов. Отец часто заводил, как он выражался, «цыганщину» для отдохновения души. А потом началась война. Блокаду семья провела в Ленинграде, но наркомовский добротный паек позволял им не голодать и вполне благополучно просуществовать в те страшные годы. Нинка боготворила отца, всегда уверенного в себе человека с начальствующим взглядом. Но в 1947 году отец поехал в санаторий, оставив дома страдающую сердцем Софью Ивановну. Там он влюбился в молоденькую медсестру. И, вернувшись из отпуска, сразу объявил о своем решении начать новую семейную жизнь. Видимо, понимая, что его материальный достаток крайне важен для крепости новых семейных уз, при разводе забрал с собой все ценное.

Нинка особенно запомнила день ухода отца из дома. Он озабоченно суетился, отбирая наиболее ценные вещи, и тщательно следил, чтобы грузчики аккуратно все сносили в пригнанную к дому автомашину. Время от времени он о чем-то шептался с матерью на кухне.

А на Нину совсем не обращал внимания, словно она была их домашней кошкой Ньюшкой, которая испуганно забила под кровать. Нинка тогда страстно хотела, чтобы этот родной, внезапно так изменивший свое отношение к ней человек подошел и, как прежде, нежно обнял ее за плечи.

Нине казалось, что если он так сделает, то тут же переменит свое решение и останется с ней и мамой и прикажет заносить вещи обратно в дом. Но отец этого не сделал. Остановившись посреди комнаты, он осмотрел все хозяйским взглядом и, когда его взгляд остановился на дочери, успокаивающе взмахнул рукой и с нарочитой бодростью произнес:

— Не скучай, Нинок. Когда ты вырастешь, то поймешь меня. Любовь подобна болезни: не заметишь, как подхватишь эту хворь заразную. Если в чем будешь нуждаться, обращайся, я помогу. Матери я номер телефона оставил.

Когда за отцом захлопнулась дверь, Нина сидела, как окаменевшая, без всяких мыслей. Все ее существо было охвачено чувством вины, словно это из-за нее отец полюбил какую-то женщину, безжалостно бросив ее и мамочку. А Софья Ивановна судорожно запивала водой таблетки, стараясь плакать беззвучно, чтобы не волновать вмиг осиротевшую дочку.

Впрочем, в дальнейшем отсутствие отца даже пошло Нинке на пользу. Она, бессознательно желая заслужить возвращение отца, старалась в школе получать отличные отметки, занималась спортом и музыкой. Ей мечталось, что, когда отец все же решит вернуться, она предстанет перед ним достойной его любви и уважения.

А через два года отца арестовали по знаменитому «кузнецовскому ленинградскому делу», обвинив в политических преступлениях. Узнав об этом, Софья Ивановна не стала злорадствовать, а лишь сказала Нинке:

— Правильно говорят, что в этой жизни все делается к лучшему. Если бы отец от нас не ушел, могли бы и нас посадить, как членов семьи изменника родины. А так хоть поживем на свободе.

Вскоре отца расстреляли. Нина, узнав об этом, долго рыдала, ощущая горе от так и не прошедшей любви к предавшему ее человеку. Но после этого вечера Нинка больше никогда никому не показывала, что в ее

сердце продолжает сидеть заноза, боль от которой становилась менее острой по мере ее взросления.

В 1952 году в их доме объявился Никанор Сергеевич, бывший мамин сокурсник. Он часто приезжал в Ленинград из Москвы в служебные командировки. И Нина не удивилась, узнав, что Никанор Сергеевич сделал маме предложение и она его приняла, решив переехать в Москву. Данное событие и произошло в марте 1953 года.

Все это вспомнилось Нинке, когда она вновь перебирала в своей комнате старые пластинки, привезенные отцом еще до войны из западных областей Украины. Закрыв кожаный футляр, Нинка положила пластинки на прежнее место на комоде и начала делать уроки. Она знала, что завтра обязательно вновь пойдет на чердак, где собираются лихие уличные пацаны, у которых отцы погибли на войне, а не как у нее — расстрелян по приговору суда. И сиротская безотцовщина полностью уравнивала ее с этой разношерстной компанией.

ГЛАВА VII. Амнистия

На следующий день Нинка сразу после занятий в школе направилась на чердак. Настроение у нее было приподнятое: Тамарка Рыжуха после заступничества Боцмана поспешила помириться с новенькой и даже объявила, что в школе Нинку никто и пальцем теперь не тронет. Нинка убедилась, что Рыжуха действительно верховодит всеми девчонками. Положенные ученицам бесплатные бублики и конфеты-пудшечки она получала в буфете на весь класс, распределяла в первую очередь среди своих, а остаток обычно бросала вверх с криком «На шарапа!». И девчонки, расталкивая друг друга, жадно хватали вкусное угощение. Нинка заметила, что бублики, значенные Рыжухой, достаются не всем. И когда наглая атаманша протянула ей лишний бублик, она отказалась, сослав-

шись на необходимость следить за весом. Нинке было стыдно, что она малодушничает и юлит вместо того, чтобы сказать прямо об отказе есть ворованное. Но нежелание ссориться с Рыжухой возобладало. Зато теперь Нинка была уверена, что у нее не будет в школе неприятностей. Сразу после окончания уроков она весело взбежала по шербатым ступеням старого дома, отвела в сторону висящий для видимости замок, быстро пересекла дурно пахнущий чердак, прогрохотала по гулким листам кровли и совершенно бесстрашно преодолела бездну, уверенно ступая по перекинутой на балкон соседнего здания доске. С удовлетворением заметила, что не испытывает никакой боязни перед высотой. Проникнув на обжитый пацанами чердак, Нинка убедилась, что вся компания уже в сборе.

При появлении симпатичной девчонки все обрадовано зашумели. А Боцман удовлетворенно заметил:

— Ну и кто из вас сомневался, что она придет? Девчонка боевая и нас не подведет. Бери подвигай ящик и садись поближе. Тут Шкелет анекдоты травит. Послушай, он рассказывать мастак.

— Только без мата.

Шкелет призадумался:

— Ладно, есть у меня один такой. Вчера только услышал. Приехала бабка из деревни в Москву. Ходит и наш Арбат ищет. Спрашивает у мужика: «Где тут Арбат?» А он указывает на мильтона: «Спроси вон у того гада». Старуха прямо к постовому, спрашивает «Гад, как проехать на Арбат?» Тот возмутился: «Ты меня, власть, оскорбляешь. Плати, старуха, штраф три рубля». Старушка заплакала, а делать нечего, дает мильтону червонец. Других денег нет. А мильтон: «У меня сдачи нет. Стой рядом, жди, когда других наштрафую». Бабка стояла, стояла. Надоело ей ждать, и она, потеряв терпение, в сердцах ему и говорит: «Не буду ждать сдачи: ты гад, гад и на рубль зараза».

Все дружно залились смехом: милицию боялись и потому ненавидели. Шкелет, довольный произведенным эффектом, перешел к рассказу о своих воровских подвигах. Долго рассказывал, как готовил кражу из сумки зазевавшейся женщины. Но тут вошел известный на Арбате бригадмилец по кличке Папье-Маше, и он вынужден был выскочить на ближайшей остановке. Не желая от него отставать, в разговор вступил Угол:

— Вскоре я вас на все лето покину. Придут в Москву знакомые гастролеры, и я с ними рвану на «железку» чемоданы тырить. Мы обычно залезаем на крышу вагона, хлопцы мне веревку за ноги привязывают, и я на ходу в открытую фрамугу окна пролажу и чемодан им передаю. На подъеме, когда поезд замедляет ход, сбрасываем чемодан и сами соскакиваем. Находим чемодан и вскрываем замки. А там уж как повезет: иногда одни поношенные шмотки достаются, иногда крупные деньги и дорогие фотоаппараты попадают. Загоняем товар в ближайшем городе и снова на ходу седлаем очередной поезд. Так и гуляем по Союзу.

Тут вперед выступил Сверчок:

— А у меня пока затишье. Но как солнышко пригреет в конце мая и народ форточки и окна пооткрывает, так и моя очередь придет.

Тут вмешался Боцман:

— Ну хватит языком болтать о будущих подвигах. Слушай, Мустафа, покажи-ка лучше свой арсенал. Пусть Нинка видит, что и мы не лыком шиты. Все для отмазки и отражения врага имеем.

Мустафа пролез в проем между стеной голубятни и чердачными стропилами. Покопался в углу и извлек брезентовый мешок. Неторопливо извлек на свет пять финок и два пистолета. Один отечественный ТТ и немецкий парабеллум. Насладившись произведенным эффектом, Мустафа похвастался:

— Вот эти два пера я сам в ФЗУ выточил и из пластмассы наборные рукоятки сделал. А те три финки трофейные, с войны привезенные.

— А пистолеты где взяли?

— Парабеллум — добыча Угла. Расскажи.

— В Харькове на вокзале капитана пьяненького засекли с чемоданом. С нами Лялька была. Маруха — красивая. Отвлекла внимание капитана, а мы с Дымом увели из-под носа чемоданчик. Когда шум поднялся, Лялька успела слинять. Вскрыли в тихом месте украденный «угол», а там на дне парабеллум с патронами. Наверное, вез офицерик трофей домой, да зазевался. Цап-царап, ауфидерзейн: вещи ваши стали наши.

Боцман взял в руки ТТ и покрутил им в воздухе:

— А это вещь серьезная. Пуля насквозь пять толстых досок, вместе сложенных, пробивает. Мы опробовали в парке. Этот пистоль Сверчок из квартиры вместе с часами и деньгами утащил. Так что нас так просто не возьмешь. Чуешь, к кому в компанию попала?

И Нинка, осознав, что весь этот хвастливый треп и демонстрация оружия предназначены исключительно для завоевания ее благорасположения, горделиво ощутила силу своего женского обаяния и влияния на считающих себя крутыми пацанов. И, стараясь их не разочаровывать, похвалила:

— Молодцы, хлопцы, не хуже наших, лиговских. Только у питерских ныне мода заточки делать в виде авторучек. Торчит из кармашка вроде как безобидное вечное перо, а на самом деле в крышку авторучки олово залито и смертельное жало заточки торчит.

Зяма презрительно сплюнул:

— Нашла чем удивить! Мустафа такого барахла за пару дней наклепать с десяток может. Но я сразу посоветовал этого не делать. Сыскари ведь тоже не дураки. Посмотри только на наших пацанов. Мы сильно похожи на тех, кто целыми днями бумаги подписывает? Вот то-то и оно. Мусора многих в нашем районе с заточками, замаскированными под вечные перья, похватили. Вот только некоторых посадили, а кое-кого и отпустили.

— Это еще почему?

В разговор вмешался Боцман:

— Это Зямка на Шарика намекает.

Живет эта сволочь порядочная тут недалеко, на Смоленской. Его год назад с финкой задержали в кинотеатре «Арс», да вскоре отпустили. Он вроде из блатных и сидел два раза. Но шушок среди ребят с тех пор идет, что стучит он сыскарям. Его уже однажды урки порезали. Предлог удобный нашли: в карты он якобы переделернул. Но удалось выжить подлюке.

— А почему кличка такая — Шарик? Он на собаку похож?

— Нет, ему уже за двадцать, а он худенький и маленький, как пацан. Суется все время, спешит куда-то, словно ему задницу скипидаром смазали.

— А как же он объяснил, что его, задержав за холодное оружие, отпустили?

— Сказал, что оперативника вызвали на минуту к начальнику из кабинета. А он схватил со стола заточку и в мгновение ока выбросил в открытую форточку. Мусор вернулся, а доказательства нет. Бросился на улицу искать, да не нашел. Кто-то из прохожих, видимо, подобрал. Пришлось им Шарика отпустить. Правда, по горбу ботинком надавили. Шарик всем синяки на спине показывал. Зато от срока отмотался.

— Ловко выкрутился.

— А может, и правда так было. Кто знает. Так что пока шпана Шарика не трогают. Предъявить ему вроде как нечего. Ладно, Мустафа, давай клади все обратно в схрон.

— Неужели, Боцман, в ход оружие пустите? Людей убивать будете?

— Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути. Нас не тронут — и мы не полезем. Ну а в обычной драке почему не помахать кулаками, если они у нас имеются?

— Мы еще пока никому не уступали. Знаешь, как у нас Боцман умеет бить: с одного удара любого с ног валит. А Мустафа лягает ногой в низ живота, как в футбол играет. Сразу охоту к сопротивлению исключает.

— А ты сам-то как в драке целым остаешься?

— Я обычно на подхвате. Кручусь как ртуть, отвлекаю внимание, пока пацаны свою работу делают.

— Ладно, Зяма, трепаться. В драке всегда приходится за тобой следить, чтобы не покалечили. Один только раз недосмотрели, и то тебе нос в два раза горбатее, чем был, сделали.

— Ладно, Боцман, издеваться. У амбала же кастет в руке оказался. Ты его тогда здорово уделал.

— Ну все, хватит сегодня о делах. Нинка, сбавай чего-нибудь на струнах.

И Нинка начала исполнять заученные с пластинок мелодии. Время от времени она бросала тревожный взгляд на укромный угол за голубятней, где хранился грозный арсенал. Она еще не знала, что вскоре примет самое активное участие в его спасении.

Дни шли за днями. Незаметно пролетел месяц. В школе под негласным покровительством Рыжухи все складывалось благополучно. Училась Нинка хорошо, на ходу усваивая учебный материал. И с удовольствием бежала после занятий на ставший ей привычным и даже казавшийся уютным чердак. Она давала сольные концерты, пацаны относились к ней уважительно и даже дали прозвище Балерина за полюбившуюся неоднократно исполняемую песенку. Но наиболее часто пацаны просили исполнить протяжный, уносящий вдаль от грязной распутицы арбатских переулков напевный мотивчик о бананово-лимонном Сингапуре. И Нинке было понятно горячее желание мальчишек очутиться в волшебной стране, где нет грязи и голода, вечно раздраженных от нехватки еды, одежды и мыла матерей, а также беспощадных мильтонов, жаждущих схватить и посадить за решетку дерзко хулиганящих в отместку за отнятое военное детство пацанов.

В этот день Нинка хотела категорически отказаться от исполнения порядком надоевшей мелодии. Но ей совсем не пришлось петь. Увидев сгрудившихся вокруг голубятни встре-

воженных ребят, Нинка сразу поняла, что случилось нечто серьезное. Ребята вскрыли тайник за голубятней и разбирали оружие. Пистолеты спрятали под рубашки за ремни Мустафа и Угол, а финки рассовали по карманам Сверчок, Шкелет и Зяма. Боцман, надеясь на увесистые кулаки, отказался вооружаться. Нинка почувствовала, как холодок дурного предчувствия пробежал по спине.

— Что случилось, ребята?

— Пацаны со Смоленки наших лучших голубей сманили, а отдавать почтарей не хотят.

— Так, может, все-таки договориться по-хорошему, без поножовщины?

— Пытались. Сам Боцман с Мустафой к сывкам ходил. Но они отпираются: знать ничего не знаем.

— Так, может, ночью вскрыть их голубятню и возвратить украденных птиц?

— Они же не дури держать почтарей в своей голубятне. Наверняка держат их у кого-нибудь в сарае или в доме. А может быть, уже и загнали на «Птичке».

— А вы уверены, что виноваты ребята со Смоленки?

— Зяма видел, в какую сторону наши почтари полетели и в каком месте пошли на приземление. Да и Шарик по секрету нам шепнул, что смоленские пацаны ему по дешевке знатных голубей предлагали. Но он отказался.

— Ну и что вы намерены делать?

— Оставлять кражу почтарей безнаказанной нельзя. Мы назначили им стычку в проходном дворе возле Карманицкого переулка. Поставили условие: вернут голубей по-хорошему — разойдемся миром. Откажутся — пусть на себя пеняют.

— Ну так подеритесь на кулаках. А пистолеты и ножи зачем с собой тянете?

— А ты, думаешь, смоленские с пугстыми руками на встречу явятся? На всякий случай шпалеры придется захватить.

— Я пойду с вами.

— Это еще зачем?

— Вы сами говорили, что я в компании «швой парень». Да и будет

кому вам раны перевязать. Нас этому обучали.

— Ладно, но будешь держать-ся в отдалении и смотреть со стороны. Нечего девчонке в дворовую свалку влезать.

— Ладно, согласна.

На место встречи компания пришла первой. Противников не было видно. Внезапно с одной стороны двора возникли высокие фигуры двух сыщиков из восьмого отделения милиции, а под аркой появился местный участковый милиции в форме. По команде «Атас!» все парни дружно скрылись в выходящем во двор подъезде красного кирпичного дома. Стоявшая по приказу Боцмана в отдалении на подступах ко двору Нинка слышала, как один из сыщиков предложил:

— Подождем подмогу. По имеющейся у меня информации, у ребят два огнестрела имеются. Откроют пальбу сдуру, а сейчас уже войны нет и погибать задарма не хочется.

И Нинка, поняв, что парней надо выручать, смело зашагала мимо сыщиков во двор. Она шла уверенно, словно сотни раз проделывала этот знакомый ей путь. И у сыщиков хорошо одетая девчонка с белоснежными бантиками в косичках не вызвала подозрений. Чинно войдя в подъезд, Нинка бегом взлетела на третий этаж. Увидев обреченно столпившихся между этажами ребят, открыла свой портфель и решительно скомандовала:

— Грузите сюда весь арсенал. Только я смогу пронести его мимо мильтонов. Давайте быстрее. Вытаскивайте наиболее толстые учебники по истории и литературе. Возьмешь, Зяма, их себе. Потом отдашь. А на освобожденное место кладите оружие.

Парни беспрекословно повиновались. Подняв портфель с каменной площадки, Нинка поняла, что немного переоценила свои силы: тяжесть металла оттягивала руку. Но отступить было поздно, и Нинка направилась вниз. Увидев на подоконнике греющуюся на солнце кошку, нашла спасительное решение. Схватив живот-

ное и прижав груди, обеими руками вцепилась в ручку портфеля. Так было намного легче нести тяжелый груз. Не вызывая подозрений у сотрудников милиции, говоря ласковые слова кошке, прошла мимо них и направилась в сторону вкусно пахнувшей булочной-пекарни. Навстречу ей попались два сержанта в сопровождении трех бригадмильцев. По возбужденным лицам представителей общественности было видно, что они жаждут подвигов и горят желанием поучаствовать в настоящей боевой операции. Отойдя двести метров, Нинка сбросила с рук кошку. Та недовольно мяукнула и стремглав побежала назад в свой родной двор. А Нинка, завернув за угол, поспешила прочь от опасного места.

Увидев подмогу, сыщики решительно направились в подъезд. Между ногами одного из них проскочила вернувшаяся кошка, вынесенная недавно из подъезда хорошо одетой и ухоженной девчонкой. Смутное подозрение закралось в мозг сыщика, но было уже поздно что-либо менять. Задержав в подъезде группу пацанов, сотрудники милиции не обнаружили у них ничего противозаконного. Тщательно обшарив всю лестницу, ни с чем вернулись в отделение милиции. Подводя неутешительные итоги, обманутой Нинкой оперуполномоченный понял свою ошибку: «Шарик опытный сексот. Он не мог дать ложную информацию. Значит, стволы у пацанов с собой были. Вынести их могла только та девчонка, с невинным видом прошмыгнувшая мимо с кошкой на руках и портфелем. Обвела нас, пигалица. Да кто же мог подумать, что такая чистюля в компании Боцмана крутится? Надо будет об этой крале навести подробные сведения. А пока, как ни крути, мы фразернулись. Но ничего, еще будет время рассчитаться».

Эта мысль о будущей расплате несколько смягчила досаду сыщика на неудачно проведенную операцию.

А Нинка, скрывшись с места облавы, поспешила к своему дому. Увидев во

дворе машину медслужбы, ощутила тревогу за здоровье матери. В своей квартире она застала врачей, уговаривающих Софью Ивановну поехать в больницу, но та категорически отказалась. Пожилая врачиха устало пожалала плечами:

— Ну как хотите. Только предупреждаю: любой очередной приступ — и сердце можете не выдержать. В результате летальный исход. А вы еще молодая женщина. Поедем с нами, подлечитесь. Не хотите? Ну, воля ваша, силком никого не тянем.

После ухода врачей Нинка с тревогой приникла к материнскому плечу:

— А может, надо было все-таки лечь в больницу?

— Не могу я, дочка, оставить тебя одну в незнакомом городе. Да и Никанор нуждается в моем уходе.

— Ну а о собственном здоровье тоже надо подумать.

— Ладно, дочка, что теперь говорить о том, чего уж не вернешь. Садись в кресло. Мне надо с тобой серьезно поговорить. Я все откладывала, а теперь вижу, самое время. А то уйду на тот свет внезапно и не сообщу тебе нечто важное. Ты уже взрослый человек и потому говорить буду откровенно. А ты слушай и не перебивай.

Софья Ивановна немного помолчала, а потом начала говорить быстро, проглатывая окончания слов, словно боялась, что ее перебьют и она не успеет сказать дочери нечто весьма важное.

— Послушай, Нина. Это жестоко. Но я скажу. Отца твоего я любила. Знаю, и ты его по-прежнему любишь и жалеешь, что его расстреляли. Считаешь невинным. Конечно, отец не изменник Родины. Но он не был идеальным человеком. В блокаду нашу семью снабжали хорошо. И он через спекулянтов выменивал у голландных людей на продукты драгоценности. Все те картины на стенах, вазы, табакерки и статуэтки в нашей прежней квартире на чужих слезах были собраны. Да и нас с тобой он бросил, как ненужную старую одежду с плеча,

ради пустой молодой бабенки. Не-хорошо так говорить, но постигла его кара небесная за все прежние грехи. Да я вовсе не об этом. Когда уходил от нас, от жадности все ценное с собой забрал. Злость меня взяла. Спрятала я от него ценный бриллиант. Он начал скандалить, а я ему напомнила: у тебя есть дочь, оставь ей хоть что-нибудь. Он и сник, не стал настаивать. Так что ты у меня не бесприданница. Камушек этот очень ценный. Видимо, дворяне бывшие с фамильной ценностью с голодухи расстались. Я его зашила в рукав моего модного серого жакета. Открой шкаф, жакет с краю висит, и нащупай камень в правом рукаве возле пуговики.

Нина повиновалась. В рукаве обнаружила бугорок, напоминающий по форме кусочек небольшого школьного мелка. Она повернулась к матери:

— Зачем ты мне все это рассказала?

Да и ни к чему мне этот чужой бриллиант.

— Не говори так, дочка. Для тебя же старалась. Вот вырастешь, выйдешь замуж, дети пойдут. Мало ли что в жизни случится. А у тебя на черный день хоть что-то за душой будет.

— Мне главное, чтобы у тебя сердце не болело. Может быть, продадим эту безделушку — и тебя на курорт отправим и лекарства купим.

— Нет, доченька, зачем зазря деньги переводить. В любой момент «пламенный мотор» отказать может. Но я довольна: успела тебе рассказать об этом бриллианте. А теперь все. Я еще полежу и немного отдохну. А то скоро Никанор придет, кормить его надо. Он, кстати, хороший человек, меня любит и тебя не обидит, если со мной что-нибудь случится. А теперь иди к себе.

Нина прошла в свою комнату и положила тяжелый портфель на кровать. День у нее выдался нелегкий: вынос оружия из-под носа у сыщиков, да еще сообщение матери о спрятанном в старом жакете бриллианте. Уроки не шли в голову. Достав пластинку, Нинка завела патефон, и по комнате разнеслась знакомая мелодия, напева-

емая задушевым, манерно грассирующим голосом. Как в этот момент ей хотелось чудесным образом по взмаху палочки доброго волшебника перенестись в пропахший ароматом диковинных фруктов Сингапур и навсегда покинуть этот враждебный и неприятный ей мир, где взрослые выменивают у голодных людей драгоценности на продукты, а мальчишки таскают в карманах ножи и пистолеты. Нине захотелось заплакать от жалости к самой себе. Но она сдержалась: «Я же не маленькая балерина, чтобы плакать от обиды в подушку, а современная советская девушка. И вместе со всеми буду работать, чтобы в моей стране было не хуже, чем в каком-то дурацком Сингапуре».

В дверь позвонили. На пороге стоял Боцман. Через плечо у него свисала пустая сумка от противогаза. Нина пригласила его пройти в комнату. Выглянувшая из кухни мать испытывающе взглянула на нежданного гостя. Но предупрежденная строгим взглядом дочери, осеклась и вновь ушла к плите. Войдя в комнату, Боцман огляделся:

— Ничего себе каюта. Уютно у тебя здесь. Ладно, я на минутку: перегрузай ко мне шпалеры, отнесу в другое место. За голубятней теперь тоже хранить нельзя: мусора явно про оружие пронюхали. И не оставят нас в покое. Подозрительно, что смоленские на встречу не явились. А может, Шарик стуканул. Он к этому делу о почтарях интерес проявлял. Обещал, сволочь, явиться на место встречи и помочь нам договориться со смоленскими.

— Ну и что теперь вы будете делать с этим Шариком?

— Да ничего. Вот мой старший братан Пашка по кличке Пахан — тот бы точно в живых стукача не оставил. Но я же не мокрушник. Мне бы только полгода здесь продержаться — и в мореходку рвануть. Люблю я море, хотя и никогда не видел. Но мечта у меня такая с детства. И сам не знаю, почему. А знаешь, может быть, когда-нибудь и в твоём бананово-лимонном Сингапуре побываю. А что? Все может быть! Ну ладно, пойду я.

Уже стоя в дверях, Боцман повернулся и благодарно кивнул головой:

— Спасибо тебе, Нинок. Если бы сегодня ты нас не выручила, сидеть бы нам всем за решеткой. И тогда прощай и море, и Сингапур. Вовек не забуду.

И устыдившись собственной сентиментальности, Боцман повернулся и вышел из квартиры. Услышав стук закрывшейся двери, в переднюю вышла мать.

— Кто это был?

— С нашего двора парень. Сын дворничихи.

— Ты знаешь, у этого парня открытое мужественное лицо. Он не собирается стать летчиком?

— Нет, Борька в моряки метит.

— Ему это подходит. Ты с ним дружишь?

— Да, мам, дружу. Не мешай мне делать уроки. А вообще это совсем не то, что ты подумала.

— А я ничего не подумала. Так, просто поинтересовалась.

Софья Ивановна вновь направилась на кухню, с грустью подумав: «Вот и дочка незаметно, прямо на глазах выросла. А мы с Никанором — уходящее поколение: нам уже за сорок».

А Нинка, оставшись одна, положила на место пластинки и легла ничком на кровать. Уроки не лезли в голову, и она, освобождаясь от обилия полученных за день ярких впечатлений, незаметно для себя заснула.

На следующий день, пробравшись знакомым путем на чердак, Нинка не ожидала увидеть там незнакомых людей. Возле голубятни стояли двое взрослых молодых мужчин. Один из них, коренастый, с мощной шеей и свирепым недобрый взглядом, при появлении Нинки приветственно махнул рукой, разрисованной татуировками синих перстней:

— А вот и Нинка-балеринка в гости пожаловала. Наслышан от пацанов о твоих подвигах. Говорят, ты отчаянная.

Нинка хотела ответить по-мальчишески вызывающе: «Не так

уж очень, но и не очень, чтобы так». Но в последнее мгновение по-женски чутко поняла, что с этим типом нельзя становиться вровень, а надо держать его на расстоянии. И она спокойным тихим голосом, словно не заметив вызова, дала достойный ответ:

— Об этом пусть вам другие скажут. Не мне судить.

Она посмотрела на притихших пацанов и поняла, что поддержки ждать не от кого. Надо надеяться только на себя: «Сейчас самый важный момент. Я должна показать, что не боюсь его. Иначе все кончится плохо: этот бандит ненавидит весь мир. И ни перед чем не остановится».

Ее взгляд встретился с глазами человека, которого никогда не любили и постоянно стремились унижить и уничтожить. И чтобы выжить, он должен был научиться в ответ всех презирать и уничтожать. Иначе ему было не выжить. А Пахан с уважением подумал: «Крепкая девчонка. От моего взгляда и мужики отворачиваются. А эта пигалица, которой я легко могу свернуть шею, не боится. Хотя знает, что я могу с нею сделать. Ладно, посмотрим, как дальше масть ляжет».

Он шагнул вперед и протянул Нинке крепкую ладонь:

— Похоже, пацаны не ошиблись, приняв тебя в свою компанию. Меня зовут Пашка. Я брат вот этого Боцмана — будущего вольного альбатроса морей и океанов. Недавно освободился из лагеря вот с этим Фиксой по амнистии. А оставалось нам дохнуть у хозяина еще лет пяток. Да вовремя усатый вождь всех времен и народов концы отдал. Вот и празднуем наше освобождение. Давай садись к нашему столу. Пить будешь?

— Нет, я не пью.

— А чего так: своей дури хватает?

— Нет, просто не нравится. Невкусно.

Бандит от души рассмеялся:

— А вот нам с Фиксой по нраву. Давай, братан, еще по одной накатим.

Оба бандита выпили и начали смачно закусывать. Внезапно Боцман решительно поднялся:

— Ну все, Пашка, нам пора. У всех дела. Ты тут свободу обмывай, а мы пойдем.

Пашка охотно кивнул:

— Как скажешь, так и будет. Матери о моем появлении не говори. Не надо старушку зря обнадеживать. Все равно скоро опять приземлюсь на лагерную шконку копчиком. Да и вы, пацанва, рот на замке держите. Если меня здесь накроют, разбираться не буду, кто проговорился, — всех порешу. Так что каждый за всех в ответе. А ты, Бориска, не забудь: завтра с утра у пивной на Плющихе. Принесешь то, что я сказал. Все, можете сматываться.

Продлав обратный путь и выйдя на улицу, Нинка упрекнула:

— И надо было вам обо мне трепаться. Небось о несостоявшейся стычке и как я оружие вынесла рассказали.

Сверчок виновато начал оправдываться:

— А что нам было делать? Пашка, узнав, что завелась в компании порядочная девчонка-музыкантша, в ярость вошел. Хотел тебя сразу завалить, чтобы не протрепалась. Пришлось тебя рекомендовать.

— Слушай, Боцман, если твой брат с этим Фиксой действительно по амнистии освободились, то чего он домой к вам не идет, а на чердаке ночевать собирается?

— Намекнул, что по пути домой они в Ростове на каком-то серьезном деле засветились и находятся в розыске. По знакомому милиции адресу идти нельзя. К тому же к нам приходил накануне участковый, просил сообщить, если Пашка появится.

— Ну а ты зачем завтра с ним на Плющихе встречаешься?

— Мы, тебя защищая, рассказали о нашем оружии, которое я в подвал дома Мустафы перепрятал. Вот он и велел ему волюны с патронами передать.

— И ты пойдешь?

— А куда мне деваться? Да к тому же мы из-за этих пистолей чуть свободы не лишились. Лучше от них избавиться.

— А если Пашка с Фиксой убьют кого-нибудь из этих, как ты говоришь, волюн?

— Не хочу я об этом думать. Будем надеяться, что Пашка скоро отсюда уедет и опять в тюрьму сядет. Ты, Нинка, пока на чердак не ходи. Мы там собираться не будем. В случае чего в подвале дома Мустафы найдешь кого-нибудь из наших. А пока сиди тихо и на глаза Пашки с Фиксой не попадайся от греха подальше.

— Ты его боишься? Ведь ты боксер.

— Он без всякого занятия спортом быка одним ударом с ног свалит: накачал силу на лесоповале. Да и нож пустит в ход без рассуждения. Для него человека убить — что тебе надо-едливого комара прихлопнуть.

— Так ты же его родной брат!

— Плевать он на это хотел. Мы с ним почти вместе и не жили. Он все время за решеткой. Да к тому же Пашка считает, что мать меня больше его в детстве любила. И от обиды и меня, своего брата, может не пощадить. Ну ладно, заболтались. Расходимся. Мне надо еще в подвал слазить и оружие для Пашки достать. Может быть, уедет из Москвы побыстрее.

Нинка направилась домой. Ее тревожило появление неподалеку опасных преступников. Но в этот вечер очередной сердечный приступ матери отвлек ее от тревожных мыслей. Она вызвала неотложную медицинскую помощь, и Софью Ивановну отвезли в больницу. Теперь в свободное после школы время Нинка бежала в больницу и ухаживала за матерью. Эти заботы отодвинули на задний план, в глубины сознания, появление на чердаке соседнего дома разыскиваемых милицией уголовников. Но на пятый день, когда она возвращалась домой из больницы, ее во дворе поджидал взволнованный Боцман. Отведя Нинку к скамеечке в углу двора, с отчаянием произнес:

— В беде я, Нинка. И не только я, но и ты, и все наши пацаны.

Жалобные нотки в голосе обычно уверенного в себе Боцмана невольно встревожили Нинку.

— Давай, Боцман, не тяни, рассказывай все по порядку.

— Помнишь, Пашка мне назначил свидание на Плющихе? Пришел я туда в пивную. А там гуляют втроем Пашка, Фикса и Шарик.

— Пашке известно о роли Шарика в той истории с голубями?

— То-то и оно, что я, защищая тебя, рассказал все в деталях. Ты слушай дальше. Передал я им сверток с оружием, а Пашка не отпускает. Побудь, говорит, с нами, сейчас еще водярой затоваримся и к берегу Москвы-реки спустимся. Там и продолжим гулянье на свежем воздухе. Пришли, они все выпили, а я не стал. А потом Пашка предъявил Шарика претензии, что тот стучит мусорам. Припомнил старые дела и как он нас с оружием в проходном дворе Карманицкого переулка подставил. Шарик в отказ. А Пашка с Фиксой сняли с Шарика рубашку, в нее тяжелый бульжник положили и на шею у него завязали. Шарик стал молить о пощаде, а Пашка подвел его к берегу и сбросил в воду. Тот даже не вскрикнул: ушел под воду — и только пузырьки на поверхности забулькали. Как все просто: был человек — и нет его. Мгновения какие-то. И все.

— Тебе жалко этого подлого стукача?

— Не в нем дело. Просто Пашка дал мне понять, что жизнь чужая для него и копейки не стоит. Да еще предупредил, что я теперь повязан с ним смертью и в случае его ареста пойду под суд вместе с ним.

— Дело плохо. Тебя действительно могут посадить вместе с этими подонками.

— Это полбеды. Если бы ты знала, что он от меня потребовал в обмен на молчание!

— Ну говори!

— Пашка с Фиксой решили из Москвы сматываться. Но им нужны деньги. И Пашка решил совершить налет на квартиру богатенького врача-профессора, живущего здесь, на Арбате.

— А ты тут при чем?

— Мать моя у этого профессора домработницей подрабатывает: убирает

по вторникам и белье его семье стирает. Иногда я им стиранные и глаженные простыни вместо матери отношу. Вот Пашка и придумал: я позвоню, хозяйка откроет, а Пашка с Фиксой в квартиру ворвутся. Обещают никого не трогать, а лишь поугагать, забрать ценности и уйти. Но врут: если я в дверь позвоню и представлюсь, то разве семью доктора можно в живых оставить?

— Дело плохо. Но почему бы тебе не скрыться и дома не появляться, пока Пашка с Фиксой из города не уберутся?

— Пашка предупредил: если я не помогу, то он туда ворвется, когда мать у них в доме будет. Если я не хочу мать втравливать в эту историю, то должен согласиться. Кроме того, еще одну угрозу высказал.

— Ну что замолк? Говори до конца, раз разговор затеял.

— Сказал, если откажусь, то он за тебя возьмется, и ты сама будешь его умолять о смерти. После казни Шарика я знаю: он свое обещание выполнит. Так что придется подчиниться и идти вместе с ним во вторник на квартиру доктора. Окончательно повяжут меня кровью — и прощай, море и бананово-лимонный Сингапур. Вот я и пришел попрощаться, Нинка. Не поминай лихом.

Нинка с жалостью смотрела вслед согнутой спине Боцмана, пока тот не скрылся под аркой. Поднявшись в квартиру, открыла шкаф и нащупала зашитое в рукав материнского жакета твердое тело бриллианта. Некоторое время стояла в раздумье, затем решила: «Другого выхода нет. Мне эта дорогая цацка ни к чему. А матери потом все объясню. Она поймет. Должна понять. Сегодня воскресенье. До налета остался один день. Надо идти на риск».

Нинка, словно боясь раздумать, быстро преодолела обычный путь к голубятне на чердаке. Казалось, там никого нет, и она со слабой надеждой позвала:

— Есть тут кто?

Из-за угла голубятни вывернулся Пашка:

— А, это ты, Нинок. А я думал, Фикса вернулся. Я его в магазин послал пополнить запасы. Чего пришла? Боцмана здесь нет.

— Я не к нему, а к тебе. Разговор есть.

— Говори, я слушаю.

— Я хочу, чтобы ты уехал из Москвы. Немедленно.

— И с чего бы это я должен согласиться?

— Тебе нужны деньги. Я дам тебе одну дорогую вещицу. Загонишь — и катись на все четыре стороны.

— Что за цацка?

— Крупный бриллиант. Единственная ценная вещь, оставшаяся в доме от отца.

— Вещица у тебя с собой?

— Не считай меня за дуру. Если договоримся, то сегодня вечером принесу в сквер в Николопесковском переулке. Пусть кругом люди будут, и у тебя соблазн рискованный не возникнет. А теперь обещай, что тут же уедешь и оставишь Борьку в покое.

— Расписку написать?

— Нет, Пахан, ты вор в авторитете. Дашь честное воровское слово и — достаточно. Не захочешь же, чтобы пацаны узнали о твоём обмане.

— Вон ты какая прыткая! Хорошо, если не уеду, то сухой буду. Приноси камушек в десять вечера в сквер. Я там буду.

Пролезая сквозь слуховое чердачное окно, Нинка оглянулась: Пахан пристально смотрел ей вслед, словно пытался угадать, не таит ли предложение этой смелой девчонки ловушку, в которую он совсем не хотел попадать.

Направляясь вечером на опасную встречу с Паханом, Нинка сжимала в потной от волнения ладони лоскут от старого платья с завернутым в него бриллиантом. Когда она вспоролла рукав и достала прозрачный холодный камень, он не произвел на нее никакого впечатления. В полутьме комнаты он даже не заискрился, как обычно, приветствуя новую хозяйку. Этот бриллиант, словно живое существо, остро ощущал истинное отношение людей к его ценности.

В сквере Нинке пришлось ждать минут десять. Наконец, убедившись, что его не ждет засада, Пахан приблизился:

— Принесла?

— Вот, возьми, уезжай и оставь Борьку в покое.

— Не жалко? Ты, похоже, влюблена в братишку как кошка, если бриллиантом легко жертвуешь.

Нинка замерла, словно к чему-то прислушиваясь, а затем спокойно ответила:

— Нет, не влюблена. Ты спросил, я прислушалась, а сердце даже не екнуло.

— Значит, выручаешь из-за дружбы, которая, как поется в песне, больше чем любовь. А жаль, ты бы Борьке хорошей женой была. Везет же в жизни некоторым: им пироги и коврижки, а другим, как мне, синяки и шишки. И мать его любила больше, чем меня. Надо бы в отместку родной мамаше из Борьки законченного урку сделать. Ну да ладно, пусть живет пацан. И ты прощай: как говорится, была без радости любовь, разлука будет без печали.

Нинка смотрела вслед постепенно растворяющейся в начинающей стучаться темноте коренастой, помедвежьей косолапой фигуре бандита. Она сама удивлялась своей спокойной уверенности в том, что уже больше никогда в жизни не увидит этого опасного человека.

Через день она встретила Боцмана. Тот был немного растерян:

— Ты знаешь, происходит непонятное: Пашка с Фиксой исчезли. Их нет нигде. Похоже, где-то сорвали куш и укатили из города.

— Ну и хорошо, если все благополучно сложилось. Тебе-то какая печаль?

Готовься в мореходку. Через месяц закончишь семилетку и поедешь в свое училище. Напишешь потом, когда поступишь.

Нинка решила ничего не говорить Боцману о данном за него выкупе. Она теперь только не знала, как сообщить матери об исчезновении бриллианта. Но все разрешилось само собою. Через неделю ее судьба резко изменилась: скончалась в больнице мать. После похорон Софьи Ивановны Никанор Сергеевич вскоре привел в дом новую хозяйку и объявил, что Нинка должна переехать в прежнюю комнату его молодой жены в коммунальной квартире в Марьиной роще.

Нинка безропотно уехала в другой район и на Арбате старалась не появляться. Здесь все напоминало ей о матери, не прожившей в браке и полгода. Правда, отчим ее не оставил без поддержки: помог поступить на учебу в техникум, в котором сам преподавал, и материально помогал до окончания учебы. В техникуме Нинка познакомилась с однокурсником Генкой. У них в семье родилось трое детей. Годы летели незаметно, и Нинка все больше отдалялась от событий, связанных с арбатской юностью.

Встретившись лет через двадцать с Тамаркой Рыжухой, узнала, что Боцман свою мечту осуществил. Только плавает не по морям, а по рекам Сибири. Сверчок и Шкелет из тюрьмы не вылезают. Угол погиб, сорвавшись на ходу с поезда. Мустафа трудится на заводе, а Зяма окончил институт и стал инженером на каком-то оборонном заводе. Сама Рыжуха работает на «Трехгорке» и одна воспитывает сына.

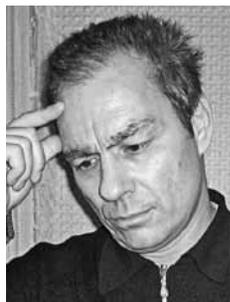
С тех пор Нинка ничего больше не знала о судьбе арбатских ребят, с которыми ее свела судьба на недолгие месяцы в далеком 1953 году. За семейными заботами ей было некогда ворошить ушедшую навсегда юность. И только случайно попав по делам на Арбат, она вспомнила полутемный чердак с голубятней, отчаянных пацанов, хвастающих перед ней своей показной лихостью и себя, грезящей о неземной любви в заманчивой, полной приключений взрослой жизни.

И тогда невольно при виде старого дома, где ей пришлось жить с отчимом и больной матерью, у нее в ушах начинала звучать знакомая тягучая мелодия, манящая в загадочный бананово-лимонный Сингапур. В такие моменты Нине Олеговне начинало казаться, что ее жизнь, протекающая в будничных семейных заботах, далеких от радужных юношеских мечтаний, в целом не удалась. И тогда она всегда спасительно вспоминала о своих таких выросших дочерях, появившихся внуках и хотя скучноватом, но верном муже. И тут же спешила в крупный гастроном на Смоленской площади, чтобы порадовать вкусеньким своих любимых и родных. И всегда ловила себя на мысли, что совсем не жалеет об отданном бандитам бриллианте, не способном принести людям простого человеческого счастья.

Ей было невдомек, насколько пришедшая к ней интуитивно мудрость близка к истине. А переданная ею драгоценность продолжила опасный путь, обильно политый кровью тех, кто наивно считал драгоценный камень щедрым подарком судьбы.

Продолжение следует.

Илья КРИШТУЛ

О себе. Родился в Москве, где и живу. Учился в МГПИ, работал в кино, преподавал в средней школе. Сейчас домохозяйин. Сочиняю юмористические рассказы, изредка публикуюсь.

СЕРЬЕЗНЫЕ ЛЮДИ

«В Думу пришли серьезные люди», — сказали Лепешкину по телевизору. «Значит, раньше там смешные человечки тусовались...» — понял Лепешкин и переключился на другую программу. Выступал мэр города. «В этом году на культуру и спорт ушла серьезная сумма», — вещал мэр. «А дошла смешная денюжка», — подыграл мэру Лепешкин и включил криминальную хронику. «Подшли серьезные ребята, выхватили портфель с деньгами и убежали...» — рассказывал какой-то мужчина, видимо, потерпевший. «В Думу побежали, к своим... Там все серьезные,

затеряться легко», — решил Лепешкин, а на экране появилась полицейская женщина в очках без стекол. «Серьезный мужчина в дорогом костюме зашел в ювелирный магазин, запугал охрану и вынес золотые украшения на серьезную сумму», — сообщила она Лепешкину. «В ювелирные надо пускать только смеющихся детей в шортиках и по одному, чтоб охрану не пугать. А торговать там мороженым по двадцать копеек — пусть выносят», — подумал Лепешкин, и полицейская женщина продолжила: «Серьезная перестрелка произошла на 3-й Парковой ули-

це. Двое пострадавших с серьезными ранениями доставлены в больницу». «А какая у нас во дворе вчера веселенькая поножовщинка была! Пятерых пострадавших с ранками — обхохочешься — в морг увезли...» — вспомнил Лепешкин. По телевизору уже выступал главный банкир страны. «В нашей стране любой серьезный человек может получить в банке серьезный кредит для серьезной покупки», — говорил банкир.

Лепешкин работал клоуном. Ему позарез была нужна свистулька.

В этой стране Лепешкину ничего не светило.

СМЕРТЬ ПОДВИЖНИКА

На 29-м году жизни скончался Ефимий Никодимский, автор книг «Как прожить до 100 лет», «О правильном питании», «Почему вредны алкоголь и табак», «Жить без болезней» и многих других, ученый, исследователь, подвижник и ярый популяризатор здорового образа жизни. Все отпущенное ему время он исповедовал раздельное питание, в любую погоду ходил босиком, принимал ледяной душ и даже летом плавал в проруби. Ангина, простая ангина сгубила этого замечательного человека. Богатырский и закаленный (а не истощенный, как заявляют медики) организм не выдержал нервного напряжения последних месяцев.

Развязавшая травлю ученого семья не понимала его, не принимала его учение, отказывалась вести здоровый образ жизни и выбрасывала пищу, приготовленную Ефимием, в мусорное ведро. Последней каплей стал запрет на растирание смесью из коровьего и конского навоза, которое Ефимий применял в последние дни, борясь со смертельной болезнью. Блестящий ученый ушел из жизни непонятым родными людьми, но так и не предал свое учение, показав пример стойкости своим ученикам. Уже находясь на смертном одре, он отказался принимать из рук родственников так называемые лекарства, хотя они, эти родственники, действовали

грубым, силовым методом, с привлечением психиатров и полиции. И даже на похоронах эти варвары устроили скандал! Прадед покойного, 106-летний Илья Борисович, заметив группу последователей Ефимия и находясь под воздействием табака и тяжелых алкогольных напитков, схватил всю группу (шестнадцать человек) и выбросил за забор кладбища. А ведь их всего на один час отпустили из больницы! Все они уже давно ведут здоровый образ жизни и недавно получили инвалидность — первую группу! Как потом выяснилось, Илью Борисовича возмутила попытка учеников Ефимия помянуть покойного, выпив при этом чайную ложку растительного

масла и закусив корнями одуванчика. Пожилой человек, к сожалению, не читал книг правнука и не знал, что растительное масло, выпитое утром вкупе с корнями одуванчика, прекрасно выводит из организма шлаки, поднимает жизненный тонус и дает положительный заряд на весь день! Сам ушедший от нас Ефимий в течение последних двух лет предпочитал именно такую пищу! Все это пытались

объяснить Илье Борисовичу ученики Ефимия, но старый и, по-видимому, смертельно больной и глухой человек никого не хотел слушать. Два санитара еще в течение часа собирали плачущих от обиды последователей Ефимия, которых разметало ветром по огромному пустырю за кладбищем. Когда их грузили в багажник больничной «Нивы», один из последователей, собравшись с силами,

пробормотал: «Дикая страна... Дикие люди...» Эти слова, произнесенные почти шепотом, услышал Илья Борисович и, несмотря на сильную никотиновую и алкогольную интоксикацию, перевернул автомобиль вместе с пассажирами, тяжелобольными людьми, исповедующими здоровый образ жизни. Действительно — дикая страна, дикие люди...

ПРО БОРИСА ЛЬВОВИЧА

Борис Львович работает кузнецом. Он не может, не куя. А когда кует, все может, особенно выпить-покурить, так что кует он редко, только если штопор сломается. Как штопор выкует, откроет им все, что нужно, выпьет, домой поедет и снова не может, не куя. А ковать-то уже нечем, да и откуда в милиции кузня? Он всегда почему-то, как штопор выкует, в милиции оказывается. Его жена уже и к психиатрам водила, и к экстрасенсам с шаманами — никто не помог, даже доктор Малахов со своими шишечками-иголочками. Кузня — штопор — милиция, такой вот трафик. А после милиции домой придет, грустный весь, похмельный, на диван ляжет и спорт смотрит. Очень он спорт любит смотреть. Волейбол, шахматы, хоккей на траве... Правда, хоккей отдельно, траву отдельно. А когда хоккей с травой заканчиваются, Борис Львович свою жизнь вспоминать начинает. Как он в детстве мороженое ел. Как в институт какой-то поступал. Как мечтал стать кузнецом, но сначала отцом стал. И как он однажды машину купил за девять тысяч рублей, но она почему-то никуда не ехала. А холодильник дороже купил, за десять тысяч, вот он после хоккея на траве уехал. И не вернулся до сих пор. Жена Лена очень тогда ругалась, Борис Львович даже

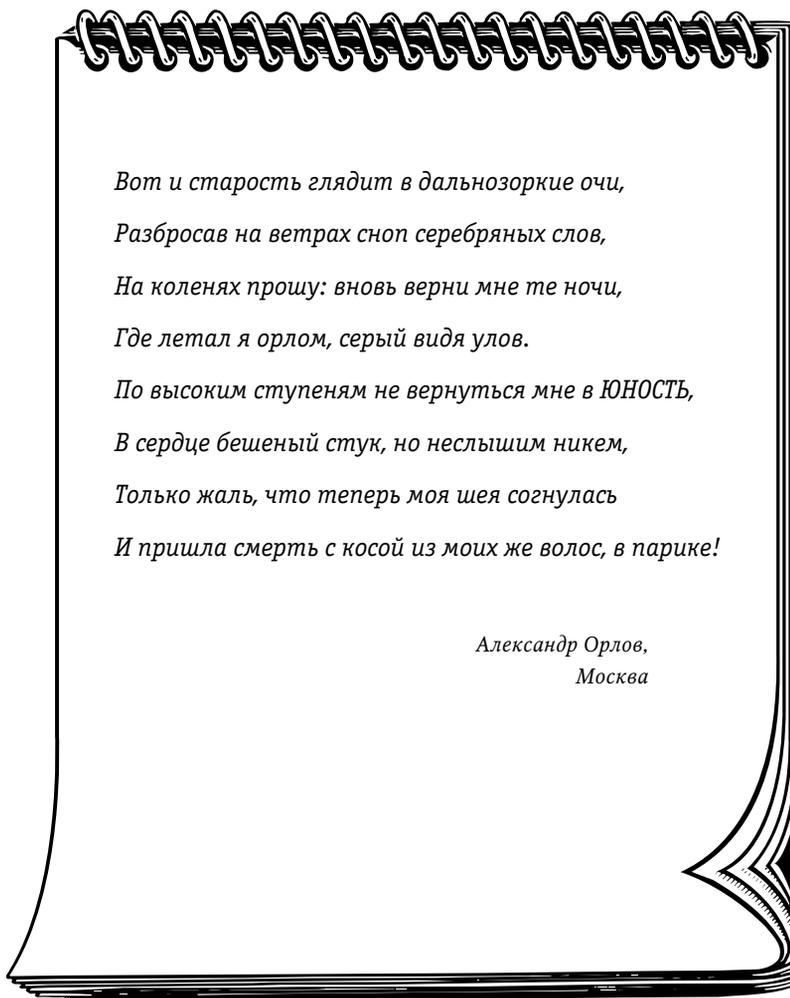
бросить ее хотел, но с дивана встать не смог. А смог бы — точно бы выбросил. Хотя, с другой стороны, жена вещь хорошая, выбрасывать жалко. И Бориса Львовича любит, понимает, что он талантлив во всем. Особенно, конечно, в водке, за что и страдает. Ну не любят на Руси талантливых людей, так издавна повелось. То в больницу какую-то смешную положат, то капельниц навтыкают, а иногда — самое плохое! — напитки прятать начинают. Это еще никто не знал, что Борис Львович малосольные огурцы выращивает под ванной. Не очень, правда, у него получается, но, как говорится, Житомир тоже не сразу строился. Что-то там уже зрело, но не очень малосольное и не очень огурцы. Через неделю выяснилось, что зрело там народное недовольство снизу. Переборщил немного Борис Львович с поливкой, и все будущие огурцы на этаж вниз стекли и там уже взошли, наверное. Потому что соседи точно взошли и долго в дверь звонили, но Борис Львович с Леной затаились на два дня и даже телефон не брали. Хотя Лена шепотом все эти дни громко ругалась. Говорила, что если Борис Львович не может, не куя, пусть едет в свою кузню и кует там, а не огурцы малосольные выращивает, тем более под ванной. И что его надо сдать в одну знаменитую

клинику с желтыми стенами, где из него сделают человека. Борис Львович на это отвечал, что человеком его сделали мама с папой около пятидесяти лет назад, хотя, как они потом признались, больше им хотелось котеночка, поэтому и назвали Борисом. Но выращивать малосольные огурцы он больше не будет, если первый раз не получилось. Он вообще больше ничего выращивать не будет, потому что человек интеллигентный. Он ведь даже хама трамвайного к порядку призвать не может, только «Камасутру» цитирует. Хам на него матом, а Борис Львович в ответ на нефритовый жезл посылает. А если хам «Камасутру» не читал и не знает, где этот жезл находится, то Борис Львович и показать может, ему стесняться нечего при его-то красоте.

Такая вот интересная личность мой бывший друг Борис Львович. Почему бывший? А он, как этот рассказик прочитал, сразу и меня на нефритовый стержень послал. Но я не обиделся. В России писатели всегда трудно жили, от этого и умирали часто. Толстой уже умер, Чехов, Горький... А Борис Львович меня, надеюсь, простит и оградку мне потом скует. Или нож, рыбу резать. Он ведь не может, не куя...

Галка ГАЛКИНА

*Вот и старость глядит в дальнозоркие очи,
Разбросав на ветрах сноп серебряных слов,
На коленях прошу: вновь верни мне те ночи,
Где летал я орлом, серый видя улов.
По высоким ступеням не вернуться мне в ЮНОСТЬ,
В сердце бешеный стук, но неслышим никем,
Только жаль, что теперь моя шея согнулась
И пришла смерть с косой из моих же волос, в парике!*

*Александр Орлов,
Москва*

Галка ГАЛКИНА:

Жестче взгляд, Александр! Не все еще потеряно. Еще не спето столько песен! Орел, даже и не столь дальнозоркий, как в юности, все равно — орел. Главное — не поддаваться панике. «Смерть с косой из моих же волос, в парике» — это, конечно, не Дед Мороз и Снегурочка. Не самая приятная компания, что и говорить. Но все же, может быть, потрянуть стариной, отнять, так сказать, у этой безобразницы парик и «шаркнуть по душе»?

Помните, как в песне поется:

Однажды смерть-старуха
Пришла за ним с клюкой,
Ее ударил в ухо
Он рыцарской рукой.

Только так и загоним клячу истории в стойло, и никаких мерехлюндий. Никакой паранойи с париками. Шире шаг! Выше знамя борьбы за счастье возвращения в юность по высоким ступеням с несогнутой шеей.

Победа будет за нами!!!
Родина слышит Ваш «бешеный стук»!
Родина знает!

**ФАЗА МЕСЯЦА:
Замочи-тамагочи!**

Не забывайте!

- ☺ *Работай над будущим, выволакивай!*
- ☺ *Будь злопамятен и взалкай!*
- ☺ *Зижди и обряць!*
- ☺ *Алые паруси — не проси!*
- ☺ *Примерь-ка кушак, товарищ ишак!*
- ☺ *Доведем территории до бывших!*
- ☺ *Дойдем до бывших, о гуцулах забывших.*
- ☺ *Потливую мысль в массы!*
- ☺ *А где же те русины из модных бутиков?*
- ☺ *Шел я модной мокасиной, чуть припахивая псиной.*

Разгуляй!

- ✿ *Банкуйте, люди Союзто!*
- ✿ *Внимание, станция «Охотный ряд», где вас любят и защитят!*
- ✿ *Пейте кисель с бромом и ревенем!*
- ✿ *Ночью темно, а мне все равно!*
- ✿ *В луже намного хуже!*
- ✿ *Заквакала собачка, как водокачка!*
- ✿ *Заквакала кошка, укусила блошка!*
- ✿ *А заквакал носорог — у него есть сто дорог!*
- ✿ *Закрякали опоссумы, а подъезды все...*
- ✿ *Шагу не шагнешь, никуда не вступимши!*

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

**SMS'КА, ОТПРАВЛЕННАЯ ТРАВКИНУ
И РЫБКИНУ:
Водкинс и Селедкинс!**

ПРОЗА

Ильдар АБУЗЯРОВ	
МУТАБОР НЕДЕЛЬНЫЙ РОМАН	1, 2, 3, 4, 5, 6
Михаил АНОХИН	
КУРНОСЫЙ АНГЕЛ РАССКАЗ	6
Юрий БУРДОВ	
БЕДНЫЙ БОТИК РАССКАЗ	9
Надежда ГОРЛОВА	
РАССКАЗЫ	3
Сергей ДАНИЛОВ	
ПИЭЛЬ ПОВЕСТЬ	1, 2
Эльга ЗЛОТНИК	
ДВА РАССКАЗА	2
Андрей ИВАНОВ	
БОНАПАРТ В ЕГИПТЕ РОМАН	7-8, 9, 10, 11, 12
Дмитрий ИГУМНОВ	
ОДИНОКИЙ СЕЛЕЗЕНЬ ПРИТЧА	9
ЕЛОЧКА РАССКАЗ	12
Сергей КОЗЛОВ	
РАССКАЗЫ	12
Наталья ЛАВРЕЦОВА	
ЗЕЛЕНое СОЛНЦЕ ПОВЕСТЬ	4, 5, 6
Михаил ЛИВЕРТОВСКИЙ	
ЯПОНО-ЗЫРЯНСКАЯ ЛЮБОВЬ Из воспоминаний БЫВШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА	5
КАК Я ЕХАЛ ЖЕНИТЬСЯ Быль, похожая на сагу	5
Ян МИЩЕНКО	
РАССКАЗЫ	10
Валерия НАРБИКОВА	
СКВОЗЬ РОМАН	10, 11
Шуга НУРПЕИСОВА	
ПОВЕСТЬ	7-8
Георгий ПРЯХИН	
ГРЕХОПАДЕНИЕ СТЕПНАЯ НОВЕЛЛА	11
Хелью РЕБАНЕ	
РАССКАЗЫ	3
ОТДЫХ ПРОФЕССОРА НА ДАЧЕ РАССКАЗ	9
Елизавета ТРУСЕВИЧ	
РОМАН ПОВЕСТЬ	7-8
Сергей ФОКИН	
РАССКАЗ И СКАЗКА	1
Владимир ЭЙСНЕР	
РАССКАЗЫ	6
Наталья ЯКУШИНА	
РАССКАЗЫ	4

ПОЭЗИЯ

Александр АНАШКИН	3
Сергей БЕЛОРУСЕЦ	9
Алексей БОРЫЧЕВ	11
Николай БУБНОВ	12
Татьяна ВИНОГРАДОВА	4
Лилия ГАЗИЗОВА	6
Юлия ГИАЦИНТОВА	4, 7-8
Наталья ГРАНЦЕВА	7-8
Галина ДАНИЛЬЕВА	4
Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ	11
Владимир ЗИМА	2
Евгений КАМИНСКИЙ	5
Виктор КИРЮШИН	11
Дмитрий КОРЖОВ	10
Игорь КОХАНОВСКИЙ	10
Геннадий КРАСНИКОВ	9
Нина КРАСНОВА	1
Владимир КОРНИЛОВ	2
Евгений ЛЕСИН	3
Борис ЛУКИН	7-8
Леонид МАЛКИН	12
Марина МАМОНА	7-8
Дмитрий МИЗГУЛИН	10
Татьяна МИХАЙЛОВА	11
Любовь НОВИКОВА	10
Александр ОРЛОВ	5
Артем ОСОКИН	6
Анатолий ПРУСАКОВ	3
Вячеслав САМОШКИН	7-8
Владимир СЕМЕНЧИК	2
Мэлор СТУРУА	7-8
Наталья СТРУЧКОВА	9
Николай ТАРАСОВ	12
Павел ТЕРЕХОВ	1
Андрей ШАЦКОВ	1
Евгений ЯНОЧКИН	11
Памяти Владимира ФИРСОВА	12

КОТОВАСИЯ / ВСЕ ПРО КОТОВ И КОШЕЧЕК

Рафаэль СОКОЛОВСКИЙ и... Николай ШАТРОВ КАК ТОТ СИАМСКИЙ КОТ Рондо	9
Ольга ЧЕРЕНЦОВА ЗВЕРЮГА	1

ПУТЕШЕСТВИЯ

Феликс ШВЕДОВСКИЙ ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК	1, 2, 4, 6, 10
---	----------------

РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА

Лев АННИНСКИЙ МАЛЬЧИК И КОЛДУНЯ (Гумилев и Ахматова)	6
Игорь МИХАЙЛОВ БРЕД АНГЕЛА К 120-летию со дня рождения Осипа МАНДЕЛЬШТАМА	1
Геннадий КРАСНИКОВ ИВАН КРЫЛОВ — АНЕКДОТ И ЧЕЛОВЕК ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	10
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО РАЯ (Арсений Тарковский)	11
Станислав КУНЯЕВ КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ К 130-летию со дня рождения Александра БЛОКА	1
Ирина ОЗЁРНАЯ «Я... — МЫСЛЬ, ЗАРОДИВШАЯСЯ В ДЕТСТВЕ» Эссе	2
Маргарита СОСНИЦКАЯ ВИДИМАЯ И НЕВИДИМАЯ СВЯЗЬ НАБОКОВА И ЛУКАША Попытка осмысления	2

НАСЛЕДИЕ

Белла АХМАДУЛИНА	4
Сергей ЛЕВИЦКИЙ ЭТИКА СОЛЖЕНИЦЫНА Публикация и вступление Юрия Юшкина	1
Игорь МИХАЙЛОВ СВЕТОНОСНЫЙ ЭЛЬФ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	4
Игорь ПОПОВ ПРОГУЛКИ С РЕМИЗОВЫМ, ИЛИ ТАЙНА ЧЕРТАНОВСКОГО ПРУДА	4
Алексей РЕМИЗОВ КУКУШКА	4

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ УВИЖУ САМ Человекотекст	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7-8, 9, 11, 12
--	----------------------------------

ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ

БЕСЕДА С ОЛЖАСОМ СУЛЕЙМЕНОВЫМ	5
ДОБРОЕ СОСЕДСТВО ГАЛИНЫ ХОМЧИК	12

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

АБУ-СУФЬЯН КОБЫЛИЦА Восточная поэма	7-8
---	-----

ЧТО ВОЗМУТИЛО ВАС?

Сергей ШУЛАКОВ УЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО ЭТНОСА Адажио	10
---	----

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

Петр ПУСТОВАЛОВ УЧИТЬСЯ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К СЕБЕ...	12
--	----

ШУМ ВРЕМЕНИ

Наталья АВДОНИНА ЗАПОЗДАЛА ПАМЯТЬ ОБ АФГАНЦАХ...	2
Рустем ВАХИТОВ ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР Попытка исследования	3
ПАМЯТНИК НАРОДУ Воспоминание о будущем	4
БЫЛ ЛИ ВЫСОЦКИЙ АНТИСОВЕТЧИКОМ? Попытка исследования	7-8
Михаил ЛИВЕРТОВСКИЙ ПАРТИЯ ДЛЯ КЛАРНЕТА Воспоминания История о «забытом Гоби-Хинганском походе»	10
Дмитрий ТАРТАКОВСКИЙ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАЛЬЧИШКИ ВОЕННОЙ ПОРЫ	5
Николай МИТРОФАНОВ ЕВРОМАСКАРАД С АНТРАКТОМ В ТЮРЬМЕ ДОФТАНЕ. ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ИЗ ЖИЗНИ МЕЖДУНАРОДНОГО АВАНТЮРИСТА	11
ВОСПОМИНАНИЯ БОРИСА ЛАГО	11

ЗАПИСКИ НЕТЕАТРАЛА

ЛЕВ АННИНСКИЙ	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7-8, 9, 11, 12
---------------------	----------------------------------

КАК ЖИТЬ

Станислав ДУГИН КАК ПРИВИТЬ РЕБЕНКУ ЛЮБОВЬ К ЧТЕНИЮ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	1
ЖИВЫЕ МОЩИ УВЕРТЮРА	9

ЖЕНСКИЕ ВЕДЫ

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА ИТАК, СЕКС; ОБ ОТКРОВЕННОСТИ С МУЖЬЯМИ; О ЖЕНСКОЙ СЛЕПОТЕ И ДРУГОЕ	3
--	---

20 ШЕЛКОВЫХ ПЛАТЬЕВ	5
НАША ПРОСТИТУЦИЯ	5

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЖЕНСКИЙ РОМАН НАПИСАН В ЯПОНИИ	9
ПЬЕСА Б. ШОУ «ПИГМАЛИОН» — МАНИФЕСТ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ	12

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Юлия ГИАЦИНТОВА В ГРЕЦИИ ВСЁ ЕСТЬ	7–8
ПРАВДИВЫЕ НЕБЫЛИЦЫ	10

Владимир КОРКУНОВ ЧУДАКИ ИЗ КОЛОКОЛАМСКА	7–8
--	------------

Михаил ФИЛИППОВ ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ	10
--	-----------

20-Я КОМНАТА / ОТ ПЯТНАДЦАТИ И СТАРШЕ

Лев АННИНСКИЙ СЕРАПИОНОВА ДЩЕРЬ Из наблюдений над творчеством молодых	10
--	-----------

Рустем ВАХИТОВ БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ. СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ЦЕЛИ Каприз	9
---	----------

Александр ГАЛКИН ОТЦЕДИТЬ КОМАРА, ИЛИ ПРИЗРАЧНЫЙ ЗАПАХ ДЕНЕГ Заметки о современном литературном процессе	12
---	-----------

Варвара ЗАРЕЧНОВА МАТЬ И МАЧЕХА Исповедь одного года	3
--	----------

Елена КОВЫЛИНА КАТЯ И ЕЕ КОМАНДА	1
--	----------

Николай РЯШИН МОЕ ХОЖДЕНИЕ В «УМНИКИ»	1
---	----------

Галина СТЕПАНОВА «XX ВЕК. ШЕСТИДЕСЯТЫЕ...» Читают ли наши дети	6
---	----------

БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДА

Наим АРАЙДИ	5
-------------------	----------

Елена ИСАЕВА СЛАВЯНСКИЕ ПРИГРУДКИ Современная поэзия Болгарии	5
--	----------

Кристина РОССЕТТИ	1
-------------------------	----------

Александр ЧЕТАТЬЯНУ	10
---------------------------	-----------

БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДА / НАСЛЕДИЕ

Фридрих НИЦШЕ	5
---------------------	----------

Людмила БОЛОТНОВА ГЕНИЙ БЕЗУМИЯ	5
---	----------

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Евгений АГЕЕНКОВ Московская область	11
---	-----------

Виктор АФОНИЧЕВ Новосибирская область	6, 7–8, 9
---	------------------

Анна БРИКМАН г. Москва	5, 9
------------------------------	-------------

Мария БУШУЕВА г. Москва	2
-------------------------------	----------

Александр БЫВШЕВ Орловская область	7–8
--	------------

Мариам ГЛЕКЕЛА Латвия, г. Рига	10
--------------------------------------	-----------

Николай ЗАИКИН г. Москва	11
--------------------------------	-----------

Галина ЗЕЛЕНКИНА Красноярский край	9
--	----------

Ирина ИВКИНА г. Москва	4
------------------------------	----------

Эльхан ИСМАИЛОВ г. Калининград	3
--------------------------------------	----------

Виктор КАЛЕНИЧЕНКО Белгородская область	3
---	----------

Сергей КОПИН г. Ростов-на-Дону	2
--------------------------------------	----------

Ольга КРУЧИНИНА г. Екатеринбург	2
---------------------------------------	----------

Елена КУЗНЕЦОВА г. Москва	4
---------------------------------	----------

Олег ЛЕБЕДЕВ г. Москва	11, 12
------------------------------	---------------

Максим ЛУШОВ г. Орел	2
----------------------------	----------

Ольга НИКИФОРОВА г. Тверь	6
---------------------------------	----------

Сергей ПЕТРОВ г. Москва	10
-------------------------------	-----------

Галина ПИЧУРА США, Нью-Джерси	10
-------------------------------------	-----------

Катя ПОВОЛОЦКАЯ г. Москва	11
---------------------------------	-----------

Яна ПОТАРЕВА г. Москва	3
------------------------------	----------

Александр РУЛЕВ Томская область	7–8
---------------------------------------	------------

Екатерина РЫСАКОВА г. Мурманск	4
--------------------------------------	----------

Андрей СКЛЯРОВ г. Москва	1
--------------------------------	----------

Ариадна СЛАДКОВА г. Москва	12
----------------------------------	-----------

Людмила СТРЖИЖОВСКАЯ г. Москва	1
--------------------------------------	----------

Ася УМАРОВА Чеченская Республика	9
--	----------

Роман ТИМОФЕЕВ г. Самара	7–8
--------------------------------	------------

Павел ТИМЧЕНКО Московская область	12
---	-----------

Ольга ТОЛМАЧЕВА г. Москва	5
---------------------------------	----------

Елена ХАНТЕР США — Россия	6, 7–8, 9
---------------------------------	------------------

Зулкар ХАСАНОВ г. Калуга	1, 2, 3, 10, 11, 12
--------------------------------	----------------------------

Олег ШВЕДОВСКИЙ г. Москва	2
---------------------------------	----------

Александр ШЕМЕТОВ Крым	3, 4
------------------------------	-------------

Антонина ШНАЙДЕР-СТРЕМЯКОВА г. Берлин	5
---	----------

В КОНЦЕ КОНЦОВ / ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ИЛЬИЧЕВ ПОХОЖДЕНИЯ «ПОДМИГИВАЮЩЕГО ПРИЗРАКА» Повесть	6, 7–8, 9, 10, 11, 12
--	------------------------------

Евгений РЫК ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ПЛУТОВСКОЙ РОМАН	1, 2, 3, 4, 5
---	----------------------

В КОНЦЕ КОНЦОВ / ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Розалия ВАХИТОВА КАК СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ	5
Надежда ГЛУШКОВА РАЗГОВОР ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «УЛЕТНЫЕ ВЕСТИ» С НАРОДНЫМ ПОЭТОМ ПИСУГИНЫМ	6
ПИСЬМО ОТЧАЯВШИХСЯ ЖИТЕЛЕЙ С. АРЕЙ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «УЛЕТНЫЕ ВЕСТИ», ИЛИ МАРШ НЕРАВНОДУШНЫХ	9
Владимир ГРИПАК СЧАСТЛИВОГО ПУТИ	7–8
РЕПОРТАЖ ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ	11
Феликс КИРЕЕВ ЛЕВА	2
Илья КРИШТУЛ РАЗГОВОР НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА С ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ МАРИНОЙ УСТИНОВНОЙ ПЕРЦОВОЙ	3
РАССКАЗКИ	12
Андрей ЛОПАТИН ЧУДО ГОЛОДАНИЯ	4
Светлана СУПРУНОВА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ	1
Владимир ЯКУШЕВ АЛЬТЕРНАТИВА	10

В КОНЦЕ КОНЦОВ / «ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ»

ГАЛКА ГАЛКИНА 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9, 10, 11, 12

В КОНЦЕ КОНЦОВ / VERIORA VERIS

**ШАЛУН ГЕО,
ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР** ... 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9, 10, 11, 12

НА ВСТРЕЧУ ДНЯ

**ГАЗФЛОТ + «ЮНОСТЬ» = ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ
РОМАН** ДИВЕРТИСМЕНТ 10

ТЕМА НОМЕРА**№ 1**

Станислав КУНЯЕВ
КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ
К 130-летию со дня рождения Александра Блока

№ 2

Наталья АВДОНИНА
ЗАПОЗДАЛА ПАМЯТЬ ОБ АФГАНЦАХ...

№ 3

Варвара ЗАРЕЧНОВА
МАТЬ И МАЧЕХА Исповедь одного года

№ 4

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

№ 5

Михаил ЛИВЕРТОВСКИЙ
ЯПОНО-ЗЫРЯНСКАЯ ЛЮБОВЬ
Из воспоминаний бывшего лейтенанта

Дмитрий ТАРТАКОВСКИЙ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАЛЬЧИШКИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

№ 6

Лев АННИНСКИЙ
МАЛЬЧИК И КОЛДУНЯ (Гумилев и Ахматова)

№ 7–8

Рустем ВАХИТОВ
БЫЛ ЛИ ВЫСОЦКИЙ АНТИСОВЕТЧИКОМ?
Попытка исследования

№ 9

Рустем ВАХИТОВ
**БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ.
СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ЦЕЛИ** Каприз

№ 10

Сергей ШУЛАКОВ
**УЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО
ЭТНОСА** Адажио

№ 11

Николай МИТРОФАНОВ
**ЕВРОМАСКАРАД С АНТРАКТОМ В ТЮРЬМЕ ДОФТАНЕ.
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ИЗ ЖИЗНИ МЕЖДУНАРОДНОГО
АВАНТЮРИСТА**

№ 12

Александр ГАЛКИН
**ОТЦЕДИТЬ КОМАРА, ИЛИ ПРИЗРАЧНЫЙ ЗАПАХ
ДЕНЕГ** Заметки о современном литературном процессе

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Журнал «ЮНОСТЬ» для жителей РФ, дальнего и ближнего зарубежья распространяется только по подписке!

Наши подписные индексы: **71120** (карточная), **83124** (адресная), **42835** (годовая), **42886** (для пенсионеров и библиотек) — в каталоге «Пресса России» (зеленый); **10152** (карточная) — в каталоге «МАП»; **83802** (карточная), **83801** (адресная) — в каталоге «Роспечать».

Также вы сможете подписаться на журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию. Нужно только заполнить и оплатить квитанцию, а ее копию передать нам любым из этих способов:

- по электронной почте: **unost-reklama@mail.ru**
- по факсу: 8 (499) 250-40-60/74
- продиктовать по телефону 8 (499) 250-83-98

Квитанции можно вырезать из журнала или скачать на нашем сайте: **<http://unost.org>**

Москвичи могут приобрести журнал:

- в киоске «Экспресс-хроника» по адресу: г. Москва, Страстной бульвар, д. 24
- в редакции журнала «ЮНОСТЬ» по адресу: г. Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1
- в редакции журнала «Знамя» по адресу: г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 2/46

ВЫБОР ЕСТЬ!

ВАША «ЮНОСТЬ» ВСЕГДА С ВАМИ!

Годовая подписка на литературный журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию возможна с любого месяца. Нужно только оплатить квитанцию и отправить копию нам! Будем рады встрече с новыми читателями!

Подписка на год

Годовая подписка на литературный журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию возможна с любого месяца. Нужно только оплатить квитанцию и отправить копию нам! Будем рады встрече с новыми читателями!

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность»	
	Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва	
	ИНН: 7710047052 КПП: 771001001	
	Расчетный счет № 40703810138040100906	
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225	
	Корр. Счёт: 30101810400000000225	
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____	
Телефон: _____ E-mail: _____		
Вид платежа:	Дата	Сумма
Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		2220,00
Платательщик:		

Подписка на полгода

Годовая подписка на литературный журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию возможна с любого месяца. Нужно только оплатить квитанцию и отправить копию нам! Будем рады встрече с новыми читателями!

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность»	
	Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва	
	ИНН: 7710047052 КПП: 771001001	
	Расчетный счет № 40703810138040100906	
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225	
	Корр. Счёт: 30101810400000000225	
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____	
Телефон: _____ E-mail: _____		
Вид платежа:	Дата	Сумма
Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		1200,00
Платательщик:		

Копию оплаченной квитанции можно отправить в редакцию журнала «ЮНОСТЬ» по факсу: 8(499) 250-40-60, 8(499) 250-40-74, по электронной почте: unost-reklama@mail.ru. Телефон для справок: 8(499) 250-40-72/74.